ПО ЛОМКОМУ ЛЬДУ

ПО ЛОМКОМУ ЛЬДУ

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

63.3(2)722.5
П41

Составители: Н. И. КОНДРАШЕВА, Н. В. МАСОЛОВ

П41 По ломкому льду / Сост. Н. И. Кондрашева, Н. В. Масолов.— М.: Политиздат, 1985.—192 с., ил.

В кнనге рассказывается о партизанах и подпольщиках, действовавших в годы Великой Отечественной войны в тылах группы фашистских армий «Север». Авторы — журналисты, историки, участники событий грозовых военных лет — повествуют о малоизвестных страницах народного подвига

Рассчитана на массового читателя.

П $\frac{0505030202-193}{079(02)-85}$ 160—85 63.3(2)722.5 9(С)277

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Ю. И. Харченко*
Младший редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *С. Ю. Биричев*
Художественый редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Е. Ф. Леонова*

На 2-й и 3-й страницах обложки помещен фотоснимок «Партизаны спасают детей».

ИБ № 4764

Сдано в набор 14.01.85. Подписано в печать 14.05.85. А00097. Формат 70×108 1/32. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 9,36. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 343. Цена 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь это память — наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

Ю. Воронов

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

«Развернувшаяся в годы войны битва за Ленинград по своему пространственному размаху охватила территорию почти всей северо-западной части Советского Союза и имела огромное политическое, экономическое и стратегическое значение для хода и исхода войны».

Эта оценка принадлежит выдающемуся советскому полководцу Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому. Как и при защите Москвы, Сталинграда, Севастополя, Минска и других городов-героев, решающим условием успеха легендарной обороны Ленинграда было единство фронта и тыла. Неотъемлемой частью этого единства стало и партизанское движение, развернувшееся в тылах группы фашистских армий «Север», где действовали ленинградские, калининские, белорусские и латышские формирования партизан.

Был здесь и свой незримый фронт — подпольщики. Смелые, беззаветной отваги люди, твердо решившие:

Нет, лучше с бурей снлы мернть,
Последний мнг борьбе отдать,
Чем выбраться на тнхнй берег
И раны горестно счнтать[1].

[1] *Мицкевич А.* Собранне сочинений. В 5-ти томах. М., 1954, т. I, с. 135.

Литература о партизанах, действовавших в тылах вермахта, довольно обширна. Но и сейчас, спустя четыре десятилетия после Победы над фашистской Германией, немало еще есть нераскрытых страниц народной войны. Многие подвиги разведчиков и подпольщиков неизвестны или живут в легендах, в рассказах ветеранов, но не на страницах книг.

Благодарная память, долг настойчиво зовут нас, и ветеранов войны, и тех, кто вступает в рабочий строй, и самых юных историков — красных следопытов, к поиску, открывать для летописи народного подвига новые и новые имена. Как значимы в этом благородном деле архивы. Их фонды содержат ценные подтверждения дел боевых, героических, но подчас полузабытых и малоизвестных. Одна строчка архивная может дать основу для рассказа о судьбе павшего героя, помочь найти его родных, боевых товарищей, воссоздать картину боя.

Книга «По ломкому льду» и преследует именно такую цель. На ее страницах мы знакомимся с солдатами незримого фронта Михаилом Поспеловым, Илларионом Горским, Верой Капуткиной, Надеждой Федоровой, героями новоржевского подполья, отважными разведчицами в стане врага — Шурой Винокуровой, Галиной Старковой, с юным подпольщиком Сережей Русаковым, вызвавшим в тяжелый момент боя огонь нашей артиллерии на себя. Всего лишь одна строчка есть про Веру Воронину в одной из папок Ленинградского партийного архива, а в очерке «Взрывчатка в лодке» — целый рассказ о героическом подвиге группы подпольщиков Пушкинских Гор — товарищей Веры по подполью.

Авторы очерков разные люди: писатели, историки, журналисты, участники событий грозовых военных лет. Они давно ведут поиск. Книга — результат этого поиска.

События, о которых идет речь в книге, происходили на территории Ленинградской области, в Верхневолжье, на границе трех братских республик: Белоруссии, Латвии и

России. Это поможет читателю от отдельных эпизодов перейти к панорамному ви́дению событий, имевших место в тылах группы фашистских армий «Север».

Представляется весьма важным тот факт, что многие герои сборника живы, в рабочем строю сегодня. Значит, есть с кого брать пример в горячих буднях нашей действительности. Шорохов, Ивченко, Русаков, Калинина, Поспелов... Равнение на них!

Книга «По ломкому льду» бесспорно сыграет важную роль в деле воспитания советских людей на революционных, боевых и трудовых традициях нашего социалистического Отечества.

Г. Х. Бумагин,
секретарь Ленинградского обкома ВКП(б)
в годы Великой Отечественной войны

Иван Васильев

ОЖЕРЕЛЬЕ ТОРОПЫ

Нет реки красивее Торопы. Она похожа на ожерелье: на голубую нить — реку нанизаны зеленовато-синие изумруды — озера.

Торопа протекает через добрый десяток озер: Жельно, Воскресенское, Яссы, Кудинское, Соломенное, Заликовское, Речане... Письменные источники говорят, что в далекие времена в реке добывали жемчуг не очень высокого качества, украшавший головные уборы именитых торопецких горожанок. В местном музее и сейчас можно видеть кокошник, расшитый бисером из жемчуга.

В Торопце интересный музей. Занимает он старинную церковь, построенную неизвестными мастерами весьма своеобразно. Озеро Соломенное и река Торопа образовывали здесь некогда остров. Позже протоку засыпали, связав образовавшийся полуостров дорогой с древней земляной крепостью. Теперь на полуострове, у самой воды, и стоит церковь. Если смотреть на нее со стороны озера, то кажется, что навстречу вам выплывает белый корабль. Восточный торец здания, узкий и округлый, походит на нос корабля, купола со шпилями — на мачты, а западный фасад, прямой и плоский,— словно топором вытесанная корма. Когда озерная волна качает лодку, создается непередаваемое впечатление движущегося на вас каменного корабля.

В музее прохладная сумеречная тишина. Голубоватый озерный свет проникает в узкие зарешеченные окна, тускло отражается на старинных мечах и кольчугах. Это

оружие наших предков. Кто знает, может быть, одним из этих мечей дрался торопчанин с псами-рыцарями на Чудском озере? Этому хочется поверить, когда читаешь выборку из «Новгородской летописи» на витрине под стеклом о том, что в 1239 году «оженился князь Александр, сын Ярославль в Новгороде поя Полотьске у Брячеслава дчерь и венчался в Торопчи; ту кашу чинн, а в Новгороде другую». Это событие — венчание Александра Невского с дочерью полоцкого князя — происходило вот здесь, в Торопце, за три года до великой сечи на Чудском озере.

Хочется верить, что зазубрины на мече имеино от той сечи, еще и потому, что в другом зале встретитесь со спокойным и мужественным взглядом Павла Добрынина. Встретитесь и долго будете стоять, охваченные волнением, пораженные гордым вызовом одного человека целой вражеской армии.

Павел Добрынин был слесарем на льнозаводе. Когда фашисты заняли Торопец, он отказался на них работать. Его повели на площадь к виселице. Накинули петлю, потребовали: «Отрекись от партии!» Он сказал: «Нет!» Его повесили, но тут же вынули из петли. И так три раза. Требовали одного: скажи «да» и будешь жить. Он трижды сказал: «Нет, не отрекусь!»

Это было 27 сентября 1941 года. Представьте себе то время. Вражьи полчища рвутся к Москве, подошли к Ленинграду, а в маленьком городе на тихой речке Торопе безоружный человек вышел один на один с целой армией. «Не отрекусь!» И палачи прочитали в его взгляде свой смертный приговор.

И вдруг вас пронзает мысль: а почему бы не начаться фамилии Павла «Добрынин» от имени русского витязя «Добрыня»?

Кто знает? Кто знает?.. Ведь мы потомки великих прародителей.

Еще полный благоговейной музейной тишиной, я еду на озеро Кудинское. Дорога недальняя. Желтый, размо-

лотый колесами песок, густой сосновый подлесок, маленькие нивы и холмы, холмы. Это Торопецкая гряда, отроги Валдайской возвышенности. Здесь почти не встретишь деревню в один посад. Избы стоят кучками, по три-четыре. Изредка — пять. Они разбежались по холмам. Каждая кучка на своем холме. Между ними то топкая низина, то ручеек, заросший ивняком, ольхой, березами. В зарослях над водой по весне селятся соловьи. Ложись на ночь поближе к окошку и слушай соловьиные трели.

Шура Винокурова выросла в Василеве на берегу Кудинского озера. Выбираю холм повыше, с которого бы открылись и деревня и окрестности. Вот старая деревня, школа. Шура бегала сюда с книжками. Вот дорога. Вынырнув из кустов, она устремляется к озеру, минуя старую, без окон, избу в окружении полузасохших яблонь. Здесь никто уже не живет, люди куда-то уехали. Нет и избы, в которой выросла Шура. Младшие сестры и братья в городах. Мать давно умерла.

Мать очень берегла одну-единственную почтовую открытку, присланную Шурой с войны. Я держу ее сейчас в руках. Здесь, в Василеве, читается совсем по-другому. Представляю, как слушала неграмотная Варвара Егоровна скупые слова дочери. Это, наверно, было за полдень, потому что почту в деревне разносят не рано. И еще потому, что открытка, написанная 25 августа, пришла не раньше 1 сентября, значит, все домашние грамотеи были в школе. Должно быть, нетерпеливая Варвара Егоровна попросила почтальона прочитать открытку тут же на крыльце или у калитки в огород.

«Здравствуй, дорогая мамочка, Паля, Надя, Валя и Риточка. Мама, я знаю, ты очень обо мне беспокоишься, но напрасно, я теперь нахожусь в безопасном месте, близко от своего города. Я живу хорошо, не знаю, как вы. Сегодня я у Любы, а завтра поеду утром на свое место. Мама, ты не плачь, ведь я же не воюю и не буду воевать,

я только помогаю своим. Адреса я не имею своего. Я вам буду писать. Привет Зине.

Целую всех. Шура».

Теперь известно, что означает «не воюю, а только помогаю» и «адреса не имею». Шура была разведчицей. Вот извлеченный из архива наградной лист. Сверху: «Винокурова Александра Нефедовна, марш-агент при оперативном пункте 22-й армии, рождения 1922 года, русская. Член ВЛКСМ с 1937 года, в Красную Армию поступила 29 июля 1941 года добровольно через райком комсомола». Далее следует краткое изложение заслуг: «...Неоднократно выполняла спецзадания по раскрытию замыслов фашистских войск. Например, на 20 августа 1941 года вместе со своей подругой Васильевой она раскрыла большое скопление немецких войск и передвижение их в районе озера Двинье. Пять раз подруги переводили в тыл к фашистам партизанские отряды, три раза выводили из окружения красноармейцев и один раз — девять наших командиров в полной форме и с оружием. В общей сложности они 13 раз были в тылу врага, где кроме разведки всячески вредили врагу. Они портили телефонную связь, точно устанавливали расположение и номера частей и штабов противника. На 25 сентября они установили большое движение крупных сил противника в районе Осташкова».

Внизу наградного листа — приписка: «21 февраля 1942 года приказом по Калининскому фронту А. Н. Винокурова награждена медалью «За отвагу». Номер знака 24 176, медаль значится врученной».

...Дожди и ветры стирают следы человека на земле. Не узнаешь, по каким тропинкам ходила на озеро Шура. Но она ходила здесь, купалась в озере, на этих вот кладках полоскала белье, майскими вечерами слушала соловьев и мечтала. Любовь к родной земле помогла Шуре проявить беспредельную стойкость в час испытаний.

Ее схватили где-то недалеко от фронта и привезли в Бобровку, в полевую комендатуру. У Шуры, как у всякого разведчика, была легенда: иду к тете в деревню Меженку. Ни угрозами, ни побоями не вырвали враги признания. Ее оставили в деревне под надзором.

В Бобровке и сейчас живет Анна Федоровна Румянцева, которая хорошо помнит Шуру. Она рассказала о том, как Шура затеяла побег: подговорила девчат, в разное время задержанных гитлеровцами, военнопленного Бориса, работавшего шофером. План был до наивности прост: украсть офицерскую накидку и фуражку, Борис наденет их, сядет за руль — и погонит к линии фронта. Там — что пошлет удача.

В этом вся Шура: отчаянная, смелая, умеющая увлечь за собой других. И готовая все самое страшное принять на себя.

Побег сорвался в последнюю минуту. Их задержали, когда садились в машину.

Пытали. На допрос согнали полдеревни. Женщин фашисты решили расстрелять как заложниц, если не найдется организатор. Мимо них провели Шуру, избитую, истерзанную. Она поглядела на женщин, скупо, через силу улыбнулась, будто извинялась перед ними. Сквозь приоткрытую дверь услышали: «Все сделала я, и никто больше!» Ее били. «Страшно били,— вспоминает Анна Федоровна.— Мы не могли выдержать и плакали. А она хоть бы словечко проронила... Ночью расстреляли».

Это было весной, когда появились первые цветы. Анна Федоровна говорит, что видела, как собирала Шура подснежники, радуясь их скромной красоте и нежности. Еще она часто вспоминала о матери и сестрах, которые жили у озера.

Вот оно, это Кудинское озеро, голубая жемчужина в ожерелье Торопы. Плещет и плещет волной. Набежит на луговой берег, лизнет выброшенные корни аира, откатит-

ся назад. Над ним беспредельное небо с белыми облаками, за ним — зеленый лес с весенними птичьими песнями...

Разведчицы. Они переходили линию фронта, одетые под беженцев, с простенькими легендами: пробираемся домой, ищем родственников, идем, чтобы купить соли... В руках не держали ни пистолетов, ни гранат. Их оружием были глаза и память — видеть и запоминать. Для этого надо не обходить опасные дороги и деревни, а пробираться туда, где скопление вражеских войск.

Передо мной большой список имен: Эмма Вильц, Нина Трепучкова, Лида Тимофеева, Соня Волкова, Зина Жаброва, Ольга Стибель, Лида Сидоренко. И еще, и еще... Против каждой фамилии: «С задания не вернулась».

Все они росли в селах и маленьких городках на берегах красивых озер и рек Валдая: Торопы, Западной Двины, Волги, Межи, Велесы, Березы. Где-то здесь и разбросаны их безымянные могилы.

...Оля Стибель и Лида Сидоренко жили в Андреаполе, одноэтажном деревянном городке у истока Западной Двины. Лида работала инструктором райкома комсомола, а Оля была членом райкома. В июле 1941 года они стали разведчицами штаба 22-й армии.

Дороги Оли и Лиды пролегали теперь по всему этому богатому реками краю — на Витебск, Велиж, Невель, Новосокольники, Старую Руссу, Белый... Несчитанные версты, ночи в сараях и в поле, голод и холод, боль и ненависть. Их память вела счет не только танкам и солдатам, но и еще более тяжкий — сожженным деревням, замученным и расстрелянным советским людям. Трудно представить, что творилось в душе девушек, всего лишь месяц назад хлопотавших о пионерских лагерях, о воскресных катаниях на лодках, сидевших над книгами, торопившихся на свидание.

Переход от «той» работы к «этой» был страшно тяжел. Но они выдержали.

Их арестовалн в последиюю минуту, когда собирались переступить порог родного дома Лиды, чтобы в темиоте уйтн из города. Дальше последовало страшиое.

— Ты разведчица? — допрашнвали Лиду.— Кем послаиа?

Их истязали по очереди. На глазах у матери. Не помогло. Тогда палачи поставилн к стеике Олю Стнбель.

— Говори! — требовали от Лиды.

Оиа молчала. Оля, ее подруга, упала мертвой. К стенке поставилн сестру Веру.

— Говорн!

Нн слова. Мать в ужасе прижала руки к грудн. Умоляющие глаза устремлеиы иа дочь. Упала Вера.

— Теперь скажешь? — фашист иавел пистолет на Анну Тимофеевну.

— Будь проклят, гад! Есть и иа тебя пуля!..

...Четыре трупа нзвлекли нз-под сиега красноармейцы, освободившие вскоре город.

Плещется озерная волиа, несет свои воды спокойиая Торопа. Оиа вольет нх в Западиую Двину, а та уж поиесет в море Балтийское.

Не спешнте проехать мнмо Торопы, остаиовнтесь, подумайте. Представьте: сюда вечерамн выходнли на свидання счастливые девушки. Отсюда ушлн иа войиу. Здесь их могилы...

Нет реки краснее Торопы. Она как ожерелье: на голубой ленте жемчужнны имен.

Николай Масолов

ВЫСТРЕЛЫ НА ПЕСКАХ

Онн былн недружными, эти выстрелы, вспугнувшие тншнну Шастовских песков. Тюремщнкн торопнлнсь сделать свое чериое дело.

Стояло бабье лето. На деревьях листья были слегка позолочены и немного тронуты лиловыми тенями. Серебряные нити тумана опутывали кустарник. Голубел в лучах восходящего солнца медоносный вереск. А неподалеку от дороги диссонансом красоте сентябрьского утра зловеще зияла могильная яма.

Восстановить полностью картину расстрела подпольщиков Новоржева мы не можем. Но достоверно известно — последние минуты своей жизни все шестеро провели достойно: не унизились до жалоб и слез, бросили в лицо палачам слова веры в нашу победу. Старшей из расстрелянных — Зое Брелауск — в те сентябрьские дни 1943 года было двадцать девять лет, а младшему — Ване Острогорскому — семнадцать.

И еще мы точно знаем: когда гитлеровцы вели обреченных на смерть из тюрьмы к машине, Зина Евдокимова ободряла товарищей страстными словами лермонтовской поэмы:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

БЕССТРАШИЕ НЕПОКОРЕННЫХ

После ожесточенных боев на рубежах Острова части 16-й и 18-й немецких армий устремились к Луге. Командующий армейской группой «Север» фельдмаршал фон Лееб торопился выполнить приказ Гитлера — вступить в Ленинград не позднее августа сорок первого года.

Новоржев лежал в стороне от направления главного удара фашистских войск, но от него шли дороги к станциям Сущево и Локня, расположенным на важнейшей железнодорожной магистрали Витебск — Ленинград. Шоссе связывало город с Островом — крупным опорным

пунктом второго эшелона дивизий вермахта. Поэтому, получив 16 июля донесение о захвате Новоржева, командование группы армий «Север» приказало разместить в нем военно-полевую комендатуру и подразделения охранных войск.

Позже в Новоржеве обосновалось отделение тайной полевой полиции (ГФП) — фронтовое гестапо при комендатуре. ГФП действовало в контакте с военной разведкой — абвером. На территории, оккупированной войсками группы армий «Север», абверовцы сразу же насадили контрразведывательные органы. Руководила ими абвер-команда-304, разместившаяся в Пскове. Возглавлял этот центр майор Клямрот. Напутствуя капитана Цана, назначенного начальником тайной полевой полиции в Новоржеве, он не без иронии говорил:

— Кое-кто у нас в штабе считает, что вам, капитан, повезло: Новоржев — тихая обитель. Расправится, мол, Цан с фанатиками-коммунистами, установит порядок и заживет в свое удовольствие: вино, карты, женщины. Надеюсь, что вы не так наивны, мой друг, чтобы поверить этому. Думаю, что сопротивляться нашим порядкам станут далеко не одиночки. Действуя железной рукой, не забывайте, что в арсенале наших средств борьбы есть испытанное оружие — провокация. Русские излишне доверчивы.

О советских людях матерый шпион знал немало. Он, как и глава абвера адмирал Канарис, не разделял точку зрения нацистской верхушки о том, что борьба в тылах вермахта — «коммунистические повстанческие выступления» — будет подавлена простой полицейской акцией.

...Отодвинулся фронтовой гул от озер Аршо и Росцо. Далеко за Сороть ушла артиллерийская канонада. Смолк грохот от проходивших через город полевых орудий, танков с паучьими знаками на броне. Притих, посерел Новоржев, будто вернулись далекие времена уездного захо-

лустья. Сентябрь на дворе, а на улицах не шумят веселые стайки школьников. Не слышно по утрам, как бывало раньше, гула грузовых автомобилей, привезших с колхозных полей янтарное зерно. Не видно по вечерам разноголосой толпы у входа в кинотеатр, на площадке у Дома культуры. Казалось, смирились новоржевцы с оккупацией, подчинились фашистским приказам-угрозам: за непокорство — смерть.

Но покорства не было ни в городе, ни в деревнях. В одну из осенних ночей вспыхнули деревянные мосты на дорогах к Новоржеву. В другой раз среди бела дня кто-то обстрелял возвращавшихся из деревни фуражиров комендатуры. Двое мародеров были убиты. В ноябре на городских зданиях появились листовки, которые призывали бороться с оккупантами.

— Ты утверждаешь, что листки бросают в город с самолета,— зло выговаривал Цан главе «местного самоуправления» предателю Акимову.— А вот эти бумаги (капитан вытащил из стола ворох тетрадочных листков) тоже к нам с неба падают? А на заборах надписи «Да здравствует 24-я годовщина Октября!» тоже летчики сделали? — Цан усмехнулся и ехидно добавил: — Плохо стараетесь, ваше благородие, царю-батюшке лучше служили.

Акимов угодливо заверил своего хозяина:

— Дознаемся, господин капитан. Найдем большевистских помощников — возмутителей спокойствия.

Однако напасть на след авторов листовок агентам ГФП не удалось. Нашелся человек, который предостерег смельчаков от излишне рискованных шагов, направил их действия в русло общей борьбы с оккупантами. Этим человеком была Зоя Яковлевна Брелауск — учительница Крекшинской школы.

В Крекшине, большом псковском селе, Брелауск учительствовала несколько лет. К молодому педагогу быстро пришло признание коллег и любовь ребят. Энергичная,

волевая, проявлявшая завидное спокойствие в горячих учительских спорах и при участии в решении колхозных дел, Брелауск пользовалась большим авторитетом среди молодежи и людей старшего возраста. Сама Зоя, как признавалась она в письмах к родным, тоже «прикипела к своему Крекшину». Сколько чудесных вечеров провела она с учениками старших классов на берегах Сороти! Сколько девичьих грез оставила здесь!

До последнего часа не верила девушка, что фашисты придут в пушкинский край. В первый момент, когда Зоя увидела у Сороти немецкие танки, она словно оцепенела. К вечеру оцепенение исчезло, в душе властно застучало: надо бороться, надо действовать... Пусть и невелик был житейский опыт, но он подсказал Брелауск правильный шаг: найти единомышленников, создать подпольную организацию.

Действовала Зоя осторожно, понимая, что доверять свои мысли и планы даже шепотом можно теперь далеко не всем. Выбор для первого откровенного разговора сделала безошибочный. Учительница Зинаида Евдокимова и слесарь Дмитрий Гусаров без колебаний согласились стать подпольщиками. С Зиной Зоя в свое время вместе училась. С лучшей стороны знала и Гусаровых — Дмитрия и его жену Марию. Гусаровы жили по соседству с большой семьей старшего брата Зои, к которому она перебралась осенью.

Зина прилично говорила по-немецки, благодаря чему устроилась на службу на биржу труда. Ей ничего не стоило направить Брелауск работать на молокозавод — идеальное место для встреч с нужными людьми.

В один из воскресных дней Зоя застала у Гусаровых черноволосого парня, знакомого ей по работе в деревне Жардицы. Дмитрий шутливо представил его:

— Острогорский Анатолий — владелец клада.

— Мы немного знакомы. А что за клад? — живо поинтересовалась Брелауск.

Острогорский смутился и вопросительно посмотрел на Гусарова.

— Говори. Зоя Яковлевна у нас за старшего.

— Радиоприемник есть у ребят в Черноярове.

— А что за ребята?

— Вася Барихновский, Ким Петров и еще несколько учеников из Новоржевской средней школы. Ребята надежные.

Брелауск внимательно выслушала рассказ Анатолия о том, как они достали неисправный приемник, как чинили его сообща и, наконец, приняли первую сводку Совинформбюро.

— Для нас приемник лучше всякого клада. Вы молодцы,— похвалила Зоя,— но и беречь клад надо зорко. Ты, Анатолий, старше своих товарищей и должен понимать, как важны в нашем деле дисциплина и конспирация. Без них и приемник, и мы все скоро станем добычей врага. Нельзя действовать с мальчишеской лихостью. Кстати, скажи об этом своему брату Ивану. Иду я позавчера по городу, светло еще было, смотрю, а он преспокойнейшим образом что-то прилаживает к забору. Подошла — он за угол да бежать. На заборе хлебным мякишем листовка приклеена. Нельзя так. Задержат — ниточка к товарищам приведет. Осторожность риску не помеха.

Когда Острогорский ушел, Брелауск достала из сумочки пакет и протянула его Гусарову:

— И у меня, Дима, что-то вроде клада есть.

— Чистые бланки аусвайсов,— удивился Гусаров,— откуда они у тебя?

— Евдокимова достала. Бланки подлинные. Сможем теперь паспортами снабдить красноармейцев, которые укрылись в деревнях.

— Или тех, кто бежит из лагеря и тюрьмы.

— Из тюрьмы,— как эхо откликнулась Зоя и тихо добавила,— если одним из надзирателей в тюрьме станешь ты, Дмитрий.

— Ты что, рехнулась? — вскипел Гусаров.

— Нет, Дима. Я в своем уме. Но ты пойми — нам нужно, очень нужно иметь там своих людей. Камеры битком набиты арестованными. Ищейки Цана могут бросить туда и партизан, с которыми нам так не хватает связи. Ты смог бы и арестованным помочь, и многое узнать от них и от охранников.

— Да кто меня возьмет туда,— все еще сердито буркнул Гусаров.

— Иди прямо к начальнику тюрьмы. Скажи, что паек нужен, у вас в семье грудной ребенок. В истребительном отряде ты не был, в отправке скота на восток не участвовал. Значит, вне подозрений. Парень ты мастеровой. Начальству тюремному умелые рабочие руки тоже нужны. Возьмут, Дима...

К тому времени, когда зима наглухо укутала в белые холсты новоржевские поля, подпольная молодежная организация объединяла два десятка юношей и девушек. Ближайшими помощниками Брелауск, Гусарова и Евдокимовой стали Анатолий Острогорский, учительница Клавдия Гринченкова, бывшая сотрудница райисполкома Мария Федорова. Составление и распространение листовок, помощь арестованным патриотам, организация срыва в деревнях поставок сельскохозяйственных продуктов, сбора шерсти и других экономических мероприятий оккупационных властей — ко всему этому приложили руки подпольщики. Не было у них постоянной связи с Большой землей — советским тылом. Это затрудняло работу.

Вокруг Новоржева безлесная местность. Появиться партизанам вблизи города невозможно. Небольшую партизанскую группу, созданную наспех в дни эвакуации (с ней установили связь черноярковские ребята), гитлеровцам вскоре удалось рассеять. А тут еще и радиоприемник вышел из строя. Подпольщикам как воздух нужны были правдивые вести о положении на фронте и в стране.

Да и разведывательной информации скопилось много. А кому ее передашь?

«Неужели забыли нас? Неужели не пришлют человека на связь?» — тоскливо думала Брелауск по вечерам, вслушиваясь, как пуржит ветер на дворе, барабаня по окнам снежной крупой. В такие минуты Зоя старалась оживить в памяти детские и отроческие годы, мыслью перенестись туда, где ее, босоногую девчушку, обжигала утренняя роса на лугу, колола стерня в осеннем поле... Вот старушка с мягким добрым лицом отрезает от теплой буханки ломоть хлеба, кладет рядом с кружкой парного молока: «Ешь, внученька. Ржаной хлебушка — калачу дедушка...» Милые, далекие лица... Отходит Зоя от окна, и в воспоминаниях нет забвенья от жгучих вопросов.

ФРЕЙЛЕЙН ВЕРА

В такой же холодный зимний день, когда жгучие вопросы одолевали Брелауск, в одной из комнат зафронтового отдела управления НКВД Калининской области сидели двое. Полковник средних лет с волевым лицом спрашивал, миловидная смуглая девушка с запавшими черными глазами отвечала.

— Мне доложили, что вы довольно хорошо понимаете разговорную немецкую речь, товарищ Капуткина.

— Посредственно, товарищ полковник. И зовите меня, пожалуйста, Верой.

— Хорошо,— улыбка чуть тронула уголки губ полковника,— а меня зовут Дмитрий Степанович. Вы, Вера, очевидно, уже догадались о нашем желании послать вас во вражеский тыл.

— Да, догадалась.

— Вас это не страшит? Только честно, Вера.

— Конечно, страшновато, Дмитрий Степанович, но я сделаю все, что потребуется. Я раньше читала и слыша-

ла о зверствах фашистов, а теперь побывала в только что освобожденном от немцев Калинине и воочию убедилась в том, что такое фашизм. Ох, товарищ полковник, сколько гнева у меня...

— Гнев безглазый, Вера,— не дал договорить ей полковник,— он брода не ищет. Там, куда мы хотим направить вас, море боли и горя людского, но разведчику свой гнев нужно глубоко прятать.

— Я постараюсь. А если...

— Пусть не будет этого если,— второй раз не дал полковник договорить девушке фразу,— хладнокровию разведчика должна сопутствовать и вера в собственные силы.

— Я же Вера,— слабо улыбнулась Капуткина.

– А что скажете матери?

— Направили медсестрой в прифронтовую зону...

Ушла Капуткина. Задумался Токарев. Давно профессией полковника стала работа, подчиняющаяся закону непререкаемой необходимости. И все же, беседуя с людьми, отобранными для разведки в тылу врага, каждый раз не покидало опытного чекиста чувство какой-то виноватости... Медсестра в прифронтовой полосе... Святая ложь... Сколько горячих и верных сердец не вернулось с этой «прифронтовой полосы». Иные как в воду канули, даже место гибели неизвестно. Но надо, надо...

Первой военной зимой в Острове, Пскове, Новосокольниках, Опочке, Порхове и в других северо-западных городах, оккупированных фашистскими армиями группы «Север», в учреждениях оккупационных властей стали работать симпатичные девушки из числа беженцев и переселенцев. Они добросовестно отрабатывали паек и положенные за службу марки, мило улыбались гитлеровцам, и те называли их так, как зовут девушек в фатерланде,— фрейлейн. Местные жители, наоборот, имена их заменяли хлесткими, презрительными кличками. Вот под такой чужой личиной и должна была действовать в Но-

воржеве слушательница юридической школы, дочь тверских рабочих девятнадцатилетняя комсомолка Вера Капуткина.

Вера получила в семье хорошее трудовое воспитание. Вела общественную работу, увлекалась спортом. Еще на школьной скамье она обращала на себя внимание внутренней собранностью, целеустремленностью. Волевой характер девушки сказался в страшные часы первого дня оккупации Калинина — Вера вывела за городскую черту и переправила через неустоявшуюся линию фронта мать и двух младших сестер. Однако все эти ценные качества Веры Капуткиной оказались бы бесполезны в разведке, не имей она профессиональных, хотя бы элементарных, навыков. Вот почему помощники Токарева минимальное время, отведенное на подготовку разведчицы, использовали максимально — насытили до предела учебными занятиями.

В начале марта 1942 года Капуткина в сопровождении инструктора была отправлена в город Торопец, где находилась оперативная группа штаба партизанского движения. Здесь Веру познакомили со связной Александрой Смирновой. Связная имела «крышу» (родственников) в Новоржевском районе.

Девушки понравились друг другу. Смирнова была всего лишь на год старше Веры. Дочь крестьянина Новоржевского района, Шура окончила Опочецкое педагогическое училище. За год до начала войны стала работать в школе. Июнь сорок первого застал ее в Калинине на сессии — сдавала экзамены за третий курс заочного отделения пединститута. Узнав об оккупации Новоржева, перебралась к сестре в Торопец, но и сюда, хотя и ненадолго, пришли захватчики. Как только город освободили от гитлеровцев, Смирнова обратилась в штаб партизанского движения с просьбой послать ее в тыл врага. Наставником разведчицы стал чекист Иван Кураев.

Мартовской ночью Капуткина и Смирнова в сопровождении армейских разведчиков появились в передовом охранении советских войск вблизи станции Насва. Долго ползли по нейтральной полосе — болотистой равнине, замирая каждый раз, когда из-за рваных туч выглядывала луна или вспыхивали в небе ракеты, освещая мертвенным светом полотно железной дороги. Наконец попали в полосу обороны гитлеровцев. У небольшого холма, поросшего ельником, старший из разведчиков остановил группу и, блеснув улыбкой, сказал:

— С благополучным переходом, девушки, и примите от лица службы, как любит говорить наш комбат, поздравление с международным женским днем.

— Ой, неужели? — удивилась Вера.

Сержант посмотрел на часы:

— Да, уже два часа, как по земле шествует восьмой день марта. Задерживаться нельзя. Мы к себе — вы к ним. За пригорком будет тропка, по ней метров двести до лесной дороги. Пока доберетесь до нее, мы вас подстрахуем...

Более суток молчаливым спутником разведчиц была лесная дорога. Шли в направлении на поселок Кудеверь. В Новоржевском районе «беженок» дважды выручала «крыша». От родственников Смирнова узнала, что муж одной из ее приятельниц, Васильевой, работает в городской управе, а в их просторном доме живет какой-то немецкий офицер, и предложила:

— А что, если попросить Васильеву приютить нас на первых порах? И помочь тебе, Вера, устроиться на работу?

— Рискованно, но я согласна,— ответила Капуткина.

Васильевы приняли «беженок», дали комнату, только предварительно спросили согласия квартиранта — немецкого офицера. Им оказался капитан Цан — начальник тайной полевой полиции Новоржева...

А теперь вернемся к Зое Брелауск. Как-то раз, когда

она подавала иа стол ужнн, раздался стук в окно. Ребятишки прнтнхли. Брат-нивалид вздрогнул:

— Неужто немцы?

— Солдаты так не стучат,— Зоя подошла к дверн.— Кто там?

— Зоя Яковлевна, откройте.

Голос показался зиакомым. Зоя откииула крючок н ахиула:

— Шура!

— Собственной персоиой. Выйди иа мнннуточку.

Всего год проработали онн вместе в Крекшиио, но временн хватнло, чтобы девушкн подружились, несмотря иа разницу в возрасте. Смириова была уверена: Брелауск ие примирнтся с оккупацней, и иа ее вопрос: «Ты от иаших?» — прямо ответнла: «Да. И не одиа». Проговорилн всю ночь. Решили — другне подпольщикн ие должны зиать о Вере иичего, кроме «легеиды» — бежеика, случайиая попутчица Шуры. Встречаться Зоя с Верой будет лишь прн крайией необходимостн.

Мииуло две неделн. Капуткииу удалось устроить судомойкой в военную столовую. Смнриова же нсчезла из города под предлогом помощн родствеиннкам в деревне в весеиних полевых работах. В Цеитр она возвращалась с богатой ннформацней о положеннн в городе н на берегах Соротн, о иоворжевском гарнизоне гитлеровцев, о деятельности молодежиого подполья.

Обратный путь связиой был нелегким. Весна в этом году была раиией. По лесным тропам зажурчали ручьн, растаял ледяиой покров болот. Прншлось идтн по проселочиым дорогам, часто заходнть в деревин. В одиой из иих Смириову задержалн полнцаи. По приказу комеиданта ортскомендатуры № I-321 Франкенштейна в Ашевском и Бежанннцком райоиах проводнлась облава: оккупаиты вылавливали юиошей и девушек, укрывшнхся от угоиа в Германию. Шуре удалось бежать из-под охраны. В апреле она прнбыла в Торопец.

...Капуткина быстро освоилась на кухне — работала старательно, сноровисто. При встрече с гитлеровцами заставляла себя улыбаться, произносила две-три фразы по-немецки. Последнее не ускользнуло от Цана. Вызвав к себе пожилого фельдфебеля, в чьем ведении была столовая, спросил:

— Как работает новенькая?

— Услужлива. Расторопна. Не ворует,— фельдфебель криво усмехнулся,— ругают ее, господин капитан.

— Кто? — насторожился Цан.

— Русские бабы.

— За что?

— За то, что говорит с солдатами по-немецки.

На другой день Капуткину вызвали в ГФП. Цан спросил через переводчика:

— Откуда фрейлейн знает язык великой Германии?

— Я хорошо училась в школе, господин капитан,— не робея ответила Вера,— учительницей у нас была немка фрау Матильда Нымм. Она меня отличала от других.

— Где она?

— Ее вместе с мужем-эстонцем,— сочиняла на ходу разведчица,— большевики сослали в Сибирь.

— Вам жалко ее?

— Да,— ответила по-немецки Вера,— с ней дружила моя покойная мама.

Спустя несколько дней Капуткину снова вызвали к Цану. Капитан встретил ее приветливо и на ломаном русском языке изрек:

— Ви, фрейлейн, будет мой цвай переводчик.

Летом 1942 года на коммуникациях из Прибалтики и Белоруссии заметно увеличился поток военной техники в направлении к берегам Великой. Выросли контингенты войск в Острове, Пскове, Луге. Отдельные части вермахта расквартировались в Новоржеве и в Выборе. Командование фашистской группы армий «Север» в глубокой тайне готовило второй штурм Ленинграда. Операция была

закодирована под названием «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»), позже ее переименовали в «Нордлихт» («Северное сияние»).

В штаб охранных войск тыла группы «Север» были вызваны коменданты военно-полевых комендатур и командиры трех охранных дивизий. Перед ними выступил начальник тылового района генерал-лейтенант Рокк. О готовящемся штурме Ленинграда прямо не говорилось, речь шла об усилении борьбы с партизанами и спецгруппами Красной Армии. Досталось от начальства всем, в том числе и новоржевскому коменданту майору Рейссенвеберу, хотя и меньше, чем другим. Крупных диверсий по его комендатуре зафиксировано не было.

Вернувшись в Новоржев, Рейссенвебер долго совещался с Цаном, дал нагоняй Акимову. Спустя несколько дней Цан сформировал карательный отряд. Акимов разразился в адрес волостных старшин грозным посланием с перечислением мер по борьбе с партизанами. Среди них были такие: «Не допускать в деревнях ни дневных, ни тем более ночных сборищ», «Собрать и сдать фотоаппараты... телеграфно-телефонную проводку». Давалось указание в каждой деревне ввести ночные дежурства, иметь уполномоченного по борьбе с партизанами, «желательно из репрессированных», и далее в таком же духе.

Капитан Цан теперь часто выезжал в Выбор, в деревни, расположенные на шоссе, к речным переправам. И почти каждый раз его сопровождала «фрейлейн Вера». Однажды Гусаров спросил Брелауск:

— Я знаю — ты на днях встречалась с переводчицей Цана. Что у тебя с этой девкой может быть общего?

— Знаешь, Дмитрий, есть у детей такая присказка — любопытной Варваре...— заметив, как нахмурился Гусаров, Зоя погасила улыбку.— Общее у меня с переводчицей то же, что и у тебя со мной.

— Неужели? Вот это здорово. Значит, и Смирнова?

— Да, да. Только молчок, Дима, молчок.

А Вера при встрече жаловалась Брелауск: накопилось много разведданных — нужен радист или связник; тяжело каждый день слушать рассказы офицеров комендатуры о карательных акциях, присутствовать при допросе арестованных по подозрению в связях с партизанами; избегать ухаживаний начальника тайной полевой полиции. У руководителя подполья скапливалась информация, полученная и от Клавы Гринченковой из Грибово, и от Марии Федоровой из Юхнова. Часть ее Брелауск передавала через Острогорского, Петрова и других ребят в партизанский отряд Большакова, но связь с ним была нерегулярной. Отряд лишь временами появлялся в новоржевских лесах.

Капуткина и Брелауск верили: придет связник. Они не обманулись в своих ожиданиях. Под вечер одного из летних дней, когда тревожное свинцовое небо грозило разразиться ливнем, на окраине города в саду состоялась встреча Веры Капуткиной и Шуры Смирновой. Обняв Шуру, по-детски всхлипывая, Вера говорила:

— Пришла, подружка, наконец-то пришла...— Потом она робко спросила: — Надолго?

— Нет, Верочка. Там,— Смирнова показала рукой на восток,— ждут наших вестей...

И сейчас, спустя сорок лет после войны, когда листаешь архивные документы с записями о том, что увидела, услышала и передала чекистам в то грозовое лето «фрейлейн Вера», не перестаешь удивляться цепкости взгляда, остроте ума разведчицы...

В конце лета 1942 года фашистскому командованию стало ясным — операция «Нордлихт» не состоится. Активные действия защитников невской твердыни ослабили силы группы армий под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна, которому Гитлер приказал взять штурмом Ленинград. На юге разворачивалась гигантская Сталинградская битва. В это время штаб партизанского движения направил в рейд из-под Великих Лук к грани-

цам Белоруссии и Латвии несколько партизанских бригад. Фашисты спешно перебросили туда часть охранных войск из Острова и Новоржева. Вместе с ними покинул город и капитан Цан.

Обозленные неудачами на фронте, гитлеровцы усилили террор на оккупированной территории. Новый начальник ГФП в Новоржеве начал с чистки учреждений, где работали местные жители. Все беженцы были уволены. В их число попала и Капуткина. Правда, используя знакомства с офицерами гарнизона, ей удалось устроиться на работу в хозкомендатуру, но ненадолго. Новоржевская ортскомендатура была слита с Островской. В те дни в Острове находилось много полевых войск.

А потом пришла беда. Вера обнаружила, что кто-то рылся в ее немудреных пожитках и взял карманный словарь немецкого языка. Хозяйка квартиры, куда вынуждена была перебраться Капуткина после увольнения с работы,— женщина хитрая, пронырливая. Но зачем ей словарь? Ночью к ужасу своему разведчица вспомнила: она не стерла в словаре пароли для входа в деревни карательного отряда. Только вчера она узнала их от болтливой переводчицы, заменившей ее в ГФП, и не успела передать Брелауск.

Решение напрашивалось одно: уходить. Встреча с Брелауск исключалась — могла уже быть слежка. Да и вряд ли Зоя в тогдашней обстановке сумела бы переправить ее к партизанам.

Разведчицу случайно задержали невдалеке от поселка Кудеверь. Может быть, все и обошлось бы, да один из карателей опознал Веру:

— Так это ж бежавшая переводчица,— захлебываясь от злобы, доложил он командиру карателей.

Веру Капуткину выдал предатель Васильев. Сын торговца, расстрелянного за бандитизм в годы гражданской войны, раскулаченный в 1930 году, Васильев вернулся в родные края вместе с оккупантами, которым сдался в

плен в первые недели войны. Став карателем, он совершил много злодеяний, за что удостоился от хозяев унтерофицерского звания [1].

Поначалу Капуткину бросили в тюрьму в Кудевери. Допрашивали, били. Разведчица твердо держалась одной версии: искала работу в деревне, осенью там легче прожить. Сентябрьской ночью Веру перевезли в Новоржев. Утром Гусаров прибежал к Брелауск:

— Вера в тюрьме.

— Передай ей сегодня же,— попросила Зоя,— мы попытаемся спасти ее.

На первом же допросе следователь показал Капуткиной словарь. Девушка спокойно ответила:

— Моя книжка. Да, я записывала отдельные слова, потом стирала их. Я так часто делала. Это подтвердит капитан Цан.

Добиться признания от разведчицы гестаповцу не помогла и жестокая пытка. Когда Вера очнулась после нее в камере и увидела Гусарова, она прошептала:

— Я не назвала никого из наших...

Прямых улик следователь не имел. Гусаров узнал: Капуткину отправят в лагерь. Брелауск пошла на крайнюю меру — встретилась на несколько минут с Верой в тюрьме, сообщила ей вариант побега. Подпольщики разработали план похищения разведчицы по дороге в лагерь. Все было готово. Накануне ночью Гусаров заглянул в одиночку: Веры там не было...

Позже Дмитрий узнал: в самый последний момент комендант Новоржева приказал тайно вывезти Капуткину за город, расстрелять, а тело бросить в гиблое болото... Никаких следов. Ни могилы, ни памяти.

Ошибся фашист. Не затерялось в гигантской круго-

[1] Каратель Виктор Васильев, он же Егор Сидорковский, Марк Яковлев, был найден после войны в Иркутской области. Расстрелян по приговору Военного трибунала.

верти военного лихолетья имя верной дочери России Веры Федоровны Капуткиной. Она, как и герои Брестской крепости, сражалась за Советскую Родину до последнего дыхания, стояла насмерть. И имя ее будет жить в памяти людей.

ВЕРНЫЕ СЕРДЦА

Подполье Новоржева продолжало борьбу. В 1943 году упрочились его связи с партизанами. Отряд Григория Большакова (в него вошли Петров, Острогорский, чернояровские подпольщики) влился в бригаду Сергея Максименко, которая вместе с другими партизанскими формированиями развернула боевые действия на линии Локня — Бежаницы — Кудеверь — Новоржев.

Дерзкую операцию в честь 25-й годовщины Красной Армии провели отряды Стальберга, Каишева и Степанова из бригады капитана Григория Бабакова. В ночь на 23 февраля они совершили налет на немецкую экономию в поселке Большое Макарово — в пяти (!) километрах от Новоржева. Партизаны почти полностью уничтожили гарнизон врага, сожгли скотные дворы, угнали скот, взяли трофеи и скрылись. Операция эта не осталась незамеченной в штабе охранных войск тыла группы армий «Север». Комендант Новоржева Рейссенвебер был смещен с должности и направлен в действующие части вермахта.

Опасаясь за свои коммуникации, фашистское командование усилило гарнизоны Новоржева, Кудевери, Бежаниц, Локни и в апреле 1943 года предприняло крупную карательную экспедицию против четырех небольших бригад калининских партизан. В экспедиции кроме охранных войск участвовали полевые части, снятые со старорусского направления, артиллерия, танки, авиация. Бои начались невдалеке от Новоржева, затем переместились к Кудевери. Карателям удалось нанести сильный

урон партизанским формированиям, частично рассеять их. Погибли комбриг Сергей Максименко, начальник штаба бригады имени Лизы Чайкиной Исмаил Алиев.

Много свежих могил появилось в ту весну у озера Але, на берегах Ловати, Льсты, Березовки. Каратели сжигали деревни, связанные с партизанами. Косил людей и тиф. В тифозной горячке свалилась и разведчица Александра Смирнова, выполнявшая спецзадание. Партизаны укрыли девушку в одной из деревень.

В мае шли дожди. Они поили землю, звали пахаря в поле. А в деревнях все меньше и меньше становилось мужчин. Пахари уходили в леса к партизанам. В тот май на новоржевской земле зазвучало имя нового партизанского командира — Александр Герман. Летучие отряды его бригады действовали в нескольких районах Ленинградской и Калининской областей. 3 мая 1943 года отряд Журавлева разгромил у Сороти подразделение полевых войск вермахта, захватил два орудия. 11 мая партизаны под командованием Андрея Мигрова у новоржевской деревни Заречье напали из засады на воинскую часть гитлеровцев, нанесли ей потери и заставили свернуть с маршрута. 19 боев в мае, 44 в июне провели партизаны из бригады Германа в тех местах, где оккупанты до той поры чувствовали себя более или менее уверенно. На переправах через реки, на дорогах к Новоржеву появились щиты с надписями:

«Опасно!
Здесь появляются партизаны.
Ходить в одиночку и мелкими группами
воспрещается».

К Герману потянулись все, кто мог сражаться с оружием в руках. В числе первых новоржевцев в бригаду пришел Анатолий Острогорский. Помощники Германа по разведке Николай Панчежный и Иван Костарев быстро оценили боевые качества Анатолия, взяли его под свою

опеку и вскоре послали в Новоржев. Зоя Брелауск через Острогорского отправила Герману подробное донесение о гарнизоне и чистые бланки немецких документов.

Летом 1943 года борьба молодых патриотов Новоржева достигла широкого размаха. Смело, подчас безрассудно вели сбор разведывательной информации Евдокимова, Гринченкова, Русова, Гусаров, Федорова, Иван Острогорский. Подпольщики предупреждали партизан о выходе из города карателей, помогали разоблачать тайных агентов ГФП. Кроме Острогорского на связь с группой Брелауск приходила и Шура Смирнова. Она теперь работала в разведотделе бригады.

Трагедия в Новоржеве разыгралась неожиданно и быстро. Анатолий Острогорский в форме немецкого офицера поехал в Черноярово на явочную квартиру за пакетом от Брелауск. Возвращаясь на рассвете, нарвался на гитлеровцев. Те открыли огонь. Анатолий был убит. Когда солдаты приблизились к нему — испугались: убили своего офицера. Сообщили в Новоржев. Приехавшие гестаповцы обнаружили в кармане пакет с разведсводкой и письмом Анатолию от младшего брата.

Сличив почерки русских служащих с почерком, которым были написаны найденные странички, ищейки ГФП вышли на Брелауск. Последовали аресты всех, кто был замечен в близком знакомстве с нею. Сыграло свою роль и неосторожное посещение Зоей тюрьмы во время ареста Капуткиной.

Допросы арестованных сопровождались зверскими избиениями. Последней, кто видел Брелауск в те страшные часы, была арестованная по подозрению в связях с подпольщиками Анна Русова. Она запомнила: Зоя шла прихрамывая в сопровождении конвоиров по тюремному коридору. Лицо и одежда ее были в крови.

В начале сентября 1943 года фашисты провели крупную карательную экспедицию против 3-й ленинградской партизанской бригады. Несколько тысяч карателей окру-

жили партизаи иа иоворжевской земле, ио бригада вырвалась из огиеииого кольца и скрылась в Ругодевские леса.

Взбешеииый иачальиик охраиы тыла 16-й иемецкой армии геиерал-лейтеиаит Пфлуградт метал громы и молиии иа своих подчииеииых. Ожидал взыскаиия и военный комеидаит Новоржева, и когда 9 сеитября иачальиик ГФП положил ему иа стол список подпольщиков, уличеииых «в подрыве мощи германской армии», ои злобио иаписал одио слово — «кугель» (пуля). В списке стояли имеиа: Зоя Брелауск, Дмитрий Гусаров, Зииаида Евдокимова, Клавдия Гриичейкова, Мария Федорова, Иваи Острогорский.

Тогда — 11 сеитября 1943 года, иа рассвете,— и прозвучали выстрелы иа Шастовских песках.

Вера Голубева

О ЧЕМ МОЛЧАТ КАМНИ

Камеииая полуразрушеииая церковь иа пригорке. Два больших развесистых дуба. Справа и слева шумит большое село. А здесь тихо. Здесь вечиым сиом спят те, кто освобождал этот край от иемецко-фашистских захватчиков. Их миого — солдат миивувшей войиы. Несколько сот фамилий иачертаио иа иадгробиых досках братской могилы.

Бои тут осеиью сорок третьего шли кровопролитиые. И ие только тогда. В мрачиые дии фашистской оккупации здесь тоже гремели выстрелы. Укрывшийся в лесиых чащобах за рекой Ущей партизаиский отряд летом и осеиью сорок первого года ие давал покоя гитлеровцам ни дием ии иочью. У отряда были вериые помощиики — иепокорившиеся жители иевельских деревеиь Ласиио, Чериецово, Залавочье, Парамки.

Живет в селе Чернецове старая женщина. Лицо ее избороздили морщинки, преждевременно стали белыми когда-то красивые волосы. Много выстрадала она на своем веку. Но не зачерствело ее сердце, все так же отзывчиво оно и к человеческому горю, и к радости односельчан.

И только от воспоминаний, воскрешающих время вражеского нашествия, слабеют и начинают дрожать руки, перехватывает дыхание. И нет тогда сил забыться... Как же все это было?

...Большое Канашевское озеро вздрогнуло от взрывов. Бомбы со страшным, чуждым слуху воем сирены упали на мостик через речушку, на крайние деревенские избы. Мария Павловна Желамская, услышав взрывы, прижала руки к сердцу. Четырнадцатилетний сын повел в поле лошадь как раз в ту сторону, откуда прилетели хищные «птицы».

Виктор вернулся домой живой и невредимый и, бросившись с порога к матери, стал рассказывать. Как лежал в густом пахучем клевере, плотно прижавшись к земле, как в одной из крайних хат, изрешеченной осколками, спасся лишь маленький мальчуган, спрятавшийся под кроватью.

Мать причитала и плакала. Сын посмотрел на отца. Ничего не сказал тогда Гавриил Иванович Желамский, только посуровело его лицо, сошлись к переносице темные брови.

Все, вплоть до маленького деревца в лесу, было дорого на этой земле Гавриилу Ивановичу. Все здесь было свое, родное, созданное упорным трудом. Когда ломался старый деревенский уклад жизни, он первым записался в колхоз. Вместе с такими же, как сам, тружениками год за годом поднимал артельное хозяйство, закладывал фундамент счастливого будущего. И на все это замахнулся враг... Нет! Гавриил Желамский не может сидеть сложа руки.

Мария Павловна поначалу не знала о связях мужа с партизанами. Но его частые ночные отлучки из дому, долгие шептания о чем-то с соседом Ефимом Филипповичем Зарембо вселяли в сердце тревожные догадки.

А потом в дом стали часто приходить незнакомые люди, кто в шинели, кто в ватнике. Их кормили, давали продукты с собой. Теперь в семье знали: раз отца ночью дома нет — ожидай взрыва на Ленинградском шоссе или на реке Уще. Гавриил Иванович был проводником диверсионных групп партизанского отряда.

Беда пришла неожиданно. В дом Желамских ворвались фашисты.

— Собирайся! — грубо приказали Гавриилу Ивановичу.

От крика заплакал четырехлетний Сашенька. Мать схватила, судорожно прижала к себе сына. Гитлеровцы бросились к ней, стали отнимать малыша.

— Не дам! — вне себя кричала Мария Павловна.— Не дам!

А они, звери в фашистских мундирах, били ее прикладами автоматов, а потом стреляли поверх голов застывших от ужаса детей.

Гавриила Ивановича увели. Рвался из горла страшный крик, кровью обливалось сердце. На нее смотрели глаза сыновей. Не по-детски серьезным был их взгляд. Что же делать? Надо было продолжать жить...

...Мария Павловна уронила на колени дрожащие руки. Задумалась. Какая-то тень пробежала по лицу старой женщины. Вспомнились и другие трудные минуты. Война приготовила ей еще одно испытание — погиб на фронте старший сын Костя.

— Подумаешь иногда: ведь не одна я страдала, весь народ страдал,— оправившись от волнения, смахнув со щеки скупую слезу, говорит Мария Павловна.— В одной нашей округе сколько трагедий-то было! Вот и сестра моя Меланья...

Фашисты взяли всех вместе: Меланью Павловну, Осипа Игнатьевича Юриновых и их дочь Любу. Арестовали за связь с партизанами. Кое-кто удивлялся: как так? Ведь Юринов в услужении у оккупантов был. И действительно, с приходом в Залавочье гитлеровцев он стал работать старостой. По долгу службы староста должен был собирать у населения продукты для фашистской армии. И Юринов собирал. Однако каждый раз большая часть этих продуктов каким-то образом попадала в руки партизан. И, конечно, происходило это не без участия Осипа Игнатьевича.

Нелегко было. Часто чувствовал он на себе ненавидящие взгляды односельчан, слышал за спиной недобрый говор: «А ведь был человеком...», «За тридцать сребреников продался...» В ответ не скажешь, что выполняешь задание. Не расскажешь про ночную встречу с секретарем Невельского райкома ВКП(б) Михаилом Мироновичем Шатухо, по совету которого надел Юринов чужую личину.

Осипа Игнатьевича и Меланью Павловну расстреляли. Погиб и сосед Юриновых Тимофей Алексеевич Залесов. Он знал тайну Юринова и помогал ему срывать экономические мероприятия оккупационных властей. Гитлеровцы не пощадили семью Залесова — убили шестерых детей, старшему из которых было 14 лет.

Спаслась лишь Люба Юринова. Девушку отправили в тюрьму города Могилева. Оттуда она и еще несколько узниц бежали. Помог тюремный шофер, наш, советский человек. Укрылись в глухом лесу. Здесь повстречали белорусских партизан. Люба стала бойцом отряда, а когда на землю Белоруссии пришло освобождение, ушла в армию. Храбро воевала до Победы.

В деревне Ласино был дом, который партизаны называли «хатой чкаловцев» — по имени своего отряда. В доме этом жили отважные разведчицы Вера и Надя Сморыго. Их мать, Мария Ивановна, сестра Гавриила

Ивановича Желамского, тоже помогала дочерям собирать сведения о вражеских гарнизонах и постах на шоссе и у речных переправ.

Агенты тайной полевой полиции выследили и схватили сестер в тот момент, когда они прятали добытые разведданные в «почтовый ящик» — под гранитный камень вблизи развилки лесных дорог. Девушек отвезли в Пустошку. Допрашивал их сам начальник ГФП капитан Вагнер. Требовал назвать, с кем связаны чкаловцы в Пустошке, где им назначает встречи разведчик Худяков.

Среди офицеров вермахта капитан Вагнер слыл просвещенным человеком. В конце тридцатых годов он занимал в одной из германских провинций чуть ли не министерский пост. Допрашивал арестованных капитан без крика, с улыбкой. И пытал... улыбаясь. Излюбленным приемом этого «просвещенного» садиста было прижигание горящей сигарой груди и лица жертвы.

Тридцать дней разведчицы подвергались зверским пыткам. Не дрогнули и перед дулами автоматов — смерть приняли молча.

Нет больше сестер Сморыго, умерла их мать Мария Ивановна. Но легенда о «хате чкаловцев» живет на берегах Ущи. И никакие годы не сотрут ее из памяти жителей невельских и пустошкинских деревень.

Виктор Федоров

КОГДА ГНЕВАЛАСЬ ПЛЮССА

В тюремной камере всего одно окно. Свет раннего зимнего утра скупо пробивается сквозь мутные стекла. Сумрачно, и Геннадий не может различить людей, сидящих

на полу у противоположной кирпичной стены. Арестованных много.

Геннадий прислушивается к людскому говору. Говорят о разных разностях, избегают лишь одной темы: удастся ли выбраться отсюда живыми. Молчат только трое мужчин, которые лежат на полу у стены с окном. Их вчера водили на допрос. Назад приволокли по одному и бросили, будто мешки с мукой. Кто они, в камере никто не знает.

Геннадию было страшно от мысли, что и его могут вот так же жестоко избить. Но он твердо решил: ничего не скажет гитлеровцам, что могло бы повредить партизанам или его односельчанам.

Скрипнула тяжелая дверь, и сиплый голос произнес:

— Федоров, выходи.

Допрашивал Геннадия офицер. Он был невысок ростом, с узким лбом и густой светлой шевелюрой.

— Как твое имя?

При других обстоятельствах Геннадий, конечно, рассмеялся бы, услышав, как гитлеровец коверкает русскую речь. Но сейчас было не до смеха.

— Гена. Геннадий Федоров.

— Баннадий,— на свой лад повторил офицер имя мальчика.— Ты, Баннадий, должен говорить правда. Врать некарашо. Ты из деревни Щепец? Твой отец партизанен?

— Из Щепца я,— быстро ответил Геннадий.— А про отца не знаю. Я его не видел с того дня, как война началась. Он ушел, и больше я его не видел.

— В деревню приходиль незнакомый люди? Кому заходиль?

— Полицаи приходили.

— Я не про полицай говорю. Про другой люди.

— Других не припоминаю.

— Кто ваш житель ходиль в лес?

Геннадий переступил с ноги на ногу.

— Когда ягоды и грибы в лесу, все за ними ходят. А как же? И варенье надо, и кисель. А грибы жарить можно. Многие сушат, а зимой суп варят.

Гитлеровец поморщился.

— Суп не надо, варенье не надо. Надо говорить, кто ходиль к партизанен в лес.

— Да не знаю я,— отчаянно произнес Геннадий.

Офицер поднялся из-за стола.

— У кого в деревне оружий?

— Ни у кого не видел,— Геннадий посмотрел на офицера и простовато спросил: — А зачем оно в деревне? Это у солдат оружие. У ваших солдат видел.

Гитлеровец схватил левое ухо мальчишки и завернул его так, что у Геннадия потемнело перед глазами.

— Ты уводил в лес красный командир. Кто их прятал?

— Я в лесу встретил их,— захныкал Геннадий.— Как ваши в деревне стрелять начали, я испугался. Убежал к речке. Там и встретил двоих. Я не знал, что они командиры. Увидели меня — остановили. А тут ваши солдаты. Они нас всех и арестовали.

Требовательно зазвонил телефон. Офицер шагнул к нему, снял трубку. Он слушал внимательно, иногда вытягивался и произносил:

— Яволь...

Видимо, получив какое-то срочное задание от начальства, офицер вызвал конвоира:

— Убрать!

Геннадий опять оказался в камере. К нему сразу же кинулась односельчанка Ольга Карловна Шкаликова. Спросила:

— О чем допытывались?

— Про отца спрашивали,— ответил Геннадий.— У кого оружие есть и про красных командиров.

— А ты?

— Сказал, что ничего не знаю.

— Ты и взаправду ничего не знаешь,— и громко, так, чтобы слышали все, даже сидящие в самом отдаленном углу камеры, Шкаликова продолжала: — Привязались к мальчишке. А откуда мальцу знать про дела взрослые. У него на уме пустяки всякие...

Геннадий слушал гневное причитание Ольги Карловны, думал: «Ну и хитрая же тетя Оля. Это она нарочно так громко шумит, чтобы все думали, что я и верно ничего не знаю».

В Гдовском районе Псковской области есть деревня Зачеренье. Здесь в 1928 году и родился Геннадий. В год, когда ему подошел срок идти в школу, его отца Максима Федоровича Федорова избрали председателем колхоза «Новый путь» и вся семья Федоровых переехала в деревню Щепец. Хотя Геннадий первое время и скучал по Зачеренью, но и новое место ему нравилось: Щепец стоит на берегу реки Плюссы, лес кругом.

В деревне считались с мнением председателя. Геннадий не раз был свидетелем, когда к ним в дом приходили мужики и обращались к отцу:

— Ты, Максим Федорович, партийный, так рассуди нас...

Но были в здешних местах и отщепенцы, затаившие злобу на Советскую власть. Однажды, когда Максим Федорович ехал в одну из деревень на собрание, ему преградили путь на лесной дороге двое незнакомых. Один из них поднял руку:

— Эй, хозяин, постой!

— В чем дело? — спросил Максим Федорович, натягивая вожжи, чтобы остановить лошадь.

Удар по голове свалил его в телегу. Уже падая на сено, он заметил, что через кювет к телеге метнулись еще двое. Его били зверски...

Спустя несколько часов по лесной дороге шли две женщины. Им показалось странным, что на обочине стоит запряженная в телегу лошадь, а поблизости ни-

кого нет. Они подошли к телеге и испуганно отпрянули назад: в ней лежал окровавленный человек без признаков жизни.

Когда спустя несколько недель Федоров поднялся и стал уже выходить на улицу, Анна Федоровна, мать Геннадия, робко попросила:

— Ты бы, Максим, поберегся. Не лезь на рожон.

Отец усмехнулся:

— От дела партии под дулом нагана не откажусь...

Геннадий гордился отцом, подражал ему во всем.

Началась война. Еще когда велись бои за Гдов, Максим Федорович, как и другие коммунисты, ушел в лес, чтобы с оружием в руках продолжать борьбу с фашистскими захватчиками.

Прошел месяц. Гдовщина стала глубоким тылом, но оккупанты не могли здесь похвастаться тыловой тишиной. По одну сторону Плюссы, что была ближе к городу, хозяйничали фашисты, а вот на другую сторону реки (там стояла и деревня Щепец), они боялись сунуться. В этом районе хозяевами были партизаны. «Чертовым углом» называли его гитлеровцы.

Поначалу партизаны в Щепец приходили только на отдых. Жили день, другой и опять в лес. А потом стало трудно определить — уходили партизаны из деревни или нет, потому что в Щепце партизаном стал каждый. Конечно, не все носили оружие, но почти все выполняли какое-нибудь задание партизан.

Так было и в семье Максима Федоровича Федорова. Сам он находился в отряде. Анна Федоровна пекла для партизан хлеб, вязала носки, шила рукавицы, штопала одежду. Этим были заняты и сестры Геннадия: девятнадцатилетняя Валя, семнадцатилетняя Мария и пятнадцатилетняя Тоня. Поэтому Геннадию стало очень обидно, когда однажды он сказал отцу, что хочет в отряд, а тот сурово ответил:

— Помогай по дому матери.

Спустя несколько дней Геннадий вновь повторил свою просьбу.

Максим Федорович улыбнулся и уже мягче, чем в первый раз, сказал:

— Голодный и раздетый партизан много не навоюет. Мать хлеб печет, значит, партизан поддерживает. Будешь матери помогать — помощь партизанам. Понял?

Не очень-то утешили эти доводы Геннадия. Затаив дыхание, он слушал рассказы товарищей отца об их боевых делах. Из этих рассказов понял, что бойцы отряда часто ходят к шоссе Чернёво — Гдов и там устраивают засады, подрывают вражеские машины, мосты.

В конце лета Геннадию довелось в первый раз побывать на партизанской базе. С приятелем Евгением Эдером он отнес туда одежду для партизан. А потом они стали выполнять различные поручения командира и так часто бывали в отряде, что Геннадий уже считал себя полноправным бойцом.

Однажды Максим Федорович подозвал сына и сказал:

— Ты знаешь, сынок, фашисты на том берегу Плюссы что-то зашевелились. Как бы на наш берег не попытались перебраться. Такой момент проворонить нельзя. Провороним — крышка отряду.

Геннадий внимательно слушал отца. А Максим Федорович неторопливо, будто боялся, что сын упустит что-то важное, продолжал:

— Поручение тебе такое. Будешь вроде разведчика. Проследишь за тем берегом. Если фашисты появятся — мигом в отряд. Сообщишь, сколько их, какое оружие. Понял? Думаю, наблюдать тебе лучше всего у старых сараев.

Геннадий хорошо знал это место. В старых, покосившихся от времени сараях когда-то складывали сжатую рожь, и лежала она здесь до обмолота. Стояли сараи в

стороне от деревнн, почтн на берегу Плюссы, и с нх стороны был хорошо виден не только протнвоположный берег, но и большой луг, который тянулся почти до самой дороги, по ней н моглн проехать каратели.

Геннадий очень обрадовался заданию: наконец-то ему доверилн настоящее дело. Спросил отца:

— Можно мы в разведку вдвоем?

— Это с кем же?

— С Женей Эдером.

— С ним можно,— сказал отец.— Вдвоем веселее.— Помолчав, Максим Федоровнч напутствовал: — Вдруг к фашистам в лапы попадетесь. Всякое может случнться. Про отряд ничего не знаете. Возле сараев оказались случайно: играли.

После этого разговора Геннаднй н Евгений несколько дней кряду ходили в дозор. Уже холодало, по речке плыло много желтых листьев. Мальчишкн сиделн в одном из сараев и наблюдалн через пролом в стене за тем берегом. Онн видели н луг, сейчас пустынный н скучный, и дорогу, на которой тоже — нн душн.

Ребята поннмали, что выполняют немаловажное задание, но смущало одно — безоружные они. И тут Геннадий вспомнил, что родной дядя Евгения партизан Шкаликов вроде бы заведует в отряде оружием и знает, где находятся тайники с винтовками.

— Слушай, Жень, ты поговори с дядей,— попросил Геннадий приятеля, не очень-то уверенный, что из этого что-то выйдет.

А получнлось. Когда спустя несколько дней Евгений обратился к дяде с просьбой выдать ему и Геннадию боевое оружие, тот кивнул головой:

— Будут вам винтовки.

И они действительно их получили. Настоящне боевые винтовки и патроны к ним. Несколько дней Геннадий н Евгений ходили сами не свои от радости. Правда, смущалн нронические улыбкн н остроты старшнх. А шутили

взрослые над ними потому, что винтовки были намного выше роста юных партизан.

С нетерпением ждали мальчишки, когда им придется применить это боевое оружие против врагов. Однажды такой момент наступил. Над лесом, где базировались партизаны, низко шли немецкие самолеты, и Геннадий и Евгений вместе с другими партизанами встретили их огнем. Один самолет рухнул на землю.

В октябре выпал снег. Выпал и не растаял. Для партизан наступили трудные дни: невозможно стало скрывать следы. А в это время комендант Гдова полковник Лизер получил в свое распоряжение полк регулярных войск для участия в карательной экспедиции. Гитлеровцы начали прочесывать леса и берега Плюссы.

В Щепце находились два раненых кадровых командира Красной Армии. Лейтенантов подлечили. Но они были еще очень слабыми. Когда начались бои с карателями, отец сказал Геннадию:

— На базе тебе сейчас делать нечего. Отправляйся в деревню. Тебе поручается в случае опасности привести командиров в отряд или помочь им спрятаться в лесу. Понял?

Геннадий кивнул головой и в тот же день отправился в деревню. В Щепце было спокойно несколько дней. А потом пришла беда. Каратели неожиданно появились на берегу Плюссы. Первой эту весть принесла Анна Федоровна. Прибежала испуганная домой и торопливо передала сыну:

— Каратели. К деревне подходят. Беги к командирам.

Геннадий пулей вылетел на улицу и побежал к дому, где жили раненые.

— Дядя Миша, дядя Володя, уходить надо. Фашисты.

За деревню пробрались огородами. Геннадий решил вывести раненых к лесным озерам. Соединялись они

между собой неширокой протокой и такой же — с Плюссой. Место глухое.

Бежали напролом через кусты. Лейтенанты едва поспевали за мальчишкой, а он их торопил:

— Быстрее. Еще немного... Дядя Миша, быстрее...

Вот и озера. Решили передохнуть. Вокруг стояла тишина. Только там, где была деревня, в небо тянулся широкий столб дыма. Позже Геннадий узнал: это горел дом Зайцевых. Семен Зайцев не успел уйти в отряд. Каратели его схватили и повесили на глазах всей деревни, а дом подожгли.

Геннадий слышал от отца, который заходил накануне домой, что в случае опасности отряд покинет базу, пойдет к Каменке. И он предложил своим подопечным идти туда же.

— Выйдем к Плюссе и пойдем по берегу,— сказал Михаил.

— Не опасно ли? — засомневался Владимир.— Может, через лес пойдем?

— По берегу быстрее. Каратели сейчас все в Щепце. Мы этим и воспользуемся,— настаивал Михаил.

Это была ошибка. Хотя откуда им было знать, что каратели уже разместили на берегу несколько засад. На одну из них Геннадий и его спутники и напоролись.

Они не успели опомниться, как их окружили гитлеровцы. Подталкивая схваченных стволами автоматов, каратели повели их, но не в Щепец, а в Черноёво. Там размещался немецкий гарнизон.

На ночь их бросили в подвал хорошо охраняемого дома. Лейтенанты не потеряли присутствия духа. Наставляли Геннадия:

— Стой на своем: нас не знаешь. Встретил случайно на берегу реки.

— А вы? Что с вами будет? — беспокоился Геннадий.

— О нас не тревожься.

Едва над поселком забрезжил рассвет, их увезли в Гдов. Из машины высадили только в тюремном дворе. Лейтенантов сразу же куда-то увели. Геннадия присоединили к большой группе арестованных, которых привезли сюда несколько часов назад.

Среди этих людей Геннадий увидел своих односельчан — Ольгу Карловну Шкаликову и Александру Всеволодову. Он испугался: наверное, и его мать здесь. Но Шкаликова успокоила:

— Не волнуйся. Мать успела спрятаться.

На дворе их продержали несколько часов, всех переписали и только после этого отправили в общую камеру...

* * *

Давно было то время, когда гневалась Плюсса, вскипая от вражеских снарядов, и та лютая зима, когда вернулся Геннадий из тюрьмы домой, а отец его, коммунист Максим Федоров, пал смертью храбрых. Далеким прошлым стали уже и годы службы в армии, и годы учебы в ФЗО. В биографии фрезеровщика одного из ленинградских заводов Геннадия Максимовича Федорова много перелистано страниц жизни. Но та — мальчишеская страничка — самая дорогая.

Михаил Котвицкий

ВЗРЫВЧАТКА В ЛОДКЕ

Война наступала все дальше и дальше на восток. Пылали села под Ленинградом. Вскоре фашисты разрушили и Поповку — деревню, где родились и выросли сестры Шура и Вера Воронины. Семье Ворониных пришлось долго скитаться, пока не приютила их одинокая старушка из Ракитовки, что за рекой Сороть.

После десяти лет — все трудоспособные. Так считали оккупанты. По их приказу весиой 1943 года Шура и Вера стали работать на кирпичиом заводе в Подкрестье. Завод поставлял кирпич иа строительство оборонительиой линии «Паитера». Девушки жили в ветхом деревяииом бараке. На заводе Ворониины и позиакомились с такими же, как они, бедолагами — Машей Баляниной и Верой Гагиной.

Комендаит гарнизоиа Подкрестье изредка разрешал работиикам навещать родителей. Как-то летом под вечер шли девушки по дороге в Тригорское. Вера Ворониииа раньше ие бывала в здешних местах, ио еще в школе, изучая поэзию Пушкиина, всегда мечтала побродить по тригорскому парку. Ее мечта сбылась, ио сейчас это Веру не радовало.

Рядом с ией шла Вера Гагииа. Шура, похожая иа мальчишку в своих кирзовых сапогах, с Машей Баляииной иемиого поотстали. Шли молча, усталые и печальиые.

— Девочки, посидим, а? — сделав порывистый шаг вперед, к скамейке, предложила Гагина.

Девушки присели.

— Все добрые люди при деле,— начала разговор Баляниuа.— Кто на фроите. Кто в партизанах. А мы, как проклятые, иа фашистов работаем.

— А что ты предлагаешь? — повериулась к подруге Гагина.

— И сама ие зиаю,— вздохиула Баляниuа.— Зиаю только, что иадо что-то придумать. Жить так больше иельзя.

Маша раньше жила в Киришах. В начале сорок второго года умерла ее мать. С десятилетним братом девушка ушла с бежеицами в райои Пушкииских Гор.

— А правда, что за Соротью партизаиы? — спросила Шура Ворониuа.

Девушки посмотрели иа Шуру с таким видом, словио

впервые ее увидели. А она как ни в чем не бывало продолжала:

— Хозяйка наша на днях рассказывала про какого-то Германа. Говорила, что он Москвой сюда послан. И что он неуловимый для фашистов. Сегодня в одной деревне, а завтра в другой.

— Герман — главный партизанский командир,— деловито пояснила Гагина.— Мне один парень про него говорил.

— Как-то отец в Остров ходил,— вспомнила Вера.— На базаре о Германе тоже слышал.

— К нему бы, а?

— Так его и встретишь.

— А почему бы и нет,— сказала Маша Балянина.— Попытка не пытка. Поищем в лесу.

— И верно,— поддержала Вера Воронина.— Когда?

— В субботу, если отпустят.

В субботу Воронины постучали в соседнюю комнату барака, где жила Гагина с матерью.

— Я сейчас,— послышался голос из глубины комнаты.

— Куда это вы? — спросила мать.

— В Ракитовку,— соврала Вера.— За харчами.

Бор встретил девушек прохладой. Шли долго зимняком, заросшим густой травой. У ручейка стали собирать грибы.

— Далеко забрели. А партизан что-то не видно,— заметно уставшая Шура опустилась на землю.

— Так ведь мы им свидания не назначали,— усмехнулась Вера.

— Тишина-то какая,— думая о чем-то своем, сказала Балянина и предложила: — Давайте песню споем советскую, да погромче.— Не ожидая согласия, запела:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.

Подруги дружно подхватили:

Выходила на берег Катюша,
На высокий, на берег крутой.

— Вы кто такие?

Требовательный голос ворвался в песню. Из кустов вышли два рослых парня.

— Свои,— смело ответила Вера.

— Что здесь потеряли?

— Грибы собираем.

— Коменданту фашистскому?

— Ну зачем так? — обрезал товарища старший по возрасту.— Откуда, девчата, местные или беженцы?

Вера Воронина рассказала, как они с Шурой очутились в этих краях.

— А я местная,— вставила Гагина.— Из Подкрестья.

— Ну а зачем так распелись громко? Вдруг фашисты услышат?

— Мы партизан ищем,— выпалила Шура.

Парни переглянулись. И опять вопрос:

— В Подкрестье на заводе работаете?

— На заводе,— подтвердила Вера.

— Нам туда пока заказано. А вот в Ракитовку к вам в следующую субботу заглянем. Встречайте вечерком у околицы.

В условленный день Воронины и Балянина по очереди дежурили у околицы. Парни появились после захода солнца. Старший без обиняков сказал:

— Привезли взрывчатку. Надо переправить на завод. Зачем, надеюсь, понимаете. Дело опасное. Сумеете?

— Постараемся,— твердо произнесла Вера.

— На заводе вас найдет наш человек.

Где-то в темноте послышался скрип телеги. Девушки быстро сняли с повозки опасный груз и спрятали его у реки под сеном.

Рано утром они были уже в пути, несли корзинки полные черники. Под ягодами лежали толовые шашки. Волновались, особенно на переправе. Паромом и лодками ведали полицаи. Но все обошлось. В бараке Вера сразу же сказала о взрывчатке Гагиной. Та предложила:

— Спрячем у меня. Мать, кажется, уже ушла.

На следующей неделе девушки вновь отправились в Ракитовку. В этот раз переправа взрывчатки чуть не обернулась трагедией для них.

— Что-то, красавицы, зачастили больно,— подозрительно сказал конопатый верзила с повязкой старшего полицая.

— Жить-то надо,— улыбнулась Вера.— В деревне легче прокормиться.

— А ягоды продадим,— добавила Шура.

— Ну-ка попробуем ягодок ваших,— полицай, бросив весло, потянулся к корзине.

Шура отшатнулась и как бы невзначай качнула лодку. Корзина соскользнула в воду.

— Ой, боже! — всплеснула руками Шура, и это было настолько естественно, что полицай засмеялся.

Вечером девушки собрались на совет.

— Как теперь быть? Осталось две мины.

— Надо что-то придумать,— сказала Балянина.— А потом уходим в лес. Таков приказ из бригады.

И опять сестры Воронины отправились в Ракитовку.

— Снова за ягодами? — язвительно усмехнулся уже знакомый полицай.

— Вам-то легко рассуждать,— сердито ответила Вера.— Подержать бы с недельку на нашей похлебке.

— Может, у нас поужинаем?

— В следующий раз,— ответил за Веру невысокого роста русоволосый полицай, стоявший невдалеке.— А сейчас топайте отсюда.

На окраине деревни девушки встретили костлявую немку, работавшую переводчицей.

— Что ей здесь нужно? — с тревогой спросила Вера у матери.

— Откуда мне-то знать,— отозвалась мать.— Второй раз ее вижу. Кого-то выслеживает.

— Мам, ты хлеб, кажется, собиралась завтра печь,— перевела Вера разговор на другую тему.

— Если отец принесет муки. Повез в город твое пальто. Может, выменяет.

Отец вернулся с мукой. Когда мать готовила опару, Вера подошла к ней, прошептала:

— Только, мам, не серчай. Надо, понимаешь. Две буханочки. Очень надо.

— Ты уж со мной, как с чужой,— обиделась мать.— Разве я не понимаю, доченька.

— Вот и хорошо,— Вера обняла мать.

Утром Вера взяла две буханки, сняла с них верхнюю корку, вырезала мякиш и положила вместо него мины.

— О, батюшки мои,— всплеснула мать руками.

— Надо, мам, очень надо,— повторила слова сестры Шура.

— А куда запалы положишь? — ворчливо спросил отец, с тревогой и гордостью наблюдавший за тем, что делают его дочери.

— В чайник. А сверху — ягоды.

На переправе дежурили те же полицаи: конопатый и русоволосый. На середине реки конопатый достал портсигар, закурил. С ухмылкой спросил Веру:

— Корзинку-то не уронишь?

— Нет,— через силу улыбнулась Вера.— Тогда неделю впроголодь жили. Шутка ли сказать.

Лодка тем временем мягко уткнулась в песок. Вера спрыгнула в воду и, подняв корзинку над головой, заспешила к дороге. Конопатый за ней, но второй полицай упредил:

— Сам досмотр сделаю.

Вера вздрогнула и хотела было бежать, но, встретив пристальный взгляд русоволосого, вдруг вся обмякла. Тот деловито заглянул в корзинку, пощупал там что-то и громко сказал:

— Балует вас мамаша. Ишь, даже завтрак собрала,— и показал взглядом: иди, дескать, чего стоишь, как завороженная.

Не чувствуя под собой ног, сестры заспешили к условленному месту, где передали «буханки» Гагиной, а та снесла одному из подпольщиков, обосновавшихся на заводе.

В тот день у Ворониной был неприятный разговор с инженером Ганге.

— Как часто вы ходите к родным? — спросил фашист.

— Раз в неделю,— ответила Вера.

— Я запрещаю ходить в Ракитовка.

...Они ушли ночью, прихватив в кассе крупную сумму денег (Гагина в то время работала кассиром). В Легушкино русоволосый «полицай», выручивший Воронину на берегу Сороти, переправил их через реку, помог добраться до партизанского штаба. А ночью на территории завода раздались взрывы. Были уничтожены новая обжигальная печь, локомобиль, повреждены все электромоторы.

В бригаде легендарного Германа подруги стали разведчицами.

Александр Сметанин

ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ

В деревнях под Псковом и Порховом старожилы и поныне помнят подвиг двух юношей Аркадия и Николая. Они совершили исключительно дерзкий побег из конц-

лагеря. Бежали средь бела дня. Кто эти смельчаки, никто не знал.

Мне повезло. В одной из командировок моим соседом по гостиничному номеру оказался молодой офицер. Перед сном разговорились. До сих пор помню, с каким мальчишеским восторгом говорил он о своем командире, о его прошедшей в боях юности.

— Один раз,— рассказал лейтенант,— Аркадий Федорович из-под расстрела бежал. И когда? Днем. Было это вблизи Порхова...

Имя сходится. Место подвига тоже. Совпадение? А вдруг... Я решил встретиться с командиром лейтенанта. Поехал в воинскую часть и... узнал историю, ставшую ныне легендой.

* * *

Командир группы Степанов, высокий, хмурый на вид мужчина, сдвинул на затылок фуражку и еще раз оглядел стоявшего перед ним паренька. Был тот худощав, темноволос. Босые, израненные камнями и осокой ноги да порыжевший, весь в дырах суконный пиджак свидетельствовали: парень прошагал немалый путь.

— А в каком районе действовал ваш отряд? — неожиданно спросил Степанов.— Кто был командир? Комиссар? Когда произошел бой с карателями? — Вопросы сыпались один за другим, но юноша отвечал быстро, не раздумывая, что, видимо, успокоило Степанова.

— Ну вот что,— сказал он после некоторого раздумья,— топай-ка ты сейчас к фельдшеру, пусть он перевяжет тебе ноги, а потом поешь и отдыхай. Когда понадобишься, вызову.

Аркадия (так звали юношу) вызвали к командиру только через три дня, за которые он успел хорошенько отоспаться и немножко подлечить ноги. Одного не разрешили ему: подлатать свою одежонку.

Командир сидел на пеньке вблизи землянки с развернутой на коленях картой. После короткого разговора, опять-таки касавшегося истории прихода Аркадия в лагерь, Степанов сказал:

— Хочу поручить тебе одно дело. Карту читать умеешь?

— Немного умею.

— Тогда подойди ближе.

Аркадий шагнул к Степанову, опустился на колени, разглядывая изображенный на карте участок местности у железной дороги Дно — Порхов.

— Вот эта деревушка — Козули, а эта — Заполянье.— Палец командира отряда скользнул по бумаге.— По имеющимся у нас сведениям, здесь фашисты оборудовали какой-то лагерь. Что за лагерь — мы пока не знаем, но известно, что туда из Дно гестаповцы отправили арестованных подпольщиков, из Порхова — семьи красноармейцев. Ты пойдешь в Заполянье и все разузнаешь о лагере. Ясно?

— Ясно.— Аркадий поднялся с земли, вытянул руки по швам.

— Ну вот и хорошо. Пойдешь в таком наряде, каков есть. Оружия и документов не бери. Отныне тебя зовут не Аркадием, а Анатолием, и фамилия твоя — Виноградов. Родом ты из-под города Пушкина. Пробираешься к тетке в деревню. Повтори.

Аркадий повторил.

— Все правильно. Мы будем ждать тебя на исходе третьих суток на перекрестке дорог, у деревни Выселки. Смотри на карту. Вот он, этот перекресток.

...Поздним июльским вечером 1943 года Аркадий тихонько постучал в окошко на окраине деревни Козули.

— Кто тама? — раздался старушечий голос.

— Прохожий, мать.— Аркадий вплотную прислонился к стеклу.— С окопных работ я. Пусти переночевать.

— Врешь, поди?

— Не вру, мать. Вот те крест.

— Ну, коли так, ночуй.

Старуха засеменила в сенцы.

— Входи, чего стоишь? Поешь толокна с квасом да и спи с богом...

— А ну подымайся! Подымайсь, говорят! — Дюжий детина легко вскочил на приступок печки и, схватив Аркадия за ворот пиджака, рывком сбросил на пол.— Ну чего буркалы пялишь? Кажи документы!

Аркадий, сидя на полу, протирал глаза, тянул время, пытаясь осмыслить происходящее. В избе было светлым-светло. Старуха-хозяйка жалась за кущей ситцевой занавеской. Солдат-гитлеровец стоял рядом, тыча в лицо пистолет.

— Кто? Откуда идешь? Говори!

Аркадий объяснил так, как проинструктировал его Степанов.

— Гни, гни. Авось дуга будет. Ну да ничего, попадешь в лагерь — там тебе язык быстро развяжут.

Гитлеровец обшарил карманы Аркадия и вытолкнул его из избы.

Лагерь располагался в бывших скотних дворах совхоза, обнесенных с трех сторон колючкой. С северной стороны проволоки пока не было, но уже виднелись свежевыструганные столбы, лежавшие вдоль предполагаемой линии забора. На вышке маячил часовой.

Все это Аркадий заприметил, когда его вели в барак. Вечером лагерь наполнился пригнанными с работы людьми. Охранники загоняли их в бараки прикладами и кулаками. Особенно лютовал высокий, рыжеволосый.

— Убери лапы, гад! — услышал Аркадий звонкий мальчишеский голос. Сжав кулаки, перед охранником стоял подросток лет четырнадцати с веснушчатым, скуластым лицом.

Ошарашенный дерзкой выходкой, охранник взмахнул

плеткой, но парнишку заслонили стоявшие поблизости узники. Тот зло выругался и ушел из барака.

Ночью Аркадий отыскал храбреца. Он лежал на нарах, свернувшись калачиком. Его острые коленки, видневшиеся из разорванных штанин, были подтянуты почти к самому подбородку. Аркадий помедлил, потом поднялся на нары, лег рядом, заговорил:

— Слушай, дружище, не дразни больше этого злыдню. Ведь убьет он тебя.

— Ха, убьет! — Парнишка сразу ощетинился, вскочил на колени.— Думаешь, я боюсь смерти? Здесь каждую ночь убивают.

— Значит, ты здесь давно?

— Уже две недели. А тебя сегодня забрали?

Вместо ответа Аркадий кивнул головой, тяжело вздохнул.

— А зовут как?

— Аркашкой.

— А я Крюков,— солидно произнес парнишка,— Николай. Давай познакомимся и спать.

Юноша и подросток быстро подружились. Аркадий узнал, что Крюков — партизанский разведчик, схваченный в деревне во время облавы. После нехитрой проверки Аркадий — не ахти какой уж конспиратор — рассказал Кольке о себе. Доверившись друг другу, юные узники решили бежать.

В Заполянье, как разузнал Аркадий, томились люди, которых не сломили пытки. Были среди них подпольщики, красноармейцы, совершившие побег из концлагерей, местные жители, заподозренные в связях с партизанами. Направлялись они сюда на «воспитание», и лагерь, словно в насмешку, носил наименование «армейский воспитательный лагерь». «Воспитание» сводилось к изнурительным работам днем, допросам и расстрелам по ночам.

Как-то вечером Крюков шепнул Аркадию:

— Нашел верного человека. Тоже бежать собирается.

— Откуда знаешь? — загорелся Аркадий.

— Сам сказал. Копыткин его зовут. Он здесь по заданию порховского отряда.

С Копыткиным, мужчиной лет тридцати, встретились ночью. После некоторых расспросов он сказал:

— Вы пойдете одни. Я еще должен выполнить задание командования. На всякий случай запомните адрес.— Копыткин назвал деревню и фамилию крестьянина.

Бежать решили днем, во время работы по разборке старой бани, стоявшей невдалеке от леса. Баню разбирали руками. Аркадий и Колька, как самые молодые, отдирали доски с конька на крыше и бросали их вниз.

День выдался жаркий. Припекало. Охранники искали хоть какую-нибудь тень, чтобы укрыться от зноя. Аркадий с силой отдирал доски, делая вид, что увлечен работой, а сам не спускал глаз с гитлеровца, стоявшего за углом бани. Вот к нему подошел второй солдат, что-то сказал и направился в лес.

— Может, пора? — шепнул Колька, но конский топот упредил ответ Аркадия. К бане во весь опор скакали двое фашистов. Перед грудой досок они разом осадили коней, один из них крикнул:

— Эй вы, слезайте вниз!

Аркадий почувствовал, как по его мокрой спине прошел озноб. Колька, побледневший, лениво сползал по стропилам, руки его заметно дрожали.

Их привели в лагерь. Солдат подтолкнул Кольку прикладом и повел к коменданту.

— А ты иди сюда,— второй солдат стволом карабина указал Аркадию на открытую дверь погреба.

Аркадий нагнулся, чтобы не удариться головой о притолоку, и в тот же момент сильный удар в спину метнул его со ступенек на грязный, сырой пол.

Кольку бросили рядом с ним минут через тридцать.

Парнишка плакал, плевал кровью. Теперь к коменданту повели Аркадия.

В кабинете коменданта лагеря унтерштурмфюрера Гембека кроме переводчика находились четверо гитлеровцев. В рубашках с короткими рукавами, в кожаных шортах, упитанные, чисто выбритые, они с любопытством смотрели на Аркадия, покуривая сигареты.

— Партизан? — Гембек, высокий, гибкий, с черной повязкой вместо левого глаза, подошел к Аркадию и положил на его плечо плеть со свинцовой пулей в наконечнике.

— Не партизан я. Был на окопах, шел к тетке, в деревню Заборовье.

В руке Гембека молниеносно сверкнула плеть, и багровая полоса вздулась вдоль обнаженной спины Аркадия. Он вскрикнул.

— Сегодня вы двое хотели бежать. Куда бежать? Какое задание ты получил от партизан?

— Да не партизан я, господин комендант. Верное слово, не партизан.

Сильным ударом Гембек сбил Аркадия с ног.

— Сейчас ты у меня заговоришь... Позвать Копыткина! — крикнул Гембек, быстро взглянув на узника.

Копыткин протиснулся в дверь бочком, вытянулся перед Гембеком и затараторил:

— Он, он, господин комендант. С тем мальцом собирались сегодня убечь. Прямо с работы. Разведчики они.

— За понюшку табаку продал, сука! — Аркадий метнулся к Копыткину, но Гембек наотмашь ударил его по лицу.

Отойдя к окну, комендант закурил и сказал что-то переводчику. Тот выскочил на крыльцо и крикнул:

— Ведите пацана. Будем кончать!

Пальба за окном раздалась внезапно. Кто-то испуганно закричал. Гитлеровцы, сидевшие за столом, мигом исчезли в дверях. Гембек высунулся в окно, пытаясь рас-

смотреть, кто стреляет. Он лежал на подоконнике на правом боку. На левом висел в кобуре «парабеллум».

Медлить нельзя!

Аркадий прыжком бросился к коменданту, отстегнул кобуру и с силой рванул револьвер. Ошеломленный Гембек повернулся, но тяжелый удар рукояткой свалил его на пол.

Выскочив в окно, разведчик обернулся в сторону лагеря, оглядел поле.

— Колька! — радостно вырвалось у него.

Парнишка, петляя, бежал к лесу. Пятеро солдат с криками гнались за ним. Пулемет на вышке молчал. Беглецам повезло. Когда Колька внезапно бросился в раскрытые ворота, часовой от неожиданности уронил диск.

— Жми, Колька, жми! — кричал Аркадий, видя, как тот с каждым шагом приближается к лесу.

Вдруг Крюков упал. У Аркадия похолодело в груди. Но нет, Колька поднялся и снова побежал.

Теперь стреляли по Аркадию. Наперерез ему бросились трое охранников. Аркадий начал делать зигзаги, резко бросаясь из стороны в сторону, мысленно приказывал себе: «Скорей! Еще быстрее!»

Встретились беглецы через час. Перемахнув через железнодорожную насыпь, Аркадий услышал потрескивание сучьев и чье-то тяжелое дыхание. Вскоре на крохотной полянке показалась Колькина голова.

— Ранен?

— В ногу попали, собаки,— Колька присел, но Аркадий встряхнул его за плечи:

— Пошли! Сколько можешь идти — столько пройдем. Давай руку...

Они добрались до землянки Степанова только на третьи сутки. Кольку отправили в партизанский госпиталь, а Аркадий с группой отправился на выполнение задания. На обратном пути партизаны ночью наведались

по адресу, указанному Копыткиным. Провокатор не думал, что разведчики выберутся из лагеря смерти, а то никогда не назвал бы своего адреса. Его взяли на чердаке, в сундуке за сухими вениками. Партизанскую пулю предатель получил у гнилой кривобокой сосны на крохотном островке, посреди заросшего вереском болота.

В Порхове и Заполянье было много разговоров о дерзком побеге. «Отчаянные ребята!» — говорили узники с восхищением. Вскоре из лагеря смерти ночью бежало несколько красноармейцев...

* * *

Судьба «отчаянных ребят» сложилась по-разному. Коля Крюков погиб в бою. Он подорвал себя и окруживших его врагов гранатой. Аркадий воевал до конца войны. Сначала в партизанах, затем в одной из частей Советской Армии. После окончания войны Аркадий Федорович Шорохов учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Несколько лет командовал гвардейской частью в ордена Ленина Ленинградском военном округе. И сегодня он в боевом строю.

Татьяна Черенкова

ШУМИТ ПУЩА...

Вечерняя заря цвета меди заполнила западный край небосвода. Подул несильный, но уже по-осеннему холодный ветер. Заколыхались гребни елового урочища. От него к дубраве, по которой мы шли, потянулась, будто нехотя, сумеречная туча.

— Зашумела пуща, пора и до дому,— сказал мой спутник и, точно отвечая каким-то своим мыслям, тихо

добавил: — О чем шумит, не спросишь. А знает наша Белая вежа многое...

Сергей Никитич Русаков не случайно назвал Беловежскую пущу, с чарующей красотой которой меня познакомил, именем сторожевой башни, воздвигнутой здесь в далекие времена славянами. Сторожко берегла пуща своих сынов в дни минувшей войны — часто укрывала в лесных чащобах подпольщиков и партизан. Уроженцу великолукской земли Русакову довелось партизанить в юные годы и в белорусских лесах. После Великой Отечественной служил он в армии, в Бресте. С тех пор «прикипел» к этим местам: долгое время возглавлял колхоз, ныне работает государственным инспектором по закупкам и качеству сельхозпродуктов по Каменецкому району Брестской области. О себе Сергей Никитич рассказывает неохотно, немного иронически, о главном — ни слова.

— Было когда-либо страшно мне, спрашиваете вы? Было, да еще как. Однажды зимой возвращались мы с Николаем Балабановым в наш партизанский лагерь. Шли на лыжах, издалека. Темнеть начало. Осины и березы слились в одну серую массу. Скоро лес кончился. Впереди пригорок с редкой щетиной кустов. Следов никаких, и вдруг... куст поднялся и упал на Николая. Я растерялся и не сразу освободился от лыж. А здоровенный гитлеровец уже подмял под себя моего напарника. Пришлось повозиться с фашистом. Вот тут-то меня страх и пронял по-настоящему.

— Чего же вы испугались? — наивно спросила я.

— А вдруг и другие кусты оказались бы вражескими разведчиками,— засмеялся Сергей Никитич,— не сдобровать бы нам тогда. Да и в лагере не узнали бы о том, что идут каратели. Гитлеровец-то и не стрелял поэтому.

— Самое памятное? И такое было. Это когда меня и друга детства Васю Петухова в первые месяцы войны

в комсомол принимали. Принимал райком, да необычный. Подпольный. На радостях решили боевую операцию провести.

— Вдвоем?

— Вдвоем. Вооружены были. Две гранаты да пистолет ТТ один на двоих. Отправились на большак. Видим, провод тянется. Вырезали. Вот и дополнительное оружие. Натянуть через дорогу — секундное дело. А тут вскоре и мотоцикл затарахтел. В коляске сидел гитлеровец, небрежно положив на колени автомат. И минуты не прошло, как колеса перевернувшегося мотоцикла завертелись в воздухе. Бросились к фашистам, а они уже богу душу отдали. Захватили полевую сумку, пистолет, автомат да бегом в отряд. Попало, конечно, от командира.

— За что?

— Как за что. За мальчишество. Разрешение нужно было спросить. Строгий командир у нас был,— Сергей Никитич улыбнулся.— А поздравить со вступлением в комсомол и боевым крещением не преминул.

— А тяжелое ранение? — напомнила я свой вопрос, заданный Русакову в письме, в котором сообщила о своем приезде в Каменец.

— Не стоит об этом. Тяжелое ранение на войне не редкость. Как-нибудь в другой раз.

Другого раза не было, но архивный документ и свидетельства товарищей Русакова, до лета 1972 года считавших его погибшим, рассказывают о главном подвиге юного партизана...

Шел большой бой. Его вели против полевой части вермахта партизаны и подразделения 31-й курсантской бригады Красной Армии. Русаков был тяжело ранен, потерял много крови. Временно его поместили в доме, где находился командный пункт комбата. К гитлеровцам подошли свежие силы, и рано утром следующего дня они выбили курсантов и партизан из деревни.

...Хлопали двери. Раздавались команды по телефону. Сергей, лежа за пологом, слышал все это как сквозь сон. И вдруг стало тихо-тихо, а потом на улице раздалась чужая речь... Сознание прояснилось. Вот-вот в дом войдут фашисты. Оружия нет. Куда укрыться? Русаков попытался поднять крышку подпола, но сил не хватило. В голове снова загудело, стало поташнивать. Неожиданно затрещал телефон. Сергей машинально взял трубку. Кто-то настойчиво требовал: «Товарищ комбат! Товарищ комбат!» Сергей чуть слышно ответил:

— Партизан Русаков слушает.

— Комбат где?

— Не знаю. Кажется, ранен.

— Фашистов видишь?

Сергей взглянул в окно:

— Вижу.

— Говорят с тобой артиллеристы. Корректировать сумеешь?

— Не знаю.

В трубке молчание, потом тот же голос:

— После каждого выстрела говори, попали или нет.

— Хорошо.

— Почему тихо говоришь?

— Ранен.

— Ну действуй, парень.

И он действовал. Точно легли первые снаряды советских пушек. Но вскоре гитлеровцы нашли провод и окружили дом. И тогда...

У безвременно ушедшего от нас поэта-фронтовика Сергея Орлова есть в одном из стихотворений такие мужественные строчки:

В час, когда уже нечем сражаться,
Эту землю с рожденья любя,
Есть возможность сказать по-солдатски:
— Вызываю огонь на себя!

Так и поступил семнадцатнлетний комсомолец Сергей Русаков утром морозного январского дня 1942 года. Его обнаружили полумертвым под развалинами сгоревшего дома... Потом он качался в вагонах санитарных поездов, валялся в тыловых госпиталях. И выжил. И опять воевал.

Иван Гончаров

ДВА ИВАНА

Ледяной январский ветер обжигал лицо, от холода коченели руки. У стены сарая, выходнвшей в сад, стоял невысокого роста щуплый семнадцатилетний паренек. Рубашка на нем была нзорвана. По разбитому лицу тонкнми струйкамн стекала кровь.

— Где спрятал оружие? Прнзнавайся!

Паренек молчал. Гнтлеровец вскинул карабнн н выстрелнл. Пуля впилась в бревно выше головы.

— Будешь говорить, мерзавец?

Молчанне. И снова выстрел.

Юноша прнподнял голову н с тревогой посмотрел в сторону. К сараю подходнл отец. Упав на колени, он стал умолять фашистов не убивать сына.

— Отец! Встань! Сейчас же встань!

— Ванечка, сынок, да как же это...

К старику подскочил гнтлеровец. Он с остервененнем начал избивать ногами лежавшего на снегу седого человека.

Иван рванулся на помощь, но солдат сильно ударнл его прикладом по голове. Теряя сознание, он упал рядом с отцом...

Когда стемнело, соседи перенесли нзбнтых Ивченко в дом. Только на третьи сутки Иван прншел в сознание. Над кроватью, ннзко склонив голову, сндела слепая

мать. Марфа Леоновна материнским инстинктом почувствовала возвращение сына к жизни.

— Сыночек, родной, наконец ты очнулся!..

— Мама! А где отец?

— Нет больше у тебя отца,— зарыдала мать.— Сгубили его побоями нехристи проклятые. Вчера соседи похоронили...

Отец и сын знали, где оружие, сами помогали спрятать его. Незадолго до этого в Матусове неожиданно появились трое неизвестных мужчин. Зашли в избу Ивченко, стоявшую на окраине деревни. Сказали, что они командиры Красной Армии, предъявили документы. Их приютили, обогрели, накормили. Разве мог поступить иначе Наум Ивченко, сельский активист, один из сыновей которого тоже был на фронте? Когда командиры узнали, что у Ивченко имеются лошадь и сани, они попросили помочь им перевезти боеприпасы, спрятать их в надежном месте. И хотя это было рискованно, повсюду рыскали гитлеровцы, Наум Михайлович снарядил в лес Ивана.

Целый день лохматая заиндевевшая лошаденка перевозила ящики с боеприпасами и оружием в тайник, оборудованный в глухой чаще леса. Ящики сложили в ровики и тщательно замаскировали. Иван возвратился из леса домой поздно ночью. В санях под хворостом лежал подаренный командиром карабин. Бережно завернув подарок в мешковину, он зарыл его в землю под крыльцом.

Чей-то недобрый глаз заметил ночной приезд младшего Ивченко.

...Больше недели провалялся в постели Иван. Не успели зарубцеваться раны от жестокого избиения, как в дом явился гитлеровский солдат и отвез Ивана в комендатуру в Идрицу.

Две недели продержали гитлеровцы Ивченко в сыром подвале под зданием комендатуры. Каждый день

допрашивали. Каждый день хлестали плетью. Иван на допросах твердил одно: в лесу задержался потому, что сломались сани.

И вот снова родительский дом. Мать несказанно обрадовалась возвращению сына. Но радость была недолгой — началась перепись молодежи. Гитлеровская Германия нуждалась в восточных рабах. И тогда Ивченко мартовской ночью ушел из Матусова к тетке в Жаглы.

Рядом с деревней, где она жила, были густые леса, поговаривали, что в них появились партизаны. Слух оказался верным. Только партизанил вблизи Жаглов... один человек. В народе его звали по-разному, чаще — «лихой Москаленок».

Это был человек трудной судьбы. Родился Иван Москалев в Сутоках. Учился в школе, затем работал в колхозе. Однажды, защищая товарища, вступил в драку. В ход пошли ножи... Москалева судили. Так он попал в исправительный лагерь. А тут началась война. Оказавшись на свободе, решил драться с гитлеровцами в одиночку.

Оружие добыл у врага. Через лесную дорогу, по которой часто проезжали немецкие мотоциклисты, натянул проволоку. Фашист на большой скорости наскочил на нее и свалился замертво. Трофеем Москалева стал автомат.

А через два дня этот автомат уже строчил по фашистам. Поздно вечером, подходя к деревне Жаглы, Москалев услышал крик. Притаившись в кустах, он увидел, как два гитлеровца волокли женщину. За ними бежала худенькая девочка. Она плакала и кричала: «Мама! Мамочка!»

Две очереди в упор свалили фашистов. Женщина оказалась женой военнослужащего, погибшего на границе. Ей с дочерью удалось добраться до деревни Жаг-

лы, где их приютили местные жители. Но фашисты выследили беглянок.

С того вечера и пошло. Москалев стал охотиться на оккупантов: нападал на курьеров, обстреливал связистов, отбивал обозы с награбленным, даже когда подводы охраняли несколько солдат.

Фашисты избегали встреч с «лихим Москаленком», боялись одного его имени.

Как-то вечером Москалев зашел в дом к тетке Ивченко. Черная густая борода скрывала лицо. На нем был плащ немецкого офицера. На груди висел автомат.

Поздоровавшись с хозяйкой дома, он посмотрел на печь и спросил:

— А кого это ты там прячешь, Прасковья Михайловна?

— Так то ж мой племянник Ваня. От отправки в Германию сбежал.

— А ну, тезка, слезай с печи,— потребовал вошедший.

Ивченко было замешкался, не зная, как себя вести с незнакомым человеком. На выручку поспешила тетка:

— А ты, Ванюша, не бойся, слезай. Это к нам наш защитник Иван Федорович зашел.

Усевшись за стол, Москалев внимательно выслушал рассказ Ивченко про случай с оружием, про смерть отца, помрачнев, спросил:

— Ну а теперь что думаешь делать?

— Хочу через линию фронта податься. Два брата моих воюют. И мой черед пришел.

— Трудное это дело,— задумчиво произнес Москалев и неожиданно предложил: — А со мною вместе не хотел бы фашистов бить? За отца да и за себя с ними рассчитаться.

— Если возьмете, охотно,— ответил Ивченко.

— Вот и хорошо, тогда собирайся...

В глухой чаще леса, на небольшом островке, окруженном со всех сторон болотом, виднелось перекрытие двух блиндажей. Сюда по известной только ему тропе поздней ночью Москалев привел Ивана Ивченко. Один блиндаж был жилой, с печкой, а во втором хранились оружие н боеприпасы, добытые у гитлеровцев.

— Ты как, тезка, умеешь обращаться с оружием? — спросил назавтра у Ивченко Москалев.

— Не приходилось. Да и оружие-то не наше.

— Что оружие немецкое — не беда. В верных руках оно тоже метко стреляет. Ну что ж,— заключил старший Иван,— подучу. Срок обучения — неделя.

Шли дни. Наступил май сорок второго года. В теплые весенние дни оккупанты небольшими группами на повозках часто стали появляться в глухих деревнях Идрицкого района. Они отбирали у местных жителей хлеб, птицу, скот.

Семнадцать гитлеровцев приехали в Скуратово под вечер, учинили настоящий разбой. Сложив награбленное на повозки, покинули деревню, пьяно гогоча и стреляя по крышам из автоматов... «Лихой Москаленок» удачно выбрал место для засады — небольшую поляну в лесу, через которую проходит дорога. В начале поляны в кустах посадил с автоматом Ивченко, в конце ее устроился сам с пулеметом. Когда гитлеровцы выехали на поляну, по первой и последней повозкам одновременно ударили пулемет и автомат. Обоз остановился. Солдаты заметались по поляне. Но их буквально косили меткие очереди двух Иванов.

Бой длился не более десяти минут. Семнадцати солдат недосчитался в тот день начальник ортскомендатуры в Идрице.

В конце мая житель деревни Малиновка Федор Шабанов, работавший на складе, сообщил Москалеву, что в пункте по отправке рабочей силы в Германию в Сутоках подготовлены списки молодежи окрестных деревень,

намеченных к отправке. Шабанов передал Москалеву просьбу жителей уничтожить эти списки.

Организованный в Сутоках пункт размещался в помещении школы и усиленно охранялся. Проникнуть туда незамеченным было невозможно. Почти целую неделю Ивченко каждый день появлялся в поселке и убедился в этом. Выслушав его невеселый рассказ, Москалев усмехнулся:

— А ты зря, браток, нос повесил. Раз невозможно незаметно, побываем там заметно.

— Как? Думаешь среди бела дня? — удивился Ивченко.

— Заявимся утром, когда там соберется вся фашистская сволочь, и проведем «разъяснительную беседу».

Беседа удалась на славу. Несколько гитлеровцев были сражены первой пулеметной очередью, в остальных, засевших в подвале, полетели гранаты. Москалев забрал все документы. В их числе был и поименный список двухсот девушек и мальчишек-подростков, которых через неделю фашисты должны были отправить в пересыльный лагерь в Идрицу.

Летом из советского тыла в Пустошкинский и Идрицкий районы пришли несколько новых партизанских отрядов. Начались диверсии на железных дорогах Рига — Себеж, Новосокольники — Ленинград, Великие Луки — Себеж. Партизаны смело нападали и на небольшие фашистские гарнизоны. Однажды ночью Москалев и Ивченко услышали сильную стрельбу в районе деревни Малиновка.

— Надо разузнать, кто такую пальбу устроил,— предложил Москалев.

С наступлением рассвета два Ивана направились в Малиновку. Не доходя деревни, Москалев и Ивченко встретились с группой вооруженных людей. На шапках у всех алели красные полоски.

— Сдайте оружие! — приказал старший из партизан.

— Это почему же? — ответил Москалев, держа автомат наизготове.— Мы партизаны.

— Какого отряда?

— Собственного. Я да он,— показал на Ивченко Москалев,— вот и весь отряд.

К командиру подошел один из партизан и что-то тихо сказал ему. Командир улыбнулся:

— Значит, «лихой Москаленок» с побратимом?

— Пусть будет так...

Через час командир отряда Шаранда и его товарищи с удивлением рассматривали жилище «двух Иванов». Еще больше они удивились, когда партизаны-одиночки передали им три станковых пулемета, несколько автоматов, три десятка карабинов, различные документы фашистских комендатур и волостных правлений...

* * *

— Так судьба свела меня с человеком, ставшим мне братом.

Ивченко замолчал, устремив взор на дальний лес в багряных отсветах заходящего солнца. Мы шли по берегу Вревского озера к Конезерью — центральной усадьбе лужского совхоза «Володарский», где Иван Наумович трудится на молочной ферме.

— А дальше? — спросил я.

— Дальше все проще. Дальше мы уже вошли в дружную партизанскую семью. Иван Федорович был назначен командиром отделения разведки. Воевал он по-прежнему лихо и пользовался уважением товарищей. Вместе с ним мы громили гарнизон фашистов на станции Нащекино. Подожгли тогда эшелон с боеприпасами. Потом участвовали в налете на колонну карателей возле деревни Красная Вода. Семнадцать автомашин горели после этого налета в придорожных кустах. Довелось нам выполнить и несколько заданий по разведке командира

бригады Рындина. Возвращаясь с одного из них, у Сутокского озера наскочили на засаду. Отбились, но потеряли Ивана Федоровича. Тело его я вынес в ближайший лес... Не стало побратима.

Ивченко помрачнел. На мои вопросы о дальнейшей своей судьбе отвечал неохотно. «Стал командиром отделения разведки». «Участвовал в знаменитой партизанской операции «Савкинский мост». «Ну был ранен. Потерял глаз...»

Быстро стемнело. Где-то всхлипнула и замерла гармошка. Потом долго перекликались чьи-то молодые голоса. Мирная, тихая жизнь царила на лужских полях... А мне все казалось, что вот-вот из далекого леса появится человек с пулеметом на плече, плотно сбитый, темноволосый, с карими глазами. Появится, чтобы расспросить, как живет его побратим, и еще узнать, нет ли весточки от сына — моряка дальнего плавания, так и не дождавшегося отца с войны.

Нонна Корнеева

БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА

Медико-санитарный батальон, в котором началась военная служба добровольца-фармацевта Старковой, в августе 1941 года под Лугой попал в окружение. Большинство раненых и медицинских работников погибло. Остальные, разбившись на мелкие группы, укрывались в лесных деревушках. Контуженную, с распухшими ногами Галину приютила сердобольная крестьянка из деревни Мины. Оккупанты туда наведывались время от времени.

Еще реже заглядывали они на мельницу, притулившуюся на берегу небольшой речки Ситки. Быстробегущие воды ее по-прежнему вертели мельничное колесо. Ровно гудели жернова. Мельник Маланецкий в первые

дни войны ушел на фронт. Хозяйничала на хуторе его жена Антонина, женщина молчаливая, суровая. Жила она в полном достатке: корова, гуси, утки. Мукомолы побаивались Маланецкую — отбреет за милую душу, а то и жернова остановит. Неразговорчивая, а со Старковой заговорила первая. Спросила:

— Небось, страшно жить в деревне-то? Немцы шастают, все вынюхивают.

Галина отрицательно покачала головой:

— А чего мне их бояться? Я перед ними ни в чем не виновата.

— Ой ли! — испытующе поглядела на нее мельничиха.— А мне вот иной раз жутко становится. Нескоро еще погонят фашистскую нечисть с нашей земли.

С удивлением слушала Галина Маланецкую. Она сразу потянулась к этой чуть старше ее женщине с независимым характером. И когда та неожиданно предложила перебраться к ней на хутор, помогать по хозяйству, Галина сразу согласилась.

Маленький домик дохнул на Старкову покоем непотревоженного жилья. Чудесно пахли караваи свежеиспеченного хлеба. Их было много, и Галина подумала: «К чему зря муку переводить?» Но в тот же день, когда стемнело, на мельницу пришли вооруженные люди. На шапках у них алели красные полоски.

— Партизаны! — радости Гали не было границ.

Тоня накормила гостей, упаковала выстиранное белье, уложила хлеб в мешки.

Потом Галина не раз допытывалась, у Маланецкой, почему она сразу с таким доверием отнеслась, по сути дела, к незнакомой девушке. Та отшучивалась: «Птицу видно по полету», но однажды призналась, что для нее не секрет военная служба Старковой до появления в родных краях.

Мельница на Ситке стала надежным поставщиком хлеба для нескольких партизанских отрядов. Маланец-

кая смело играла с огнем. Она строго взыскивала за размол зерна гарнцевый сбор с крестьян. Раз в две недели направляла его в волость. Но как-то получалось так, что подводы с мукой редко доходили до места назначения — партизаны перехватывали их под носом у фашистских гарнизонов.

Галина училась у Маланецкой находчивости, умению выходить из критических положений. Однажды, когда на хуторе находилось пятеро гостей из леса, Галина, наблюдавшая за лесной дорогой, заметила большую группу гитлеровцев. Быстро подала сигнал — прокуковала пять раз.

Партизаны исчезли, но следы их пребывания на мельнице остались. На грозный крик гитлеровца-фельдфебеля: «Кто был? Куда ушел?» — Маланецкая сердито ответила:

— Известно кто — партизаны. Ушли известно куда — в лес. Было их с полсотни. И в доме отдыхали, и на бревнах сидели,— и уже срываясь на крик,— вот я пожалуюсь пану-коменданту: охранять хлеб и муку некому!

Преследовать «отряд» партизан фельдфебель не решился.

Вскоре Старкова стала бойцом 5-й бригады ленинградских партизан. Рожденное в боях весной 1943 года, партизанское соединение расширяло с каждым новым днем район своих действий и своего влияния. Посылать парней на связь с подпольщиками и верными людьми в места, где стояли крупные фашистские гарнизоны, было нельзя — почти верный провал. У гитлеровцев теперь все молодые мужчины были на подозрении. В осиные гнезда шли девушки.

Галине в первый ее поход на связь поручили снести четыре куска мыльного камня в Шимск, передать их одному железнодорожнику и взять у него письмо.

— Спрячь бруски под ягоды. Мыло теперь на вес зо-

лота. Да не проговорись никому по дороге,— напутствовал девушку начальник разведки.

«Подумаешь, мыло снести! Да я могу...» — хотела ответить Старкова, но смолчала. Зато сколько радости было, когда железнодорожник, взяв в каждую руку по бруску «мыла», восхищенно сказал ей:

— Считай двух паровозов гитлеровцы лишились. Умоем их партизанским мылом. Молодец, красавица.

Только тут Галина сообразила, что за «мыльный камень» доставила она подпольщику.

Однажды при входе в поселок Новоселье Старкову, державшую в руках корзину с гусем, задержал гитлеровский охранник: хотел отобрать гуся.

Надо было слышать, какой крик подняла Галина. Ухватив обеими руками корзину, вопила:

— Отдай птицу, паскуда! Я ее господину офицеру несу. Мне за это керосину нальют. Отдай, говорю!

Испугался охранник — отдал. А Галина прошествовала к солдатской казарме, по дороге убедившись в том, что в поселок на постой прибыла артиллерийская батарея. Затем и тащила тощего гуся во вражеский гарнизон.

Был и такой случай. Под вечер на окраине Пскова Старкову остановил патруль. Один из гитлеровцев вытряс корзину с овощами. Другой сорвал с Галины ватник, ощупал, чуть ли не обнюхал — не сберегли ли складки одежды дымный запах лесных костров. Старший патруля на ломаном русском языке приказал:

— Покажи, где прячешь бумаги партизанен?

Рассмеялась Галина:

— Да что вы, герр солдат! На кой ляд мне партизаны. Меня ваш геноссе обнимал, миловал. Да вы не стесняйтесь, поищите на мне...

Девушка скинула кофту, сняла с головы платок. Расстегнула пуговицы платья. На груди блеснул серебряный крестик. Гитлеровец подобрел. «И глупа девчонка, и в

бога верит. Явно не «оттуда», не из леса. Позабавиться бы, да патрулю задерживаться нельзя».

Отошли солдаты. Дрожащими руками собрала Галина овощи в брошенную в кювет корзинку.

Через полчаса на квартире портнихи Войт девушка, отодрав фанерное дно корзины, извлекла из нее две тоненьких пачки советских листовок. В обмен получила несколько коробков спичек, кусок мыла и еду на обратный путь: банку рыбных консервов и половину хлебного кирпича. В него был впечен документ с ценными разведданными.

В другой раз на исходе студеного короткого декабрьского дня добралась Старкова до деревни Березка. Здесь у своей давней знакомой Наташи Галина оставила лошадь, запряженную в санки.

— Оставайся ночевать. Темнеет сейчас скоро,— предложила Наташа.

— Нет, нет,— заторопилась Галина.— Ждут меня. У нас во всей деревне спичек не сыщешь. А я выменяла в Пскове десяток коробков. Целое богатство.

Наташа, конечно, догадывалась об истинной причине визитов Галины в город, но не расспрашивала. И Старкова предпочитала избегать разговора на эту тему. Не успела гостья надеть полушубок, как скрипнула входная дверь, в сенях раздался шорох. Кто-то нащупывал в темноте дверную ручку. «Кажется, выследили»,— мелькнуло в голове Галины — в дверях стоял гитлеровец.

— Добры вечер,— солдат улыбнулся, расстегнул шинель, положил на лавку автомат и, обращаясь к Старковой, довольно сносно сказал по-русски.— Ночь темна, лошадь ехать лес страшно, девушка.

Галина вспомнила: этого солдата из команды, охранявшей железную дорогу, она видела дважды в свой прошлый приход в Псков. У переезда, где задержа-

лась у эшелона с платформами, закрытыми брезентом. И здесь — в Березке, у Наташиного дома. «Попалась»,— обожгла мысль. Галина хотела что-то ответить, но солдат неожиданно выпалил:

— Ты знай, где партизанен. Свези меня лес. Гитлер капут.

Наташа сидела ни жива ни мертва. Галина не двинулась к выходу, показывая спички:

— Меняла, ей богу, меняла. Партизан сроду не видала. В лесу у нас одни волки.

— Боишься? — солдат усмехнулся и протянул Старковой автомат.— Тогда возьми. Годится, может. Да не наци я, а чех.

Галина выбежала во двор. Сделав вид, что не заметила, как солдат сунул под рогожу на санки свой «шмайсер», быстро выехала на дорогу. Застоявшаяся лошадь пошла чуть ли не рысью. До самого леса оглядывалась назад. Погони не было...

Да, Старковой не пришлось на оккупированной территории ходить в атаки, участвовать в засадах, уничтожать фашистов с помощью карабина или автомата. У нее было другое оружие...

Документ, подписанный комбригом Героем Советского Союза Константином Карицким, свидетельствует о том, что Карпина (Старкова) «по заданию бригады направлялась в город Псков для связи... доставляла ценные сведения о дислокации частей и соединений фашистских армий группы «Север», о расположении аэродромов противника».

Это свидетельство боевых дел Галины Ивановны Старковой — в послевоенные годы водителя троллейбуса в городе на Неве — хранится в одной из папок Ленинградского партийного архива.

Виктор Булавин

И ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ — БОЙ

Лето и осень сорок пятого года рядовой Денис Самохвалов провел в Германии. Вначале контузия, полученная в боях за столицу рейха, задержала его в полевом госпитале, затем начальство, узнав о гражданской профессии воина, продлило ему «больничный режим». Опыт и знания бывшего бухгалтера нужны были и здесь, в обширном хозяйстве госпиталя.

Полк солдата давно отбыл на родину, а Денис продолжал службу. Однажды в Ландсберге заглянул по делам во фронтовой эвакогоспиталь. Шел зеленым тенистым парком, думая о родной деревушке на Смоленщине. В народе называли ее Самохваловкой. В деревушке всего несколько домов, и в каждом живет кто-то из родственников Дениса. Впрочем, живет ли? Дважды прошла война по тем местам.

Заметив в стороне под деревьями ряд низких могильных холмиков, солдат свернул к ним. Миновал один, другой, вгляделся в удивительно знакомую фотографию на постаменте и вздрогнул. Быстро пробежал глазами подпись: «Александр Кузнецов, героически погиб...» Он. Бессильно опустился на землю перед могилой.

Кузнецов — ленинградский чекист. Именно этот человек помог Самохвалову осенью сорок второго года стать бойцом партизанского отряда, действовавшего на оккупированной территории, отвел обидные подозрения.

...Двоих заросших густой щетиной мужчин партизаны задержали на опушке леса. К их рассказу о фашистском лагере для военнопленных командир отряда отнесся настороженно, приказал все факты тщательно проверить, а с «гостей» пока глаз не спускать.

Сидя в темной, низенькой баньке под охраной часового, Денис успокаивал товарища: «Ничего, разберутся, кто мы такие. Главное, что у своих». Но сам тоже волновался. Нет-нет да и вспоминал внимательный взгляд начальника особого отдела отряда, в обязанности которого входила проверка всех новичков, его вопросы, свои ответы на них. «...В мае сорок первого был призван в армию, в 177-ю стрелковую дивизию... Сражался на Лужском рубеже... Выходил из окружения... Был схвачен в лесу гитлеровцами... Попал в лагерь для военнопленных...»

Лагерь. Загон из колючей проволоки. Прежде скот в деревнях и то содержали лучше. Но разве пленные для фашистов люди? Денис для них номер 828, которого лишь потому не убили или не отправили в Германию, что здесь вблизи фронта гитлеровцам нужна рабочая сила на заготовке дров, погрузке снарядов, фуража, продовольствия на железной дороге.

Не переставая, шли дожди, холодные, осенние. А люди — под открытым небом. Кто в чем. На ночь на колья натягивали плащ-палатки, сбивались группами — так теплее. Утром то один, то другой уже не мог подняться. Тиф, голод, ранние заморозки делали свое дело.

Позже, к зиме, у них появился барак с нарами в три яруса. Порой в лагерь наезжали пьяные хохочущие офицеры с фотоаппаратами. Приказав узнику бежать, они спускали собак и жадно фотографировали то, как дрессированные овчарки рвут человека. Были и длительные стояния на морозе в ожидании переклички, а по воскресеньям танцы на плацу на потеху коменданту и охранникам. Жуткая картина: в мертвенном свете прожекторов топчутся по кругу сотни четыре серых изможденных призраков.

Самохвалов не боялся в открытую говорить о побегах, за что был прозван политруком — награжден званием, опасным для военнопленного. Верил, что нет преда-

телей среди людей, с которыми полмесяца блуждал по Оредежским лесам, отыскивая дорогу к нашим. Товарищи, работавшие вместе с местными жителями на разгрузке вагонов, приносили записки, в которых указывалось, в каком направлении удобнее бежать. Так же узнавали о положении дел на фронтах. Чувствовалось, что здесь, в тылу у фашистских армий, патриоты не сидят сложа руки.

Самохвалов и еще четверо узников стали готовиться к побегу. Работая на погрузке продовольствия, им удалось немного запастись мукой, утащить две бутылки ликера. Одну из бутылок незаметно подсунули охраннику — пожилому австрийцу. Тот «подарку» обрадовался и часам к пяти вечера основательно захмелел.

Собраться под одним из складов на сваях было делом нескольких минут. За серым бревенчатым зданием тянулся высокий забор, отделяя территорию, где работали военнопленные, от леса. Нижние гвозди в широкой доске заранее вытащены. За забором оказался глубокий ров, сырой еще — апрель. По дну его они добрались до шоссе, за ним спасительный лес. Бежали, задыхаясь, пока доставало сил. Направление показывал Гриша Григорьев, сам родом из здешних мест. Хотели выйти к озеру Ильмень, а там до линии фронта рукой подать.

Возле станции Батецкой натолкнулись на гитлеровский патруль. Едва ушли, но не все, Григорьев был убит автоматной очередью наповал. Без своего проводника они вчетвером долго плутали по лесу. Решили переправляться через Волхов, благо в лесу на месте боев нашли автомобильные камеры.

Только вышли к берегу реки, как были схвачены фашистами. Совсем рядом оказалась их зенитная батарея. Беглецов вернули в лагерь. Ждали расстрела в назидание остальным военнопленным, но перед строем были наказаны плетьми. В карцер всех сволокли полумертвыми.

Медленно приходил в себя Денис. Старался лежать на нарах пластом, не двигаясь, потому что стоило согнуть спину, как тут же обжигала боль, что-то с шорохом отдиралось на плечах, пояснице, сочилось по телу.

— Денис! — хриплый шепот в окошко.— Держи.

На пол рядом с нарами шлепнулась пара лепешек.

— Кто это?

— Я, Костя Могилка. Привет тебе от всех наших. Крепись.

Денис представил себе, как делает вид, что метет у стены карцера прихрамывающий Костя, и сердце затопила теплая волна благодарности. Могилка тоже собирался с ним в побег, но незажившая после ранения нога помешала этому.

— Дурни вы! — бормотал за стеной Костя, ожесточенно шаркая метлой.— Зачем к линии фронта пошли, партизан искать надо было.

После неудачного побега Денис стал осторожнее, зорче, внимательнее присматривался к людям. Вот переводчик, лицо известное всему лагерю. Подобострастен с начальством, на перекличках старается чуть ли не интонацию приказов коменданта передать. И держится особняком ото всех. Но однажды наедине с Денисом, когда поблизости не было никого из посторонних, посоветовал вполголоса:

— Тебя слишком многие знают в лагере. Постарайся стать незаметнее. И еще вот что, просись на погрузку снарядов.

Легко сказать, просись. У оккупантов свои порядки. Куда скажут, туда и пойдешь. Но переводчик, видимо, знал, что говорил. Утром на разводе в команде, отправляющейся на разгрузку снарядов, странным образом не хватило одного человека. Денис попал на это свободное место.

И вот знакомая дорога к железнодорожным складам. Тот, что предназначен под снаряды, стоит особняком по-

чтн в самом конце огороженной забором террнтории. Вдоль него и вправо н влево вагоны со смертоносной начинкой. Покрикивая, охранникн распределили людей. Началась работа.

Денис ворочал тяжелые ящики в паре с Костей Могилкой. Так же парами к вагону подходили угрюмые пленные, ставилн ящики на землю н, подцепив их брючными ремнямн, волоком тащили до склада. В воздухе висел непрекращающийся скрежет. Надсмотрщики, спасаясь от этого шума, время от времени собирались в кучу, в стороне от состава. Курили, разговаривали.

В одну нз такнх минут к вагону, где работали Денис с Костей, подошел очередной грузчик, но почему-то не в паре.

— Это тебя политруком кличут? — спросил он Самохвалова.

— Ну а еслн меня, чего надо? — настороженно встретил гостя Деннс.

— Помочь надо! — сверкнул глазами грузчик. Он решнтельно взобрался в вагон, прошел к самым дальним ящикам.

Друзья озадаченно молчали. Но когда незнакомец достал из кармана шнрокий ключ н ловко поддел им доску на ящике, Костя испуганно вскрнкнул:

— Что ж ты делаешь, дядя!

Тот будто не слышал вопроса. Деловито выудил из ящика снаряд, н, присев, стал свннчивать ключом дистанционную трубку.

Денис отшатнулся. Ни он — пехотинец, нн Костя — шофер ннкогда прежде со снарядами дела не имелн.

— А еслн рванет? Пыль одна от нас останется!

— Ни черта с вамн не будет,— успокоил грузчнк. Он приподнял снаряд и вытряхнул нз гнльзы вышибной заряд пороха в узком мешочке из белого шелка. Опасный груз быстро нсчез под полой телогрейки незнакомца, а

снаряд опять занял свое место в ящике. С начала рискованной операции прошло не более двух минут.

— Шевелите, братцы, мозгами,— сказал грузчик.— Займитесь нужным делом.

Денис, первым пришедший в себя от изумления, вслух пожалел:

— Эх, нет у меня такого ключа, а то бы...

— Как это нет? — усмехнулся гость.— А этот! — Он протянул ключ Денису.— Действуй!

Теперь уже Костя один, кряхтя от натуги, подтаскивал тяжеленные ящики к двери, а Денис как заправский диверсант орудовал в темном углу вагона.

Несколько раз подходил за очередной ношей новый знакомый, подбадривал:

— Все в порядке, ребята. Охрана дремлет. А порох незаметно высыпьте на обратном пути.

Ночью, лежа на нарах, Денис вновь переживал события минувшего дня. Сегодня он словно вырос в собственных глазах. Семнадцать снарядов не разорвутся на наших позициях, не унесут с собой человеческих жизней. Можно, оказывается, и за колючей проволокой вести бой с фашистами.

На следующий день история повторилась сначала. Только уже не было видно незнакомого грузчика. Костя с Денисом долго гадали о том, что за человек приходил накануне, и решили — не все ли равно? Важно, что свой.

Теперь они действовали уверенней. Денис умудрился пройти в туалет возле склада, засунув мешочки за брючный ремень. Порох был ссыпан вниз, а значит, появилась возможность за день выпотрошить в два раза больше снарядов.

Вечером через товарищей, с которыми был в бегах, узнал, что диверсиями в этот день занимались еще несколько человек в разных вагонах. Предложение Самохвалова ссыпать часть пороха в туалет встретили одобрительно.

— Только треба хорошенько подумать. Как бы наши гады со своими сигаретками туалет в воздух не вознесли,— заметил Костя Запожанский.

Денис не переставал удивляться возможностям организованного коллектива людей даже в труднейших условиях плена. Сначала эти лепешки, поддержавшие его в карцере, затем ключи для порчи снарядов, которые, как оказалось, специально доставили из слесарной мастерской. Видно, была кое у кого в лагере связь с подпольщиками, по крайней мере, в разговорах между своими мелькало имя бывшего первого секретаря райкома партии города Луги Ивана Дмитриевича Дмитриева.

Подрывная работа в лагере не прекращалась. Кончилась разгрузка снарядов — пришел черед отправлять продукты фронтовым частям. Грузили сахарный песок и обливали его бензином, борной кислотой.

С приходом теплых дней участились побеги, но удачных было немного. Теперь пойманных узников расстреливали.

Весной совершил свой последний подвиг в жизни Алексей Хавпун — товарищ Дениса. Хавпун был родом из Днепропетровска, храбро воевал в 502-ом гаубичном полку и в плен попал раненным в обе ноги. От этого в лагере все время хромал, а однажды на разгрузке мин замешкался, не сумел выполнить приказание надзирателя по прозвищу Квазимодо и получил тяжелый удар прикладом в лицо.

Денис знал о том, что Хавпун готовится к побегу. Одно время он работал в пекарне, выдав себя за пекаря. На разгрузки вагонов его выгоняли реже, чем остальных пленных, и здесь Алексею с больными ногами можно было существовать относительно спокойно. Но случилось так, что приблизительно тогда же комендант выделил в распоряжение Квазимоды старую полуторку. Водителя-немца, конечно, не дал. Квазимодо не был арийцем. Родом откуда-то из Прибалтики, этот отщепе-

нец-предатель попал в охранники в награду за садистскую жестокость к узникам. Машина требовала некоторого ремонта, и Квазимодо перед строем спросил о том, кто умеет обращаться с техникой. Хавпуи тут же шагнул вперед.

Денис с Костей ликовали. Верили — Хавпуи сможет завладеть машиной... И вот та последняя трагическая поездка. За рулем сидел суровый Алексей и по уговору не глядел в сторону друзей. А ребята переживали за него так, что даже не разговаривали, боясь спугнуть удачу.

Полуторка выехала за территорию лагеря и покатила по пустынной дороге. Мелькание деревьев по обочинам, мерное гудение мотора быстро сморили Квазимоду, который с утра пораньше нагрузился самогонкой. Алексею этого только и надо. Железной ручкой ударил в висок ненавистного охранника.

Остановить машину и оттащить труп в лес было делом одной минуты. А когда Алексей вернулся обратно, из-за поворота дороги показалась колонна пеших фашистов. Бежать с хромой ногой на виду у почти роты тренированных автоматчиков бессмысленно. Значит, снова плен? Опережая мысль, руки потянулись к рулю.

Он успел разогнать машину, и в строй гитлеровцев она врезалась тяжелым стальным тараном. Но уже трещали автоматы, и колеса, расталкивая врагов, шли юзом. Машина опрокинулась. Руль пробил Хавпуи грудную клетку. Мертвого, его буквально изрешетили пулями.

Об этом Денис узнал от переводчика поздно вечером. А когда охранники привели военнопленных с работ, в лагере возле комендатуры стояла виселица. Фашистам мало было убить Хавпуи, они его еще и повесили. Разъяренные надсмотрщики держали узников перед виселицей дотемна. И было от чего яриться. Алексей отправил на тот свет 43 гитлеровца.

А на следующий день события стали разворачиваться с лихорадочной быстротой. Выбрав момент до развода,

когда поблизости никого не было, переводчик тихо сказал Денису:

— Тебе, политрук, бежать надо. Прямо с работы. После всех событий в лагере чистка будет, а комендант знает, что ты был другом Хавпуна.

Сказано предельно ясно. Хорошо, что на этот раз опять отправили на железнодорожные склады. Здесь все знакомо — и ров за забором, и лес. Охранники глаз не спускают — пусть, никакого запаса продуктов — все равно. Костя Могилка согласен бежать вместе — это здорово, вдвоем легче.

Побег удался. Чтобы второй раз не испытывать судьбу, Денис повернул не вправо, а влево, к озеру. Знал, что там располагаются гитлеровцы, но выбора не было. Надеялись на удачу.

Через несколько дней голод выгнал их из леса к деревне. Под вечер постучали в стоящий несколько в стороне от других дом. Открыла дверь молодая женщина. Испугалась, но предложила зайти. Собрала на стол поесть. С печки на грязных, оборванных мужчин во все глаза смотрела девочка лет девяти. А за окном в это время, отрезая пути к отступлению, кружил предательский первый снег.

Откуда в этой женщине взялось столько смелости и решительности. Расспросить бы, да времени в обрез. Оставив гостей в доме, бросилась на огород. Наспех вырыла неглубокую яму, закрыла досками, позвала беглецов. Слушая, как мягко шуршит набрасываемое сверху сено, Денис сказал Косте: «Запомни, друг, ее зовут Анна Петровна».

Как оказалось, поспешность хозяйки была не лишней. Через деревню вскоре проследовал отряд гитлеровцев, опасавшийся наступления партизан. Пару охапок сена для лошади один из солдат взял из стожка, под которым скрывались военнопленные...

И вот пройти через все это, чтобы быть расстрелян-

ным своими? Денис не мог поверить в такую несправедливость. На пятый день заключения в баньке начальник особого отдела отряда снял замок с двери и просто сказал:

— Выходи, мужики. Давайте знакомиться: Кузнецов, Александр.

...Денис в упор смотрел на скромную, потрескавшуюся фотографию на постаменте. Сколько воспоминаний из партизанской жизни связано с этим человеком!

Осенью 1943 года, когда их отряд вошел в состав 6-й ленинградской партизанской бригады В. П. Объедкова, фашисты начали усиленно вывозить награбленное добро из-под Луги. В один из пасмурных дней связные доложили о необычном составе с танками и теплушками. Шел он вне всякого расписания, не задерживаясь в тупичках и на станциях, как обычные эшелоны с техникой. Предстояло незамедлительно перехватить поезд: проскочит контролируемый участок дороги и поминай как звали.

Несколько групп партизан были уже на заданиях. Командир смог выделить всего трех человек, помоложе. Надо было бегом с тяжелой взрывчаткой преодолеть немалое расстояние до полотна дороги. Старшим по совету Кузнецова назначили Самохвалова.

Они успели заложить взрывчатку, когда из-за поворота показался тот самый странный состав. Первыми за паровозом бежали вагоны с наглухо закрытыми дверями. За ними на открытых платформах танки, обгорелые, покореженные в боях.

Взрыв грянул точно по центру эшелона. Лопнули рельсы, качнулись вагоны. «Все-таки мало взрывчатки взяли!» — пожалел на бегу Денис, поливая огнем из автомата одинокие фигурки часовых. А из вагонов навстречу им неслись крики людей: «Партизаны! Спасите нас!»

Подрывники привели в отряд четыреста человек. Часть прибывших влилась в отряд, других переправили на Большую землю.

Где теперь эти люди? Скольких друзей потерял Денис за годы войны, пока партизанил, валялся в госпиталях, сражался в действующей армии. Здесь, в Германии, на могиле товарища он поклялся свято беречь память о павших. В наши дни на встречах бывших партизан в Луге можно встретить скромного седого человека, директора одного из ленинградских магазинов Дениса Николаевича Самохвалова. Землю, людей, с которыми связана его военная молодость, не дано ему забыть никогда.

Светлана Антонова

РАСПИСКИ

Они хранятся в Ленинградском партийном архиве. Восемьдесят расписок, восемьдесят клочков бумаги. «Обязательства жителей деревень (Лядского) района Ленинградской области о воспитании детей (сирот) до прихода Красной Армии» — так обозначены они в архивной аннотации.

Восемьдесят имен и фамилий крестьян и крестьянок из двенадцати деревень Заозерского, Запольского, Островского, Глебогорского сельсоветов Ленинградской (ныне Псковской) области. Ласковые имена российских деревень и деревушек: Белая Горка, Стан, Заполье, Заозерье, Загорье, Пелешок... И восемьдесят два детских имени. 1932, 1933, 1937 ... 1941 годы рождения. Значит, младшим тогда было по 2—3 года. Теперь мы знаем, что всех их спасли. И было их не восемьдесят два, а сто девять человек.

В «Отчете о боевой деятельности 6-й ЛПБ (Ленинградской партизанской бригады) с 10 октября 1943 года по 1 марта 1944 года» была сделана всего лишь короткая запись: «Коммунист Жигарев через мирное население узнал, что детский дом, расположенный в населенном

пункте Нежадово Плюсского района, предназначен на эвакуацию, более 100 русских детей гитлеровцы хотели завезти в далекую неметчину. Товарищ Жигарев обратился с просьбой послать его на помощь детям. Командование бригады выделило специальную команду во главе с коммунистом Жигаревым, и в течение ночи дети были определены в надежные места и спасены от угона в Германию».

Михаил Тихонович Жигарев. В 1943-м ему было 37 лет. Успел закончить три курса пединститута, работал сельским учителем в деревне Горки. В 6-й партизанской бригаде Жигарев был заместителем командира отряда по разведке, потом политработником, начальником политотдела бригады. М. Т. Жигарева уже нет в живых, но другие участники этой необычной операции в тылу врага восстанавливают сегодня события тех дней.

...В деревне Клиники, неподалеку от Нежадово, я встретилась с бывшим командиром 4-го отряда Виктором Михайловичем Блюковым. Он рассказал мне: как только узнали, какая беда ждет ребятишек, немедленно доложили комбригу В. П. Объедкову. Совещание было коротким, решение — единственным: немедленно спасать детей. На сборы — час. В сани — солому, сено, тулупы, полушубки, все, что было под рукой. Глубокой ночью подошли к старинному нежадовскому парку. Действовали быстро, бесшумно. Расставили посты. Тихо вошли в дом, подняли детей — сонных, полураздетых, закутали во что бог послал. И быстро-быстро обратно. Партизаны готовы были принять бой, но дело обошлось без выстрелов. Наутро фашисты, узнав об исчезновении детдомовцев, всполошились, бросили на розыски карателей. А беглецов и след простыл. В домах, где располагались партизаны, появились временные постояльцы. А по окрестным деревням, от Заозерья до Белой Горки, уже ранним утром отправились партизанские активисты, шли к хорошим

людям. Выбирали малодетные или бездетные семьи. Объясняли: нужно спасти от гитлеровцев малышей, укрыть. Каждому колхознику, взявшему ребенка, давали хлеба, мяса, картошки, некоторым семьям коров.

Светлые люди были эти псковские крестьяне. Какую обнаружили они сознательность, понимание чужого лиха, доброту! Предусмотрительно поступили воспитатели и партизанские политработники: в той адовой обстановке они позаботились, чтобы о каждом ребенке документально свидетельствовали необходимые данные — имя, фамилия, отчество (почти во всех случаях), год рождения. И дата усыновления — 29 и 30 ноября 1943 года.

Масштаб и значимость произошедшего особенно остро осознаешь, помня, что той самой осенью сорок третьего командование группы армий «Север» издало приказ о поголовной эвакуации населения оккупированной территории от Луги до Пскова.

От тех дней осталось еще одно редкостное свидетельство. В архиве хранятся две фотографии. На них пометка: сделаны корреспондентом Ленинградского отделения ТАСС Б. Васютинским. И текст: «...Дети на пути в бригаду... Обоз прибыл в деревню Заозерье. Колхозник Ф. С. Осипов и усыновленный им сирота Володя Крылов». Темные срубы крестьянских изб. Белый снег. Сани, в которых угадываются детские фигурки. Люди с автоматами и винтовками. А на переднем плане худенькая девочка на тонких, как хворостинки, ножках тащит какой-то бесформенный тюк.

Мир, как известно, тесен. И лишь гора с горой не сходятся. В Ленинграде, в доме 198 по Московскому проспекту, в современной, светлой и приветливой квартире, в гостях у Тамары Алексеевны Андреевой встретились бывшие воспитанники детского дома Володя Богданов, Валя Загорская, Кира и Борис Петровы, их мама Марианна Васильевна (директор детдома), воспитательница Ольга Федоровна Хохлова, бывший партизан Василий

Сергеевич Сергеев. Мы рассматривали архивные снимки, которые принес с собой Степан Васильевич Красников, муж Ольги Федоровны. И вдруг хозяйка дома разволновалась: «Да ведь это же я держу Ниночку!» Все мгновенно ожило. Не бесформенный тюк на фотографии. Ниночка. Нина Алексеевна Андреева. Теперь она, младшая из сестер Андреевых, мать двоих детей, живет и работает в Актюбинске. А тогда...

Тогда навалилась, пригнула к земле война большую семью колхозника из псковской деревни Оклюжье. Отец погиб в одном из первых боев. Мать с четырьмя ребятишками (четвертая родилась осенью сорок первого) из сил выбивалась, тянула вдовью долю, как могла. Но только до весны сорок второго и дотянула. В несколько дней сгорела в тифу. Взяла к себе сирот тетушка Леля — мамина сестра. Но и ее тиф унес. Пригрела горемык другая тетушка — Маша. У самой семеро некормленых ртов мал мала меньше. Ходили по чужим дворам, просили подаяния. Да много ли подадут — оккупация, нужда, голод... Тут кто-то и сказал, что в Гривцеве открылся приют. Погрузила тетка племянников в телегу, сзади пеструю коровенку привязала (единственное, но по военным временам бесценное наследство малышей Андреевых) и двинулась в недальний путь. Эту черно-белую коровушку помнят все. И маленькую (на два глотка) зелененькую кружечку, которой делили молоко или простоквашу: «кипяток забелить», полить вареную картошку.

У Тамары Алексеевны по сей день будто условный рефлекс — накормить, напоить. Тогда, десятилетней девчонкой, до слез жалела она своих малышей. Пятилетнюю Люду, трехлетнего Юру, годовалую Ниночку. Ниночка ведь почти до четырех лет на ножки не вставала, говорить не умела — все война подлая. Смотрю на рослую, улыбчивую Тамару Алексеевну, а вижу щупленькую, озабоченную Тому. В руке гвоздик — чирк-чирк по старой

березе. Хоть в ладошках, а принесет маленьким березового соку — пусть попробуют сладкого. Верила, в березовом соке — сила, окрепнут, оживут ее ребятишки. Летом детдомовцы и вправду немного оживали. Собирали чернику, землянику, травку, корешки, листочки. Зимой снова подтягивали пояски-веревочки. Хотя и в самую зимнюю бескормицу повариха Матильда Гансовна выкраивала для многодетной Тамары то лишний котелок баланды, то миску густяхи.

А потом настала ноябрьская ночь, когда партизаны буквально вырвали ребятишек из рук фашистов. Тамара попала в деревню Глебова Горка (Люда была в Горбове, младшие — в Пелешке). «Слабенькая была я, запущенная,— говорит Тамара Алексеевна,— ноги в цыпках, в коросте». Добрый человек Анна Николаевна Жильцова, у которой оказалась Тома, лечила девочку самодельной мазью. Вылечила, стала учить домашним делам: штопать, вязать. В конце морозной зимы 1944 года, когда начались большие бои, жители окрестных деревень на время ушли в леса к партизанам. Пережили закаленные в невзгодах ребятишки и это испытание. После освобождения района стали они, по словам Тамары Алексеевны, «государственными детьми». В марте ребят, оставленных под расписки в местных семьях, собрали в Лядах в детприемнике. Оттуда старших постепенно направляли в школы ФЗО или на курсы, где они могли получить нужные стране профессии каменщиков, плотников, столяров, портних, сельскохозяйственных рабочих. Взрослые заботились (и обстоятельства требовали), чтобы подростки скорее стали на ноги, получили в руки надежное дело. Многие так и остались сиротами. Их готовили к мирной жизни, но еще очень трудной и самой трудовой.

Пришла пора и Тамаре покидать детдом. Среди сверстников она уезжала последней. Ревели сестренки — боялись остаться без старшей. Она и сама все те годы больше всего страшилась потерять своих малышей. Но

каждый раз, передавая их из рук в руки, взрослые люди говорили друг другу: «Этих детей нельзя разлучать. Семья. Должны быть вместе». Они не потерялись. И все-таки с родным «государственным домом» первой из Андреевых рассталась Тамара. Училась в Рауте, в сельскохозяйственном училище (теперь это знаменитое 1-е Мичуринское СПТУ). В пятнадцать лет стала бригадиром-животноводом. В сорок пятом году вступила в комсомол. В совхозе «Выборгский» на попечении «зеленого» бригадира молочной фермы было 90—100 коровушек. Вскакивала с казенной койки общежития в 4 часа утра и, не наблюдая часов, трудилась, как трудились в те годы все. Тамара Андреева работала, чтобы слабенькие ленинградские ребятишки-блокадники каждый день получали свою порцию молока.

В 1957 году она вышла замуж. В 1958 году родился сын Виктор. Теперь она бабушка маленькой Олечки.

Да, тесен мир. И так уж случилось, что рядом с Андреевыми в моем поисковом списке первыми по алфавиту шли Абрамовы, Галя и Тамара, взятые на воспитание в деревню Стаи Пелагеей Кааль и Ксенией Поляковой. Пытаясь отыскать в псковских деревнях крестьян-спасителей, называла имя Пелагеи Кааль. Услышала, что нет ее уже в живых. Но в Ленинграде, на улице Счастливой, довелось встретиться с Галиной Ивановной Мартыновой — Галей Абрамовой.

На Псковщине родственников у них не было, были знакомые. К ним в деревню близ Дедовичей отправили в начале лета сорок первого года Галю и Тамару. Началась война, оккупация. И остались девочки одни, без семьи. Старшей тогда было десять, младшей — четыре. Из рук в руки передавали их люди, подкармливали, брали на ночлег. А потом враги сожгли деревню. Превратились они в маленьких бродяжек. Скитания, голод, бесприютность сделали свое дело. Галя тяжело заболела. Очнулась в тифозном бараке в Плюссе. Два месяца там

провалялась. Слабенькая, чуть живая добралась до Гривцева, где была Тамара. Поднялась Галя на второй этаж, увидела сестренку. От радости голова закружилась. А сестренка подойти боится, дичится. «Страшненькая я была,— говорит Галина Ивановна,— наголо остриженная, исхудавшая — кожа да кости».

Как ни худо, а в детском доме все вместе. Дружные. И к Гале привыкли, сторониться перестали. Вместе со старшими девочками дежурила по кухне. Мыли посуду, чистили картошку (если было что чистить), топили печку, помогали тете Моте варить густяху. Незабвенную густяху из ржаной муки, которую, как пароль, вспомнили все без исключения детдомовцы.

Мальчишки создали свою «партизанскую группу». Девочки тянулись вслед. Те, кто постарше, Галя Абрамова, Надя Гряклова, Маша Прокофьева, решили уйти к партизанам. Удерживали Галю и Машу младшие сестры. Но им пообещали: мы вам хлеба принесем. Идти к партизанам не пришлось — те их опередили. А на Галину голову опять чуть беда не свалилась — попали с Тамарой в разные отряды. Остановился обоз в какой-то деревне — ребятишек подкормить. Побежала Галя к командиру: «Дяденька, пересадите нас в одни сани. Ой, ведь потеряю сестренку!» Пересадили.

В деревне Стан взяли девочек хорошие, добрые женщины. Галя жила у тети Поли Кааль, Тома — у тети Ксении Поляковой. В конце зимы Стан оказались в полосе боев. «Но мы,— говорит Галина Ивановна,— были уже обстрелянные дети». 6 февраля сорок четвертого года (день запомнился точно — Тамарин день рождения) впервые пришли наши разведчики — советские солдаты в погонах. А над головой уже летали самолеты, на которых были звезды, а не кресты.

Оккупанты уходили, уничтожая все живое. Деревня в низине горела факелом. Сожгли и дом тети Поли. Галя с Тамарой целую неделю не видели друг друга — оказа-

лись на разных концах Стай. Люди, кто остался в живых, собирались вместе, прятались в уцелевших подвалах. Детей (и своих и чужих) укрывали от фашистов. Главное, было дождаться освобождения. И оно наступило.

Однажды остановился в деревне войсковой обоз. Узнав, что девочка ленинградка, один военный спросил у Гали: «А где ты в Ленинграде живешь?»

— На Васильевском острове, на Весельной улице.

— А я на Гаванской. Соседи мы с тобой.

— Дяденька, напишите нашей маме в Ленинград!

Земляк-ленинградец написал на адрес жилконторы. Через некоторое время написал повторно. И вдруг в начале марта сорок четвертого Гале и Тамаре Абрамовым пришло из Ленинграда письмо. Всю деревню обежала Галя. Заходила в каждый дом: «А у меня мама нашлась. Мама нашлась!» И все радовались: ведь в Ленинграде мама, живая и здоровая, нашлась! Ехать, ехать домой... Может показаться невероятным, но две маленькие девочки, двенадцати и семи лет от роду, едва была снята блокада, добрались из дальней псковской деревушки на свой Васильевский остров, на свою Весельную улицу.

Сначала Галя все ждала оказии. Ее не было. Воинские части прошли. Наступило затишье. Но однажды приехала машина какого-то медсанбата. Галя — к солдатам:

— Дяденька, вы едете в Ленинград? Возьмите меня с собой.

— Давай забирайся в кузов.

— Я не одна, я с сестренкой, подождите минуточку.

Привела Тамару. Смотрят солдаты: замерзнут девочки в открытой полуторке. Но были, видно, парни отзывчивые. Закутали девочек в полушубки.

Было совсем темно, когда Галя и Тамара поднялись на свой пятый этаж, откуда почти три года назад отправляла мама двух веселых девочек в легких ситцевых сарафанчиках в деревню. Дверь открыла соседка, новенькая

в квартире. Перед ней стояли два маленьких оборвыша в огромных солдатских ботинках. На старшей была надета видавшая виды жакетка с баской и буфами, но без воротника. На голове — драный старушечий платок. Соседка глазам своим не верила: перед нею стояли дочки Ксении, затерявшиеся где-то за тридевять земель. Но они стояли тут, на пороге родного дома. Быстрее согреть воду, помыть, переодеть. Ах эти девчонки, они и вернулись в тех самых сарафанчиках, что надела на них мама довоенным теплым днем.

Умытые, принаряженные — в маминых платьях — сидели они за домашним столом. И тетя Васса угощала их чаем и даже настоящими сушеными финиками. А потом вернулась с работы мама...

Гале шел четырнадцатый год — самое время снова браться за книжки. Но первым оказался не учебник, а трудовая книжка. Прибавив себе годик, рослая и самостоятельная Галя Абрамова в середине июня сорок четвертого года заняла свое первое рабочее место — работницы-ручницы на соседней фабрике. В цехе шили мягкие игрушки: мишек, лисичек, зайцев, кошек в ярких одеждах — для детских садов, детских домов. Галино дело было самым веселым — рисовала глаза, носы, усы. Галина Ивановна с удовольствием вспоминает свою первую профессию — словно нежданно судьба продлила детство. И с гордостью — свой первый заработок: 600 граммов хлеба по рабочей карточке и около 800 рублей денег.

До войны Галя закончила два класса, третий затерялся в псковских лесах, а в сорок четвертом пришла сразу в четвертый класс вечерней школы. Я видела похвальную грамоту, выданную 30 июля 1945 года ученице 4-го класса 3-й школы города Ленинграда Абрамовой Галине «за отличные успехи и примерное поведение». В семье Мартыновых берегут свои исторические документы: и первую мамину грамоту, и памятную медаль родителей, полученную в день серебряной свадьбы, и диплом старшей

дочери Лены — выпускницы Лесотехнической академии, и спортивные награды обеих дочек. Но больше всего в этой семье берегут Память. Общая со всеми, вобравшая судьбу страны, всех ленинградцев, она, еще и своя, особенная, неповторимая, светлой силой живет в этой семье в доме на улице Счастливой.

Среди расписок я не встретила имени Владимира Богданова, хотя до середины 1943 года он тоже был воспитанником необычного детского дома. Оказывается, Володя убежал из детского дома, нашел партизан, стал разведчиком и первого марта сорок четвертого года в колонне 6-й партизанской бригады вошел в освобожденный от блокады Ленинград. Паспорта по молодости лет у него к тому времени еще не было, но медаль за военные заслуги «Партизану Отечественной войны» I степени уже имелась.

Родился Володя Богданов в Федоровском, неподалеку от Павловска. Отец его, Петр Сергеевич Богданов, питерский коммунист, в конце 20-х годов организовывал здесь, в Федоровском, колхоз, получивший имя «Красный крестьянин». Володя рано осиротел. Но слова «большевик», «двадцатипятитысячник» остались с ним навсегда. После смерти родителей Володя и его младшая сестра Оля жили у тети, Надежды Павловны Кегелевой. Учился он в Федоровской школе, перед войной закончил 5-й класс. Чтобы помогать семье, летом работал в колхозе.

...Фашисты стремительно наступали. Надежда Павловна с племянниками попыталась пробраться в Ленинград. Но из Пушкина пришлось повернуть обратно — началась оккупация. А с нею — голод. Люди ходили за мороженой капустой на старые неубранные поля, и многие не возвращались обратно — эти поля фашисты заминировали. Село Федоровское сгорело дотла. Надо было уходить, спасаться. Пожитки — на саночки, и снова в путь. На этот раз в сторону Луги.

В Луге Богдановы попали в детский дом. Оттуда Володя убежал. Знал, что есть где-то партизаны, отправился их искать. С обмороженными ногами, в прохудившихся опорках, в бесформенных лохмотьях брел он от деревни к деревне. Спал где придется и ел что бог пошлет.

В Гривцеве, как обычно, попросился ночевать. Ему говорят:

«Иди лучше в детдом, там берут беспризорников». Так обрел он кров и пищу. И новых друзей. Самым лучшим его другом стал энергичный, рослый, светловолосый Валя Егоров. Валя хорошо рисовал. Особенно лошадей. Его всадники, рыцари в доспехах, верхом на прекрасных конях пленяли всех детдомовских мальчишек. Валя Егоров, Саша Черняков, Борис Петров, другие старшие мальчишки тоже хотели уйти к партизанам, готовились к вооруженной борьбе. Рядом с детским домом располагался немецкий гарнизон. Там стояли фургоны. Когда солдаты уходили на обед, ребята наведывались к фургонам. Потихоньку вытаскивали гранаты, винтовки. Однажды даже выудили из портупеи, висевшей на сосне, пистолет. Трофеи свои прятали в куче хвороста, в старой, сухой крапиве.

Из Гривцева в Терешинку была проложена полевая телефонная связь — провод стлался по траве, змеился по деревьям. Ребята постоянно нарушали оперативную связь оккупантов: дробили провода камнями, выбивали, вырывали длинные куски.

Летом 1943 года гитлеровцы стали угонять из окрестных деревень скот. Нужно было помешать им. Ребята надумали уничтожить мост через речку. Они притащили соломы, сена, изловчились, чтобы никто не увидел, подожгли — и мост сгорел как свечка.

Это было уже в Большом Захонье. Пришли белые ночи, с ними летнее тепло. И Володя Богданов, ни с кем не попрощавшись, вдвоем с Валей Егоровым покинули

дом, приютивший их,— снова искать партизан. Искал он долго и в одиночку — они с Валей потеряли друг друга. И однажды ему повезло: Володя встретил партизанских разведчиков.

Игорь Григорьев, Михаил Шутов, Николай Смирнов — опытные, смелые, лучшие из разведчиков 6-й бригады — не просто обучили парнишку своему делу, он стал их равноправным товарищем...

Прежде чем сильные, закаленные в боях мужчины пришли на помощь ребятам из нежадовского детского дома, им сберегли жизнь, вызволили из отчаяния сиротства, спасли от голодной смерти женщины-ленинградки. Все они, Ольга Федоровна Хохлова, Марианна Васильевна Петрова, Матильда Гансовна Сивцова, Евгения Николаевна Монина, оказавшись в оккупации с малыми детьми, вдали от дома, без средств к существованию, никем специально не уполномоченные, приняли на себя добровольную ответственность за сто чужих жизней.

Перед лицом тягчайших испытаний стали они, несколько взрослых и очень много ребятишек, большой и сплоченной семьей, породнившей их узами, равных которым нет. Ибо возникли эти узы в самые первые, самые чуткие годы детства, когда формируются главные свойства человеческой души. Стойкость, ответственность женщин передавались подросткам. Старшие девочки не просто принимали на свои неокрепшие плечи повседневные заботы о малышах — старались быть с ними добрыми, ласковыми, справедливыми, похожими на Ольгу Федоровну. Красивая, ловкая, находчивая, в их детских глазах она не ведала ни страха, ни отчаяния. Взрослые, они до конца поняли теперь, чего стоили ее выдержка, ее спокойствие.

С детским горем Ольга Федоровна встречалась и в мирные времена. Выпускница пятой медицинской школы в Ленинграде, Оля Хохлова вместе с подружками-медсестрами еще в тридцать восьмом ездила на Кольский

4 Заказ 343

полуостров бороться с эпидемией скарлатины. И потом всю жизнь работала в детских больницах и в детских поликлиниках. Но тогда рядом были товарищи-медики, а в руках медикаменты. В сорок же третьем во вражеском тылу, кроме марганцовки, дегтя да подорожника, у нее под рукой ничего не было. Этими да прочими «домашними средствами» и врачевала. У оккупантов в частях вспыхнул сыпной тиф. Она, медицинская сестра, с ужасом думала о возможных последствиях. Детям строго-настрого запретили подходить к фашистам. Регулярно топили по-черному баню, варили березовый щелок, кипятили, тщательно проглаживали белье. Тем, кто знает, что такое повседневный быт военного времени, нетрудно представить, каково было содержать в чистоте и порядке сотню ребятишек. А у них тифом никто не заболел. Других эпидемий тоже избежали.

По учебникам, какие удавалось раздобыть, просто по памяти и собственному разумению женщины вели «уроки». А длинными зимними вечерами, собравшись возле «фитилька», читали или вспоминали по очереди, что помнилось из своих школьных лет, из книг и кинофильмов. Пели вполголоса. Фашисты считали: живут в заброшенном доме родства не помнящие славянские заморыши, будущие бессловесные рабы «великого рейха», а там росли маленькие граждане Советской страны.

Когда осенью 1943 года гитлеровцы приказали очистить помещение и ждать, пока за всеми придут машины, Ольга Федоровна сказала: «Оставаться нельзя ни минуты. Идемте в Нежадово». До Нежадова больше десяти километров, но это ее родная деревня. И главное, знала, туда наведываются партизаны. В одном из отрядов сражался и в последних боях погиб ее младший брат Николай.

День выдался солнечный, бесснежный, но холодный. Раздумывать было некогда. Как только фашисты ушли, тронулись в путь. Малышей старшие несли на руках.

Прошли километра четыре до деревни Дубровки. Местные крестьяне развели беженцев по домам, накормили, дали немного передохнуть. И двинулась пешая малосильная колонна дальше.

Старинный нежадовский парк принял их под свои тихие березы и ели. Разместились в доме, где до войны была амбулатория. Набросали на пол соломы, сена — вот и отдохнуть можно. Собрали нежадовцы картошки, мучицы, даже конины раздобыли для ребятишек. Несколько дней, пока не удалось заведующей Марианне Васильевне Петровой попасть к партизанам в штаб шестой бригады и сообщить о беде, грозящей детям, провели они в этой деревне. А в памяти партизан и архивных документах детдом так и остался «нежадовским».

В эти самые опасные дни, как во все годы их жизни в оккупации, рядом с детдомовцами всегда была добрая, заботливая тетя Мотя — Матильда Гансовна Сивцова. Густяха, какие-то котлеты из конины — они помнятся, конечно, не только потому, что детская память так цепко держит все, что приносили ей зрение, обоняние, слух. У детской памяти свое чуткое сердце. И те, кто поселился в нем, не уходят оттуда до конца.

Седьмой ребенок в нищей эстонской семье, мыкавшей горе на Псковщине, Мотя самостоятельно зарабатывала свой хлеб с тех пор, как научилась ходить. Она и грамоту-то постигла уже взрослой, когда в середине двадцатых годов попала в Ленинград, и пристроили ее сначала уборщицей, а потом поварихой в детский дом неподалеку от Театральной площади. Бывшие беспризорники читали по складам, и она вместе с ними. Но рядом с тетей Мотей учились ребята еще и добру, трудолюбию, справедливости. Воспитатели иногда удивлялись, откуда у этой малограмотной деревенской девушки столько терпения, такта, истинно педагогического чутья. А все это шло от сердца. От сердца, которое знало обн-

ду, униженне и которое, как самый светлый праздник, помнит слова соседей — клинковских мужиков, обращенные к ней: «Наконец-то, доченька, и нам повезло. От Леннна приказ — самым бедным дать хорошую землю. Каждое деревце, каждую веточку беречь».

— Я сама не партийная, но Леннн дал мне все,— говорит Матнльда Гансовна, перехватив мой взгляд, обращенный на большой фотопортрет над диваном.— Бумага вот выцвела, пожелтела. Дети просят: мама, давай новый повесим. Но я не соглашаюсь. Почтн всю жизнь храню этот, потому что Владимир Ильич здесь «настоящий», а не нарнсованный.

Своего первого сына они с Дмитрием Николаевичем назвали Володей. Живут они на улице Леннна в городе Пушкине. Матнльде Гансовне уже за семьдесят. Но ясный свет доброй ее души сохранил ей молодые глаза, нежный румянец щек, обрамленных белыми, белее снега, волосами. И рукн у нее удивительные — с маленькими, изящнымн ладошками. Такне умелые, крепкие, все могущие руки.

* * *

Всего несколько имен. Несколько судеб из времен Великой Отечественной войны. А их, связанных с историей только одного детского дома, сотнн. Партизаны, увозившие от фашистской расправы детей. Воспнтателн н местные жителн, работавшие в детском доме. Крестьяне, усыновившне ребятишек на несколько месяцев — но какнх месяцев! — в 1943 году. И наконец, те, кого спаслн. Ведь их было 109 человек. По-разному сложились нх жнзнн. У одних светло. У других драматично: война калечнла, не щадила. Но онн не затерялнсь. Онн жнвут, работают где-то рядом.

Виктор Демидов

И ДИНАМИТ, И СТЕКЛО

Единственное, наверно, в мире имя — Аргента (Серебряная) — ей придумал отец, военный химик, безгранично влюбленный во все, относившееся к этой великой науке. В семье само собой разумелось, что будущее девочки связано только с химией, и больше ни с чем. В известной мере это сбылось. Хотя Аргента Матвеевна Калинина по образованию физик, но вот уже 35 лет она работает в Институте химии силикатов Академии наук СССР и занимается физико-химическими исследованиями.

...Из неотправленного письма Егорову Тимофею Ивановичу, командиру партизанского отряда: «При встрече в лесу (первый раз) на вопрос, что собираюсь делать, я Вам ответила словами Николая Островского, потому что росла и воспитывалась по его книге. А еще любимыми были книги о героях-летчиках. Моей горячей мечтой было стать летчицей. И обязательно — истребителем. Мне хотелось быть такой, как Чкалов, Серов... Я много читала в детстве об их жизни, работе и старалась заранее подготовить себя к авиации. Занималась авиамоделизмом — строила модели самолетов и стала инструктором авиамоделизма...»

Совпадение? Закономерность? Первый же крутой поворот в этой совсем молоденькой жизни оказался в сторону яркой детской мечты. После восьмого класса, блокадной ленинградской осенью сорок первого ее приняли в авиационный техникум. Да только учиться фактически не пришлось...

Из дневника: «Больно сознавать, что то, что ты хотел сделать, вышло не так, как бы хотелось...

Частые бомбежки и артобстрелы не давали заниматься в техникуме. И жуткий холод. В аудиториях сидели в пальто, постукивая нога об ногу. Писали закоченевшими руками в рукавичках: получались большие несуразные буквы... От голода один за другим умирали студенты, преподаватели... Занятия прекратились. Да и ходить стало тяжело, силы иссякали.

А дома еще хуже. Температура по Реомюру — минус четыре, замерзает вода, а ее приходится носить на 5-й этаж. Есть нечего. Ужасно сосет под ложечкой. До трех часов дня, когда можно съесть кусочек хлеба, еще четыре часа. С тоской смотришь на часы: проклятое время — как оно медленно тянется! Мамой поставлено строго — хлеб можно съесть не раньше, чем в три часа, его необходимо растягивать на весь день, иначе можно погибнуть... Прожить 16 лет и, ничего не сделав, просто так умереть? Нет! Надо бороться! Надо жить!

На фронт не берут. Мама устроила на свою фабрику «Красная работница». Шили белье для бойцов Красной Армии. Электричества нет — все делается вручную... В перерыв подойдешь к печурке-времянке, погреешь руки и кусочек хлеба, принесешь из столовой кипятку — вот весь обед, и опять работаешь до вечера».

...Когда и благодаря каким качествам молодой человек становится вдруг зрелым и самостоятельным? Где проступает та граница, по одну сторону которой навсегда остается прилежный ученик, а по другую расстилается поле больших свершений, на которое идут уверенно, с осознанием своих сил и возможностей?

Путь в большую науку был для Аргенты Матвеевны не то чтобы негладким, но во всяком случае не прямолинейным. На физический факультет Ленинградского университета Аргента поступила в сорок пятом, победном. Училась хорошо, с азартом. Но сомнения

иногда тревожили. По себе ли выбрала в жизни дорогу? Решила проверить и открыла едва ли не первую попавшуюся на глаза дверь в одну из университетских лабораторий. Впрочем, может быть, и не совсем случайную: очень уж заманчиво звучало название явления, которое там изучали — лю-ми-нес-ценция... Кто в детстве, замирая от восторга и чуть-чуть от страха из-за темноты, не ловил в ночном лесу светлячков, не пытался раздуть мерцавшие таинственным голубым огнем гнилушки...

— Хочу у вас работать! — заявила она с порога.

— Ну что ж,— с любопытством посмотрел на нее заведующий,— работать — так работать. Давайте знакомиться. Как вас звать-величать?

Она назвалась и... растерялась от бурной реакции заведующего лабораторией. Ей несказанно повезло: Федор Дмитриевич Клемент оказался старым и преданным другом ее семьи. Только она этого не помнила: так случилось, что он не виделся с ними с 1929 года...

Клемент бережно развивал в ней профессиональные качества будущего исследователя самосветящихся веществ, но... На эту научную стезю она не попала.

— Люминесценция — первая любовь, но ее пришлось бросить,— с грустинкой скажет потом Аргента Матвеевна и чуточку вздохнет. В Институте химии силикатов, куда она попала по распределению, специалисты по холодному огню не требовались. Перед молодой сотрудницей поставили задачу срочно овладеть новыми для нее знаниями, навыками, аппаратурой.

Почему срочно — понять нетрудно. Это сейчас наименование родного ее института начинается с почетного «Ордена Трудового Красного Знамени...», это сейчас говорят, что учреждение сие есть не только единственное по своему профилю в системе Академии наук СССР, но и является признанным международным центром в области изучения силикатов. Или, попросту, глин и других веществ (в состав которых входит кремний); из них

сложены три четверти земной коры. В пятидесятом же году коллективу, принявшему Аргенту Калинину, самому было всего два года от роду, а виды на него имелись серьезные, ибо силикаты получали все большее применение в народном хозяйстве.

Методы анализа силикатных материалов, освоить которые поручили выпускнице университета, оказались для нее в ту пору за семью печатями. И единственное, чего не надо было ей занимать,— это упорство в достижении любой выбранной цели.

Из дневника: «...Подумала о партизанском отряде. Старалась представить себе эту тяжелую жизнь. Пошла в свой (Фрунзенский) военкомат и попросила о зачислении на Всевобуч. К счастью, не спросили — сколько лет. Записали!

Стала по вечерам ходить на занятия. Учили много: гранату, винтовку, штыковой бой, строевая, химическая подготовка, ведение боя — все, что мне и надо было. Я довольна».

Из открытки от 31 октября 1942 года, адресованной Аргенте Хемеляйнен: «...Поздравляю тебя с высоким званием бойца РККА — защитника Октябрьских завоеваний. Я очень рад, что твоя заветная мечта сбылась. Будь здорова и с честью неси это гордое звание. Я думаю, что краснеть за тебя не придется. Пиши, как идет учеба. Дядя Коля».

Любимый дядюшка — кадровый военный, майор! — одним из первых узнал, что в день своего 17-летия племянница пробила-таки себе дорогу в партизанскую школу. Она стала радисткой разведгруппы.

Из письма с ленинградским почтовым штемпелем от 14 марта 1943 года: «Моя родная мамочка! Вчера я провожала группу партизан, сегодня лечу сама... Наступает момент узнать, как готова я к будущему, к чему стре-

милась. Теперь-то я сама буду участвовать в Великой Отечественной войне, буду мстить за пережитые ужасные дни блокады нашего города, за страдания ленинградцев... Ты пиши,— может быть, дойдет. Адрес: Ленинградская область, ст. Хвойная, в/ч 00127. Хемеляйнен А.

Еще раз крепко, крепко целую — любящая тебя твоя дочь Гена». И затем — долгое, долгое молчание...

Из записок генерал-майора технических войск в отставке Ивана Николаевича Артемьева, бывшего начальника службы радиосвязи Центрального штаба партизанского движения: «Одним из излюбленных приемов дезинформации у гитлеровцев служили «радиоигры». Противник пытался использовать попавших к нему в плен наших радистов. Но советские патриоты не шли на такую подлость. Стойко перенося все пытки, они не выдавали фашистам секреты. Даже тогда, когда их силой принуждали вступить в связь со своими штабами, они использовали первую же возможность для того, чтобы сообщить о своем пленении.

Именно так поступила радистка Хемеляйнен из группы Михеева. Неудача постигла ее сразу, как только она приземлилась на парашюте в неприятельском тылу. Враги схватили ее вместе с рацией.

О том, как развивались события дальше, какие испытания перенесла девушка, теперь, много лет спустя, не установишь. Архивы зафиксировали лишь финал.

Немцы заставили Хемеляйнен связаться с Ленинградским штабом партизанского движения. Передавая составленную ими радиограмму, она сумела сообщить на Большую землю, что работает под диктовку противника. «Радиоигра», затеянная гитлеровцами, провалилась в самом начале.

Рискуя жизнью, так же, как и Хемеляйнен, сумели сорвать вражескую «радиоигру» А. С. Миронова, В. Н. Грибова, Е. А. Новикова».

Лишь спустя 35 лет после тех событий, встретившись с Аргентой Матвеевной и другими ветеранами, генерал смог восстановить подробности первого из подвигов юной разведчицы.

...Исследования глин?! А что в них такого особенного, чтобы их изучать? Не тысячи — десятки тысяч лет используют люди этот «бросовый» материал. Неужели хоть что-то осталось в нем незамеченным? Осталось. Аргенте Матвеевне надолго запомнилось дразняще-загадочное, услышанное от крупнейшего кристаллографа и геохимика Героя Социалистического Труда и лауреата Ленинской премии академика Николая Васильевича Белова: «Каолин... Каолинит... О-чень интерес-ный объект для работы!..»

Когда в середине 50-х годов сотрудница Института химии силикатов Калинина впервые близко соприкоснулась с каолинитом, никто с полной определенностью не мог ей сказать — а что это такое, каолинит: вполне самостоятельное, особое химическое соединение или некая затвердевшая смесь соединений-окислов — кремнезема (в природе — минерал кварц) и глинозема (корунд, наждак, сапфир, рубин и т. д.)? Аргента Матвеевна позволила себе — она сейчас так считает — «непростительную дерзость»: прямо на ученом совете задиристо выступила против заявки авторитетного коллеги на изучение каолинита одним из традиционных, химических методов и предложила свой — рентгенографический. Руководители института поддержали Калинину, и в 1956 году она приступила к обширному исследованию сложного вопроса о природе структурных превращений каолинита и других близких к нему веществ. К самостоятельному исследованию — как раз в духе характера этой незаурядной женщины.

...Каратели взяли ее на рассвете 15 марта 1943 года, почти сразу же после приземления разведгруппы, в скоротечном, но яростном бою, раненую. Все улики налицо — только шифр она успела затолкать в снег во время боя. «Ты Аргента Хемеляйнен, радистка»,— сказал один из карателей. В тот же день ее доставили в какую-то избу, швырнули на пол, рядом поставили рацию. Смысл приготовлений не вызывал никакого сомнения. «Радиоигра»... Тебе семнадцать лет. И надо принять самое важное в жизни решение. Она передала подготовленную фашистами радиограмму. Но только вместо кодированной подписи «679» поставила свою фамилию. «Так полагается»,— объяснила старшему из гитлеровцев, не добавив, что «полагается» только тогда, когда связь — под контролем противника. Однако через два дня из Пскова прикатил опытный радист, и все открылось. Она даже не отпиралась...

Из дневника: «30.4.44. Завтра 1 Мая, большой праздник всех трудящихся. Невольно вспоминаешь 1 Мая 1943 года.

...Тыл врага. Плюсса. Комната в помещении гестапо. За окном солдат, а дальше высокая каменная ограда. На сколоченной из досок кровати, похожей на открытый гроб, на соломенном матрасе от жуткой боли мечется девушка в бреду, срывает гнойные бинты. Эта девушка — я. Слыша неладное, в комнату входит переводчик. Зовет санитара. Тот приносит таблетки морфия. Вечером я уже приняла две — не помогло. Состояние ужасное, температура высокая. Принимаю и эти таблетки. Не помню, как забылась. На следующий день не очнулась. Сколько была в бессознательном состоянии — не знаю, но я все-таки пришла в себя. И стала жить, стала поправляться».

Из дневника: «Четвертую ночь я нахожусь на хуторе, недалеко от деревушки Погорелки. Скрываюсь в сарае с сеном. Мучают мысли — как найти партизан и

каков результат будет от розысков двух Василиев, Калинина и Александрова. Если завтра Калинин не даст точного ответа, ухожу отсюда и сама буду искать партизан — больше сидеть в бездействии нет сил... Аппетита нет. Все, что заботливо приготовлено и принесено Надеждой Михайловной, матерью Василия Калинина, остается нетронутым. В корзинке с провизией она принесла мне немецкую гранату, посланную Василием. Это единственное мое оружие, но я стала спокойнее: теперь меня голыми руками не возьмут!..

Ночь. Но спать не хочется: выспалась, отдохнула с дороги, а ведь прошла полсотни километров без передышек. Вдруг — шорох, шаги. Кто-то подошел к сараю. Крепче сжимаю в руках гранату... Но опасения мои напрасны: знакомый голос тихо зовет: «Лена!..» Я скатываюсь вниз, к окну. У окна — Василий... «Лена, выходи — свои пришли!..» Передо мной четверо. Трое с автоматами, а четвертый — Василий Александров. Это он привел партизан. Радостное чувство охватило меня при виде этих незнакомых людей. Они пришли за мной. До партизанского отряда дошли слухи, что из Струг Красных бежала парашютистка, устроившая пожар. Направление знали, т. к. ее видели утром 23 августа в двух деревнях, на большаке Струги — Ляды, а куда она пропала — неизвестно. В эту ночь они пришли к Александрову и от него узнали мое местонахождение...»

Вместе с Аргентой в отряд «захватили» «полицаев» — Александрова, Тарасова и помогавшего Аргенте с первого же часа ее жизни в плену Калинина: все они были подпольщиками. «Захват полицаев», разумеется, инсценировали — Василия Калинина даже провели на виду всей деревни со связанными руками, толкали, стукнули пару раз для убедительности.

Из письма: «1/XII — 43 г. Дорогая мамочка! Пишу тебе издалека. Вечер. Товарищи спят. Что-то не спится. Грустно. Вспомнила тебя и так захотелось увидеть, по-

быть с тобой вместе. Лежала, долго думала, какими бы глазами ты на меня посмотрела, что бы сказала... Друзья получают письма, и я тоже жду. Получу ли? Отвечай сразу. Пиши обо всем, что произошло за девять месяцев. Быстро время пролетело, но много воды утекло. Пришлось много испытать, пережить, но жива все-таки осталась. Друзей имею много — все, кто находится в наших рядах. Но среди всех этих взрослых людей есть маленький герой — девочка 14 лет. Одно время, когда я была совершенно одинока, когда было ужасно тяжело (в немецком плену.— *В. Д.*), она во многом мне помогала. И после всего, сумев связаться с партизанами, пришла к нам. Теперь она со мной вместе, как родная сестренка, не отстает от меня ни на шаг. На какое задание я ни шла бы, в какую разведку ни ехала — она всегда со мной.

Есть у меня другой товарищ, которому я обязана жизнью и у которого за это фашисты расстреляли отца, мать и 15-летнюю сестренку. Он сейчас не спит, и я вижу — его глаза блестят, он смотрит на меня и думает: о чем я пишу? Он и не предполагает, что я напишу тебе о нем. Знаешь, мамочка, у нас здесь собралась как бы товарищеская семья: я, Ютик — сестренка и Василий Калинин — брат. У этого я тоже как бы — все. В бою, на задании — везде вместе... Привет всем-всем. Вернусь домой, когда в эти районы придет Красная Армия. Крепко, крепко целую.

Твоя дочь Гена».

И — по самому краешку странички: «170 немцев за трех наших — не так много, но — хорошо!.. О боевых действиях ленинградских партизан узнаешь из газет».

К декабрю сорок третьего Аргента Хемеляйнен была уже политруком партизанской роты — около ста бойцов-мужчин в подчинении и на воспитании. Когда мы беседовали об этом, у меня вырвалось: «Восемнадцать лет, девушка-политрук... Но ведь это несерьезно!» Аргента

Матвеевна усмехнулась и согласилась: «Несерьезно...» А Василий Васильевич Калинин, муж и соратник ее по борьбе, пять раз раненый, провоевавший всю войну в партизанской и войсковой разведке, заволновался, зашептал мне: «Да вы знаете, какой она была!» Политруком в восемнадцать она стала по высшим критериям партизанской «кадровой политики». Первой поднималась в атаку, последней выходила из боя. Ее бывший связной Андрей Богинский шутливо жаловался товарищам: «Тяжело с ней: в бою за ней не успеть — так и лезет под самый огонь, а отходим — помогать надо: еле ноги волочит от усталости...»

С первых же дней у партизан Аргента (в отряде ее все звали Леной) рвалась на «железку» — подрывать эшелоны врага. Но дело это рискованное, и ее от него оберегали. Все же Аргента сумела настоять на своем. Одна из диверсионных групп никак не могла выполнить задания: гитлеровцы бдительно следили за каждым километром железной дороги, весь лес и кустарник вблизи путей они свели, в 50—70 метрах вдоль линии громоздились сплошные завалы — не подойти. «Но я же прошла! Прошла, когда убежала из гестапо...» — упрямо говорила она. Упирала и на то, что закончила ленинградский блокадный Всевобуч, училась обращению со взрывчатыми веществами.

«Моя мечта сбылась,— с восторгом запишет она в дневнике,— первый — 4 в/агона/ — подарок Родине!» В ночь на 2 октября 1943 года будет второй: недалеко от Струг Красных она с товарищами свалила с «железки» еще четыре вагона. На эту операцию она ходила уже самостоятельно — как командир диверсионной группы...

Из политдонесения комиссара 6-й Ленинградской партизанской бригады В. Д. Зайцева: «Хемеляйнен Аргента — 6.XI.1943 г. спустила под откос вражеский эшелон на железной дороге Псков — Луга».

Третья операция была особенно трудной. Их несколько раз накрывали плотным огнем, высвечивали ракетами и прожекторами, а группа упорно петляла в ночи вдоль «железки», отыскивая хоть какую-нибудь щель. И дерзнула прорваться на самом открытом месте, мину установить — уже наблюдая состав — и дернуть протянутый от нее шнур почти под колесами паровоза. «Паровоз ка-ак подпрыг-нет! А я еще все пыталась шнур смотать, когда самим удирать надо...» — вспоминала потом Хемеляйнен.

В дневнике она записала: «3-й — самый удачный (4 вагона с живой силой и 2 с техникой покатились под откос). Но все же не везет мне: 3 эшелона — маловато...» Будет и четвертый, будет участие в «рельсовой войне» — с толом и без тола, когда из-за отсутствия взрывчатки дорогу корежили ломами, лопатами, топорами и всем, чем можно, отбивали шпалы и раскидывали в стороны... Будет еще много боевых заданий — вплоть до того дня, 8 марта 1944 года, когда зажатая со всех сторон на болоте бригада стала прорываться из окружения...

Из письма: «19.3.44. Дорогая мамочка! Скоро увидимся — меня должны привезти в Ленинград. Как только приеду, сразу напишу адрес... Сейчас летают самолеты, бомбят. Ну, если не погибну от бомбы,— увидимся. Мы с боем прорвались на Чудское озеро. Ранена в голову. Очень не беспокойся...

Твоя дочь (Лена) Гена.

Лена — это партизанское имя, псевдоним. Задумалась и как-то просто, само собой написалось — привыкла».

Ей повезло. Германские бомбы ее не нашли. Раненную в голову и с парализованными ногами в ночь на 8 марта из болот за Чудским озером ее вынесли товарищи — Филипп Федорович Феклистов и Теодор Яковлевич Кют. С Кютом она не была даже знакома: нашла

его уже через много лет после войны с помощью эстонских пионеров.

Из письма: «24.3.44. Здравствуй, дорогая мамочка! Жду тебя с нетерпением по адресу: Ленинград, ул. Бородинская, д. 8/10, 7-я палата, политрук Хемеляйнен А. Понятно, дорогая?..

До свидания. Крепко целую — твоя дочь Гена».

Это последнее письмо в боевой корреспонденции Аргенты Хемеляйнен. Дальше будут школьные сочинения (сразу — и за девятый и за десятый классы), отчеты секретаря комитета комсомола школы, студенческие конспекты, журналы наблюдений в научных исследованиях — как у всех.

...А природу каолинита, а также близких к нему веществ и то, что с ними происходит при нагревании, и т. д. и т. п. она все-таки выяснила. На это ушло семь лет, которые, похоже, прошли не зря. Не журналисту определять значение той или иной научной работы. Но есть признаки, доступные для любого понимания. Работе этой уже двадцать лет, а ее продолжают цитировать, и в нашей, и в зарубежной специальной литературе, к Аргенте Матвеевне обращаются за консультациями... Этим можно гордиться. А она... У нее уже 20-летний стаж в разработке другой, не менее важной проблемы — ситаллов, особыми методами преобразованных стекол. В химической энциклопедии я вычитал, что это — материал будущего и самого передового настоящего. Его используют для изготовления трубопроводов, химических реакторов и зеркал телескопов, для пайки электровакуумных приборов, для производства микроскопических печатных схем и защиты космических аппаратов, в облицовке стен и покрытии полов... Изобрели же его всего лишь тридцать лет назад.

Боевая юность Аргенты Хемеляйнен длилась год, на-

учная деятельность А. М. Калининой продолжается уже три с половиной десятилетия. За это время ею опубликованы десятки научных трудов. Она представляла нашу науку на международных конгрессах по стеклу в Бельгии и Англии, Франции и Японии, ЧССР и ФРГ, США... В этой стране, правда,— заочно. Ее доклад там был озвучен другим человеком: администрацию «самого свободного общества» испугала возможность появления на трибуне конгресса советской женщины — ученого, коммуниста, и ей не дали визу. Поглядеть на эту державу с близкого расстояния, в упор, конечно, хотелось, полезным было бы и живое общение с зарубежными коллегами. Но нет худа без добра: «подаренные» госдепартаментом дни она употребила на форсирование дальнейших исследований.

А времени мало. Особенно если учесть и общественную деятельность Аргенты Матвеевны. Много лет она возглавляла комсомольскую организацию института, не один год — партийную, работала в профсоюзе, народном контроле, спорте... Спортивной ее сноровке и сейчас завидуют даже молодые сотрудники ленинградских академических учреждений, а было время, когда А. М. Калинина входила в первую десятку любителей настольного тенниса города на Неве.

...Великий город на Неве... Как же много с тобой связано! По этим улицам бегала она во Дворец пионеров, по тем — шла в бой за Родину. По известному всему миру прекрасному мосту спешила на лекции в университет... И даже не догадывалась тогда, что те мосты и здания, которые она когда-то защищала от гитлеровских варваров, будет защищать от времени, коррозии и дождей. Надежные защитные материалы для зданий и сооружений города тоже разрабатываются в Институте химии силикатов имени И. В. Гребенщикова...

Аркадий Миролюбов

ПО ЗАДАНИЮ ПАРТЦЕНТРА

Небольшая псковская деревушка Захонье притулилась на берегу реки невдалеке от рабочего поселка Чернево. Сюда после долгих мытарств добралась учащаяся техникума Маша Степанова в декабре 1941 года. Как и многие ленинградские девушки, Маша в первые месяцы войны была на оборонных работах. Под Кингисеппом во время бомбежки ее контузило. Очнулась в каком-то подвале. В городе уже хозяйничали гитлеровцы. Через несколько недель удалось выбраться из Кингисеппа... В Захонье жила мать Маши. Тихий стук в окно поздним вечером оторвал ее от прялки.

— Доченька, живая! — Анна Тимофеевна всплеснула руками и заплакала.— Заходи быстрее в хату. Закоченела небось.

— Как же ты из Ленинграда выбралась, там же, говорят, вымерли все? — не здороваясь, хмуро взглянув на Машу, спросил отчим.

— Это фашисты говорят, а Ленинград наш держится и никогда не будет под Гитлером.

— Будет, не будет...— хмыкнул отчим и, недобро взглянув на падчерицу, ушел из кухни.

— Отец-то в старостах ходит,— испуганно покосилась на дверь мать.

Через несколько дней Маша перебралась к «няне Мане» — так привыкла она с детства называть вынянчившую ее тетю. Покинула дом старосты и Нина Брутт — двоюродная сестра Маши, ленинградская школьница, приехавшая летом на каникулы в Захонье. Вернуться домой ей в свое время не удалось.

— И я с тобой,— сказала она Маше,— не хочу хлеб фашистского холуя есть.

— Вот ты какая у меня! — обняла Маша четырнадцатилетнюю сестренку.

Тяжелой была та зима. И страшной. В сугробах потонули деревни. Задыхался и лес от снега. Фашисты, разгромив в предзимье местные партизанские отряды, вымещали злобу на беззащитных жителях. В Черневе, где находилось отделение гдовской фельдкомендатуры, гитлеровцы установили виселицы. Когда казнили подпольщиц сестер Паклиных, Маша была в поселке. Вернувшись вечером домой, долго не могла уснуть. В голове, как в калейдоскопе, мысли одна за другой: «Братья на фронте, а я...», «Что бы сказал отец, павший от рук кулачья при дележке земли?», «С кем связаться? Гитлеровцы хвастались: переловили всех коммунистов из группы Печатникова».

Фашисты выдавали желаемое за действительное. Ядро партцентра, возглавляемого первым секретарем Гдовского райкома партии Товием Яковлевичем Печатниковым, не только сохранилось, но и продолжало руководить борьбой против оккупантов. Весной 1942 года возобновился выход подпольной газеты «Гдовский колхозник». Среди населения распространялось воззвание-письмо ленинградцев «Партизанам и колхозникам оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районов Ленинградской области». Ленинград звал к усилению сопротивления, к неподчинению «новому порядку», насаждаемому гитлеровцами.

И вот однажды ночью в окно, около которого стояла кровать Марии, осторожно постучали. Девушка вышла в сени. Прислушалась.

— Кто там?

— Открой, Маша! — отозвался мужской голос.— Не бойся: свои.

Маша постояла несколько секунд в нерешительности.

— Не бойся, открой,— снова заговорил человек по ту сторону двери.

Мария отодвинула задвижку. Справа и слева от крыльца стояли двое с винтовками. Лицо стоявшего у двери показалось знакомым.

— Здравствуй, Мария!

— Здравствуйте, но я вас не знаю.

— Зайдем на минутку в сени, там и поговорим,— предложил ночной гость.

Едва закрылась дверь, вошедший спросил:

— Товарищ Степанова, ты комсомолка?

— А кто вы такой, что спрашиваете об этом, и что вам от меня надо? — не растерялась Мария.

— Моя фамилия Ополченный. Я член партцентра и поэтому спрашиваю еще раз: товарищ Степанова, ты комсомолка?

— Была и осталась ею,— твердо ответила ему девушка.

— Тогда слушай, запоминай и выполни...

Когда Мария вернулась в комнату, Нина, оказывается, не спала.

— Кто это приходил к тебе? — спросила она сестру.

— Вот чудачка! Ну кто ко мне может прийти, кроме Коли Филиппова.

— Это ночью-то? — засмеялась Нина.— Ой, чует мое сердце — гость из леса был.

— Сердце-вещун,— Маша дрожа прижалась к сестренке.— Давай спать. Утро вечера мудренее.

На другой день Нина с удивлением посматривала на Машу: напевает, платье нарядное разыскала, серьги надела. Не выдержала, спросила:

— Уж не на вечеринку ли к фрицам собралась?

Маша задорно улыбнулась:

— Угадала. В Черново сегодня танцы. Нужно же хоть раз душу отвести.

С тех пор Степанова часто «отводила душу» на вечеринках, которые устраивались в черневском гарнизоне. Очень симпатичная, веселая, она пользовалась успехом.

И даже сам комендант капитан Вернер однажды заехал в Захонье за «красивый барышня Мари».

Тетя не выдержала — упрекнула:

— Ты бы лучше в церковь заглянула. В молитве сейчас все утешение наше.

— Помолюсь в троицу на могилах,— улыбнулась Маша.

И она точно пошла в праздник на кладбище. Пришла в нарядном платье с пышными расшитыми рукавами. Ходила от могилки к могилке — поминала, как положено, кутьей усопших... Дивились потом люди — откуда взялись партизанские листовки на кладбище?

Тайну «пышных рукавов» и «лесных прогулок по ягоды» Маши знали лишь Нина да те, кого посылали партизанские командиры к старой корявой осине с большим дуплом у самой земли. Более года существовал этот «почтовый ящик». Много передала разных сведений в партцентр Степанова. Сотни листовок вынула из дупла. Одну из них невзначай показала матери. Как на грех в это время вошел отчим. Ощерился, вырвал. А когда спустя несколько дней на сборе старост в комендатуре Вернер, ругая их, показал подобранные солдатами листовки, Степанов подобострастно выпалил:

— И наша девка такую же матке показывала.

В это время Маша получила задание достать патроны. Случай представился сразу. В Захонье приехала группа гитлеровцев. Ночью Маша столкнула с повозки мешок с патронами в яму, куда сваливали мусор, забросала его ветками. Утром отнесла в «почтовый ящик» один патрон с запиской: «Такие ли нужны патроны?»

Прошло несколько дней. В который раз отправлялась девушка к дуплу, запускала в него руку. Патрон и записка лежали нетронутыми. Связной партизан почему-то не приходил.

И снова пошла Маша в лес. На этот раз в дупле не было ни патрона, ни записки. Не обнаружила в нем Ма-

ша и ответа партизан. Расстроенная, побрела к деревне. И вдруг в кустах мелькнула фигура человека в красноармейской форме. «Неужели связной? Но почему тогда не подошел?» — подумала Маша, но тут кусты на какой-то миг раздвинулись, и она увидела одетого в красноармейскую форму, с автоматом на шее... черневского коменданта Вернера.

На другой день Машу и Нину арестовали. Допрашивал Вернер через переводчика. Сначала вежливо, затем с угрозой. Задавал в разных вариантах два вопроса: «Откуда патрон? Для кого?» Маша молчала. В дверях появились два гитлеровца с плетками. Вернер затянулся душистой сигаретой и махнул рукой... Когда Машу волокли в камеру, повели на допрос Нину — пусть видит, что могут сделать и с нею. Ни в чем не призналась Нина.

Четыре долгих месяца. Одиночная камера. Голод. Побои на допросах. На последнем объявили:

— Завтра суд.

Впервые после ареста усмехнулась Маша: «Суд. Комедия будет разыграна Вернером...» Солнечным августовским днем сестер вывели из камер. Дежурившая у тюрьмы мать не узнала Марию. Лицо в кровоподтеках, волосы, всегда пышные, вьющиеся, свалялись, все в сгустках запекшейся крови. Полосы рваного грязного платья едва прикрывали избитое тело. Но когда увидела Нину, поняла, что та — другая — ее дочь, ее Маша. И свалилась как подкошенная.

Через несколько минут переводчик прочитал приговор: «...Смертная казнь...» Помолчав немного, закончил: «...заменяется каторжной работой в Германии». Спустя неделю Вернер вызвал старосту, отчима Маши Степановой, в комендатуру. Милостиво сказал:

— Разрешаю твоим дочкам перед отъездом в Германию немного пожить дома. Пусть поправятся.

Мария, а позднее и Нина вернулись в Захонье.

— Что это может значить? — спрашивала Нина старшую сестру.— Почему нас отпустили?

— Подожди, Ниночка, осмотримся сначала, поглядим, что кругом делается, может, и поймем, что к чему,— отвечала Мария.

Прошло три дня. Девушки пошли в огород картошки подкопать.

Мария предложила:

— Давай пройдем до поскотины.

— А зачем?

— Да просто прогуляемся. Я тебе покажу, где Вернера перед арестом видела.

На этот раз в кустах мелькнули мундиры солдат. Девушки поняли: у деревни засада, их отпустили домой как приманку, рассчитывая, наверное, что за ними придут люди из партизанской бригады.

И они, конечно, не оставили в беде своих помощниц, перехитрили гитлеровцев, пришли. На другой день девушки были в партизанском лагере.

* * *

Нина Алексеевна Шлепова (Брутт) трудится в одном из научных учреждений Ленинграда. И далеко не все ее коллеги, как и сослуживцы директора одного из ленинградских магазинов Марии Васильевны Бородиной (Степановой), знают о их боевой юности.

Людмила Бурцова

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ХАРАКТЕР

Она была совсем девчонка — щеки пухлые, косички торчали в разные стороны, и смешливая. Начинался бой, затихала, вся собиралась в комок и только вытягивала

тонкую шею — смотрела, где раненые, совсем как птица на гнезде, когда видит приближение опасности. Может, потому комиссар Леонов и прозвал ее Кукушкой. Прозвище это так и осталось за Катей Клюквиной.

До войны Катя жила в Ленинграде, работала на фабрике «Скороход», в цехе детской обуви, и училась на курсах медсестер. Росла в рабочей семье, где было шестеро детей, рано стала самостоятельной. Ей только что исполнилось шестнадцать лет, когда она вступила в народное ополчение Московской заставы. И разом оборвалась юность — госпиталь при больнице Мечникова, первые раненые, ночные дежурства.

Жила теперь Катя на казарменном положении. Раз в неделю с узелочком еды ходила через весь город домой. В морозный мартовский день 1942 года долго стучала в дверь квартиры. Никто не вышел к ней — ни отец, ни брат, ни соседи... Очнулась в поезде, на станции Буй. Что с ней было, кто ее эвакуировал, она не помнила.

В городе Бежецке Калининской области, куда добралась Катя, у бабушки свой дом, хозяйство. Каждое утро можно пить парное, пахнущее сеном молоко...

На пятый день Катя пошла в военкомат, попросила:

— Отправьте на фронт.

— Нельзя. Ведь ты еще шатаешься! — сказал ей военком.

Но Катя Клюквина была блокадной девчонкой и научилась выдержке и терпению. Звонила в военкомат каждый день. На пятнадцатый звонок ей ответили: «Хорошо. Ждите вызова».

И вот она вместе с другими шестнадцати-семнадцатилетними ребятами стоит на центральной площади города Калинина и слушает первого секретаря обкома партии товарища Бойцова. В сердце западают слова:

— Дорогие мои ребята! Родина переживает тяжелые дни, но победа будет за нами! Она куется не только на фронтах, но и в тылу врага. И эту опасную, труд-

ную боевую работу мы доверяем вам. Мы надеемся на вас...

Онн рвались в бой, а их повезли в спецшколу. Их учили всему, что должеи уметь партнзан: бесшумно снять часового, маскнровать следы, мнннровать железные дорогн, по веткам деревьев нли свежесрублеииому пию определять стороиы горнзоита и, конечио, обращаться с оружнем. Начальник школы, седой полковннк, иа занятнях по стрельбе говорил нм: «В тылу врага, а тем более в окруженни вы ие нмеете права промахиуться, ие нмеете — запомините это!»

В спецшколе Катя познакомнлась с двумя земляками — Толей Попковым и Аидреем Капнтоновым. Малеиькнй, худой Толя постояиио хотел есть — месяца ие прошло, как он выехал из осажденного Леннград а. Когда одни нз комаиднров спросил его: «Вот ты, почему так хочешь на фронт?» — Толя совсем по-детски ответил: «За хлеб роднмый пойду воевать!»

Аидрей Капнтоиов выглядел старше своих лет — высокнй, стройный, с открытым взглядом. Война застала Андрея иа Карельском перешейке, он попал в партнзаискнй отряд, сражался в его рядах. Затем страшиые дни блокады, смерть матерн. За время пребывання в спецшколе у Аидрея появился друг — Владимир Новоселов, прозваииый Профессором за трезвый, ие по летам ум. Володя вырос в городе Кнровске, ио ие хуже заправского лесника орнеитнровался в лесу, свободио читал топографнческую карту, иикогда ие ошибаясь, ходнл по азнмуту.

Самым юиым из друзей Кати был париишка со вздернутым иосом и вечно взъерошеиными светлымн волосамн. Звали его Эднк Таллии. Боевая жнзиь Эднка иачалась с того дия, когда гитлеровцы подошли к его родной стаицни Брылево. Подросток взял отцовский вещевой мешок, за голеиище сапога сунул оловяииую ложку и иаправнлся в вониcкую часть. Комаидир определил четырнадцатнлетнего «иовобраица» в разведроту.

Кто мог предположнть, подумать тогда в днн учебы, что Андрей Капитонов погибнет в бою, Володя Новоселов возглавит штаб одной из партнзанских бригад, а в мае 1945 года ворвется на танке в Берлин, Эдик Таллин станет после войны директором крупного завода. Летом сорок второго они зналн одно — враг подошел к Волге, его надо уничтожить.

Катю Клюквнну сразу зачислили в «медички». Их было всего шесть медицннскнх сестер. Ребята относилнсь к ним по-рыцарски. В походах предупреднтельно предлагалн: «Разрешите помочь, доктор». «Медичкн» сннсходнтельно разрешали.

Поздней осенью, в еще теплый н солнечный день будущие партнзаны в последний раз выстроились перед школой. На крыльцо вышлн комбрнг Максименко и комиссар Леонов — пожнлой человек с орденом Ленина на гнмнастерке.

— Наша молодежная партизанская брнгада, куда вы вольетесь,— сказал комнссар,— создана по ннициативе Калининского обкома комсомола и ей присвоено имя Лнзы Чайкиной. Будьте же достойны этого славного нмени!

Торжественно звучалн в прозрачном воздухе молодые голоса. А потом кто-то запел:

Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон...

Песню подхватнли...

Перейти линию фронта с ходу не удалось.

Командир отряда, в котором была Катя, ее начальник — фельдшер Надя и Андрей Капитонов ушли в разведку. А Катя и четверо партизан заблудились. Под утро вышли к деревне. На площади маршировалн гитлеровцы. Прншлось вернуться в лес.

— Знаешь что, Катернна,— предложил кто-то из ребят,— сходн-ка в деревню. Скажешь, что беженка, тебе поверят. Разузнаешь, где могут быть нашн.

Катя сняла фуфайку и пошла, только предупредила:

— Если иапорюсь на фашистов, стреляйте. Если обойдется — махну рукой.

У колодца Катя встретила женщииу, и та вывела партизан к своим, в деревню Михаи. Здесь оии узнали, что в перестрелке погибла Надя. И стала Клюквиил «главной медичкой» в отряде Архипова. Еще в спецшколе видела Катя этого сурового, угрюмого человека. Рассказывали, что Семен Поликарпович из-под Великих Лук, его семью — мать, жену и двоих детей — каратели сожгли заживо.

Новый, 1943 год бригада встречала в тылу врага. Ребята сказали: «Как же так! Новый год без фейерверка!» И оии подожгли льнозавод, который наладили и пустили оккупанты. В гитлеровском гариизоне в Новоржеве была поднята тревога, но фашисты так и не осмелились выехать ночью к горящему заводу.

...Первое комсомольское собрание в тылу врага. Взволиоваииые, серьезные лица Володи Новоселова, Эдика Таллииа, Фрузы Ефимовой. Комиссар бригады знакомит с обстановкой:

— В Бежаницком, Новоржевском, Кудеверском районах нет постоянио действующих партизанских отрядов. Подпольные партийные группы понесли потери и перешли на юг области. В этих условиях особенно важно разоблачать лживость фашистской пропаганды, вовлекать населеиие в вооружеиную борьбу.

Слова попросила Леля Дадицкая, инструктор Калининского обкома ВЛКСМ.

— Я предлагаю создать в каждом отряде комсомольские группы по сбору средств среди партизаи и иаселения на постройку эскадрильи боевых самолетов имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной!

Лелиио предложеиие приияли едииогласно...

Отряд Архипова действовал дерзко и умело. Партизаны пустили под откос воинский эшелон, сожгли мост, раз-

громили волостную управу, делали налеты на небольшие гитлеровские гарнизоны.

После боя все отдыхают, а Катя обходит избы, проверяет: как устроились бойцы. Во время обхода обязательно встретит Леонова. Неизменно спросит комиссар:

— Как дела, Кукушка? Как твое хозяйство? Может, чем помочь?

А какое хозяйство! Марлю с окон в избах снимала — для тампонов, холсты у женщин выпрашивала, стерильные пакеты берегла для тяжелых случаев.

Лечила, как могла. У одного раненого пуля прошла навылет через аорту, и Катя вставляла ему зонд из мелко нащипанной марли — турунду, чтобы приостановить заражение. Четверо суток от него не отходила. На пятые парень попросил молока, ожил. А Миша Филиппов подорвался на мине. Его нога превратилась в кровавое месиво. Финкой Катя отрезала мертвую ткань, но началась гангрена. Ногу, выше колена, она пилила ножовкой. Страшно было, страшнее, чем в самом жарком бою... Когда прилетел самолет, Мишу Филиппова отправили на Большую землю, вылечили.

На всю жизнь осталась в памяти гибель Саши Миронцева. В отряде его шутливо прозвали «человек с иголкой». Однажды он чинил свое обмундирование и нечаянно проглотил иголку. В спецшколе Саша был застенчивым пареньком. Партизанская жизнь сделала его отважным разведчиком. Вот только коня у Саши не было, и он все просил Катю: «Дай мне твою Белку». Разве можно было отказать?

Выполнив задание, возвращались разведчики в отряд. Нарвались на засаду. Пулеметная очередь сразила Белку и ранила Сашу. До последней минуты в упор расстреливал гитлеровцев юный ленинградец. Но вот кончились патроны. А гитлеровцы приближались. Он подорвал себя и их единственной гранатой... В тот день в отряде впервые видели: Катя Клюквина плачет.

Беда настнгла брнгаду возле деревии Детское. Ехалн на ночлег. Усталые коин с трудом шли по рыхлому снегу. Бойцы дремали в санях после боя. И вдруг — автоматные очереди. Кто мог предположить, что через час после того, как наша разведка побывала в деревие, здесь остаиовятся на ночь два егерских батальона гитлеровцев.

Завязался бой. Отряд Архнпова атаковал высоту у деревин, чтобы разъедниить снлы противиика. Рядом с ребятамн сражались девушкн — Фруза Ефнмова, Леля Даднцкая. Дважды поднимала Леля бойцов в атаку.

Высота взята! Но раздался крик:

— Сестра, Лелю ранили!

Катя стащнла Лелю вииз, в укрытне н тут только поняла — Лели больше нет.

Нн с кем Дадицкая не была так близка, как с Катей. Оиа рассказывала ей о своих роднтелях, о женихе Павлике, летчнке. Только Катя знала, какая оиа мягкая и жеиственная, эта огневая, дерзкая Леля, их комсомольский вожак...

Погиблн в том бою Фруза Ефимова, Ннна Клннкова, Егор Ермаков нз Кашнна — лучшне комсомольцы бригады имеии Лнзы Чайкнной. Был смертельио ранен комиссар отряда Василнй Федорович Мнхайлов, председатель Бежаницкого райисполкома, старый коммуиист. Теперь Катя везла его в обозе. Они ехалн лесом, в обход фашистскнх гарннзонов, а он метался в бреду, громко командовал: «В бой за Роднну, вперед!» Катя держала его руки, успоканвала н чувствовала, как онн костенеют...

Медикаменты кончнлись. С большим риском командир взвода Алексеев пробрался в Новоржев и через знакомого врача достал йод и бннты. Ночью партизаны разожглн костры: ждалн самолеты с Большой земли. Прилетелн четыре самолета н забралн всех тяжелораненых. А вскоре этн же летчики прнвезлн нм пнсьма от эскад-

рильи имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной. В бригаде был праздник.

В апреле 1943 года фашисты предприняли большую карательную экспедицию против калининских партизан, действовавших в районе Кудевери и Новоржева. К ней были привлечены несколько полевых частей вермахта с танками и артиллерией... Екатерина Дмитриевна рассказывает:

— Земля дрожала, такой был бой. Леонов под огнем скакал от одной группы к другой, отдавал приказы, подбадривал. Крикнул мне: «Ну, Кукушка, держись! Останешься жива, счастлива будешь!»

А тут — танки... Один подбили, второй... А третий вывел из строя расчет станкового пулемета Саши Смирнова и — прямо на нас. Замерли все. Вдруг смотрим — бежит навстречу танку во весь рост человек с гранатой в руке. Пробежал немного и упал как подкошенный. «Погиб!» — подумалось мне. Нет, вот он поднялся и оказался рядом с танком... Когда дым рассеялся, мы увидели, что танк встал к нам боком, пламя охватило броню. Но тут снова началась атака, и мы не смогли вынести тело героя. Так я до сих пор и не знаю имени смельчака. Знаю только, что это был комсомолец из нашей бригады.

Пробились мы все-таки из окружения. Многих не досчитались. Погиб комбриг Максименко, начальник штаба Алиев, не было с нами и нашего любимого комиссара. Он погиб при переправе через реку Пузна. Сколько лет прошло, а я его часто вспоминаю. Большой души был человек!..

Впервые мы встретились с Екатериной Дмитриевной Клюквиной, когда она работала заместителем директора по кадрам Выборгского райпищеторга Ленинграда. Хозяйство это сложное. В нем занято более трех тысяч человек. Я провела в кабинете Клюквиной весь день. Дверь, можно сказать, не закрывалась, вопросы решались самые разные и часто конфликтные. Но вот что ин-

тересно — люди уходили от нее какие-то успокоенные. Спросила:

— Как это у вас получается?

— Вроде бы само собой получается,— рассмеялась Екатерина Дмитриевна...

Я узнала, что для Кати Клюквиной бой в районе Кудевери не был последним. Она воевала в 8-й партизанской бригаде у старой государственной границы с Латвией. Теперь к партизанам регулярно прилетали самолеты. У Кати был свой госпиталь — несколько землянок в лесу. Снова Кукушка лечила, перевязывала, ходила в разведку...

Неожиданно Екатерина Дмитриевна предложила:

— Хотите, я вам нашу песню спою,— и тихо, не дождавшись моего ответа, запела:

Ни жена, нн сестра нас не ждут у окна,
Мать родная на стол не накроет —
Наши хаты сожглн, нашн семьи ушли,
Только ветер в развалннах воет.
Он летит над страной, этот ветер родной,
Он счнтает и слезы н раны,
Чтоб моглн по ночам отомстнть палачам
За позор н за кровь партнзаны...

И снова передо мной сидела не серьезная, уже в летах женщина, а храбрая разведчица и партизанский доктор. Катя Клюквина из блокадного Ленинграда.

Михаил Чивилев

ОТРЯД ВЕДЕТ КОРОБАЧ

Дыхание войны жители Малой Вишеры почувствовали впервые в начале июля. Третьего числа фашистские самолеты бомбили станции Гряды, Большую и Малую Вишеру. В августе был совершен массированный налет на

город. Одна из бомб попала в здание фабрики-кухни, где обедали десятки маловишерцев. Большинство из них погибли.

Вскоре Малая Вишера стала прифронтовым городом. Райком партии организовал три партизанских отряда. Бойцами их стали рабочие стекольных заводов и леспромхоза, железнодорожники, сельские активисты. Так получилось, что за неделю до оккупации города (фашисты заняли его 24 октября 1941 года) один из отрядов по вине командира не сумел создать себе базу в лесу.

— Кто сможет в короткий срок выправить положение? — спросил первый секретарь райкома партии А. И. Сидоров у членов тройки по руководству обороной города.

Ответ был единодушным:

— Лев Коробач.

Секретарю райисполкома Льву Васильевичу Коробачу было в то время тридцать лет. Черноволосый крепыш, энергичный, жизнерадостный человек, он пользовался у маловишерцев авторитетом. В решении вопросов был принципиален, душевно относился к тем, кто приходил к нему за советом или помощью. А на досуге мог и песню спеть, и лихо сплясать. На груди его серебрилась медаль «За отвагу». Такой награды в Малой Вишере никто не имел.

Зарделась слабая октябрьская заря, когда Коробач и его товарищи остановились в густом еловом лесу на берегу озера Вировно. Землю уже прихватывали крепкие заморозки. Поеживаясь от холода, Коробач негромко сказал:

— Малость отдохнем, и за работу. Выроем землянки и начнем боевые действия. Нам отведен район Папоротно — Некрасово — Александровское — Большая Вишера...

Их было немного — всего 18 человек вместе с командиром, но эта горсточка смелых людей точно выполнила приказ — постоянно нарушать связь между подразделе-

Зоя Брелауск

Подпись владельца

НКЮ — РСФСР

Калининская Юридическая школа

Удостоверение № 951

Фамилия Капуткина

Имя Вера

Отчество Федоровна

Удостоверение действительно

до 1942 г.

Директор юридической

школы

Выдано 1941 г.

Вера Капуткина

Шура Смирнова

Сергей Русаков

Иван Ивченко

Галина Старкова

Ольга Хохлова

Аргента Хемеляйнен (Калинина)

Мария Степанова (Бородина)
и Нина Брутт (Шлепова)

Партизанская присяга.
Справа: Лев Коробач

И. П. Горский

Маша Порываева

Таня Васильева

Е. Ф. Янковский

Сергей Смирнов

Аркадий Черноморцев

ниями вермахта на юго-востоке района. Более 60 раз в конце октября обрывали партизаны телефонные линии, минируя места обрывов. Произвели несколько засад на мотоциклистов-курьеров. При подрыве легковой машины на шоссе захватили ценные документы полкового штаба гитлеровцев, которые были немедленно доставлены командованию советских войск.

Однажды, вернувшись из разведки, комсомолец Николенко доложил Коробачу:

— Обнаружен склад боеприпасов. Подорвать невозможно. Охраняется круглые сутки. Охрана сильная.

— Так уж и невозможно. А если попробовать, Паша? — лукаво спросил Лев Васильевич.— А то как-то неудобно получается: обнаружить обнаружили, а подрывать дядя должен. Как ты думаешь?

— Действительно, нехорошо.

— Ну, тогда айда опять в разведку. И меня прихватите,— решил Коробач.

Трое суток командир отряда лично искал подходы к складу и наблюдал за сменой караулов. Удалось обнаружить слабо охраняемый днем участок вблизи караульного помещения. Риск был большой, но оправдался. Партизаны подкрались к складу и заложили взрывчатку. Когда загорелся бикфордов шнур, подрывников заметил караул. Истошно вопя, гитлеровцы бросились... прочь. Склад взлетел на воздух. Совсем как у поэта Александра Прокофьева:

Где бы нн был враг проклятый,
Партнзаны — рядом,
То заслоны вражьн сняты,
То взлетят снаряды.

20 ноября 1941 года войска Волховского фронта сильным контрударом выбили фашистов из Малой Вишеры и освободили от оккупантов несколько населенных пунктов, прилегающих к ней. Вместе с частями Красной Армии в

город вступил и отряд Льва Коробача. Передышка была недолгой. И снова в путь. Задание отряд получил особое — провести глубокую разведку в Большой Вишере и на станции Гряды, а затем в обход противника провести лесными тропами один из полков нашей армии к железнодорожной ветке на Дубцы и к большаку Папоротно — Некрасово.

Командир направил разведчиков сразу в несколько мест к дорогам, а сам на лыжах пробрался в Гряды. Разведка была удачной, но Коробач чуть-чуть не попал в руки врага. В избе уборщицы средней школы, куда он рано утром осторожно постучал, ночевали гитлеровцы. Хозяйка не спала, и это спасло смельчака. От нее он узнал о расстреле семьи Васильевых. К ним он тоже хотел заглянуть, а в их доме была засада.

Тяжел был ночной 25-километровый марш полка и партизан-проводников. Часто шли целиной по глубокому рыхлому снегу. Но точно в назначенный час полк затаился у дороги Папоротно — Некрасово. А вскоре три красные ракеты взвились в небо. И сразу ударили наши орудия. Выбитые с занятого рубежа, фашисты двинули свои обозы по дороге и попали под огонь красноармейцев, скрытно проведенных сюда партизанами.

Наступательная операция советских войск развивалась успешно. Одну за другой очищали они от врага новгородские деревни, поселки. Гитлеровцы нещадно бомбили оставленные ими населенные пункты. В селе Александровском одна из бомб попала в дом, где был размещен медицинский пункт. В селе в это время находились партизаны. Коробач увидел пламя пожара и бросился спасать раненых. Вынося на спине тяжело раненного красноармейца, Лев Васильевич подорвался на мине.

Надолго приковала к себе смельчака госпитальная койка. Здесь Коробача нашла высокая правительственная награда. Рядом с медалью «За отвагу» на груди заалел орден Красного Знамени.

Поздравляя его с наградой, секретарь райкома партии Сидоров пожелал:

— Скорее выздоравливай, дружище. В освобожденных от врага деревиях сплошной разор. Да и город пострадал иемало. Дел невпроворот. Нужеи ты в райисполкоме.

— А разве вся новгородская земля освобождена? — спросил Коробач.— Думал я тут, валяясь на койке, о дальнейшей своей судьбе и решил: буду воевать до полного изгнания с берегов Волхова фашистов. Иначе не будет мне покоя — ведь здесь вся моя молодость прошла. И избачем был, и слесарем работал, и учился в партшколе.

— Пожалуй, ты прав,— согласился секретарь райкома,— только окрепни малость.

Лев Васильевич не стал дожидаться полного выздоровлеиия. В марте 1942 года в Малой Вишере формировалась 1-я Волховская партизаиская бригада. В ее составе в ночь с 23 на 24 марта перешел линию фронта и обновленный маловишерский отряд под комаидоваиием Коробача. А через месяц ои уже действовал в Батецком райоие. Густоиаселенный, с большой сетью шоссейиых и железиых дорог да и основательно насыщенный охраниыми и полевыми войсками гитлеровцев, район был неудобеи для партизаиских действий. И все же Коробач решил не покидать его даже на время.

— Нельзя нам уходить в лужские или уторгошские леса,— говорил он своим боевым товарищам.— Немного нас, но каждый день радист передает разведданиые, добытые нами. А они очень нужны штабу. Ведь иа берегах Волхова между Новгородом и Чудово идут бои. Знаете об этом не хуже моего. А население? От иас оио получает правдивые вести с фронта, про Москву и Ленинград. Да и помочь нужно жителям провиантом.

— А как? — раздались голоса.— Сами на голодном пайке сидим.

— Будем чаще нападать на обозы фашистских фуражиров. Отбирать награбленное и возвращать зерно и продукты крестьянам.

Весь первый летний месяц на картах боевых действий 23-й отдельной бригады и 2-й ударной армии наших войск появлялись отметки по сведениям, полученным из отряда Коробача. А подрывники отряда пустили под откос большой воинский эшелон на железнодорожной ветке Новгород — Любань, совершили несколько диверсий на шоссейной дороге Раглицы — Вольная Горка...

Фашистам удалось ликвидировать прорыв советских войск в районе Мясного Бора и Новой Керести. В Батецком и других соседних районах зверствовали карательные отряды охраны тыла 16-й немецкой армии во главе с полковником Вернером Финдайзеном [1], получившим в свое распоряжение несколько полевых частей. В июле связь Ленинградского штаба партизанского движения с отрядом Коробача прервалась. Долгое время судьба его оставалась неизвестной. Позже пришла горестная весть: Лев Коробач и его боевые товарищи дрались до последней гранаты, до последнего патрона...

Наталья Канашина

СТАРАЯ РУССА ПОМНИТ...

Старая Русса. Древний и вечно юный город, покоряющий яблоневыми садами, лабиринтом уютных переулков и гомоном галочьих стай над взметнувшимся ввысь Воскресенским собором.

На протяжении всей своей тысячелетней истории бились старорусцы за свою землю и волю. Десятки раз

[1] После войны возмездие настигло главу карателей. В числе 19 военных преступников он был осужден. Суд проходил в Новгороде.

осаждали город враги, трижды огнем и мечом стирали с лица земли, но упрямые рушане вновь восстанавливали его на прежнем месте.

Здесь, завязнув в весенней распутице ильменских болот, повернула на юг обескровленная сопротивлением Батыева орда. Русса пала, но и у ордынцев не хватило сил преодолеть последнюю сотню верст, чтобы покорить Новгород — гордую славу Руси. Отсюда, с берегов Полисти, уходило народное ополчение на талый лед Чудской сечи. И здесь, 700 лет спустя, на стыке ленинградского и московского стратегических направлений была остановлена 16-я армия гитлеровцев, которую фашистский фюрер назвал «пистолетом, приставленным к сердцу России».

Война пришла в город 5 июля. В этот день фашистская авиация обрушила на Старую Руссу первый бомбовый удар — после него налеты ее стали ежедневными. Когда немецкие танки вышли к Лужскому рубежу в районе Шимска, до Старой Руссы оставалось менее пятидесяти километров.

Подходы к городу по шоссе Шимск — Старая Русса прикрывала 183-я стрелковая дивизия, северные подступы города защищали части 180-й, западные — 202-й моторизованной дивизии. Кровопролитные бои шли за каждую деревню, за каждый водный рубеж. В ходе их получили боевое крещение созданные в Старой Руссе партизанские отряды С. А. Аранджиони, И. В. Красавина, борисовская, крюковская и тулитовская истребительные группы.

Бой за город начался 30 июля. Заставив идти впереди своих наступающих цепей женщин и детей из окрестных деревень, гитлеровцы прорвали фронт 202-й дивизии близ деревни Алексино. На следующий день начали штурм городских укреплений.

«5 августа... Старая Русса горит,— писал очевидец этих событий Роман Кармен.— Через некоторые улицы

не удалось проехать, пришлось податься назад и, обходя опасные места, полыхающие сплошным пожаром, выехать на северную окраину... 6 августа... Наступают два немецких полка — танки и массированная артиллерия... 7 августа... Немец просачивается через реку на правом фланге и на левом. Русса горит. Все небо в зареве. Бьют залпами минометы. Вражеские самолеты яростно бомбят линию обороны, фашистские танки и артиллерия не жалеют снарядов...»

Ожесточенные бои за город продолжались до 21 августа 1941 года. В этот день части 11-й армии отступили за Ловать, а следующей ночью город покинули его последние защитники — бойцы 202-й дивизии генерала С. Г. Штыкова.

Начались страшные дни оккупации. На безлюдных улицах появились первые виселицы. В один из декабрьских дней на улице Володарского было повешено сразу более шестидесяти человек. Каждую ночь из городской тюрьмы крытые машины увозили обреченных на смерть людей. Впоследствии только во рве в конце Минеральной улицы было обнаружено пять тысяч казненных.

Тянулся за гитлеровцами кровавый след и по многим окрестным деревням. Были согнаны на лед и расстреляны из пулеметов жители Гонцов, Зубакина, Руднова, заживо сожжено 30 человек в Кокорине и Годилове, погибло в огне семь деревень близ села Воскресенское. В самом селе фашисты забросали горючей смесью церковь, где пытались найти убежище 85 жителей сожженных деревень — старики, женщины, дети.

Гитлеровцы взрывали уцелевшие в городе каменные здания, используя камень для строительства укреплений, сносили на дрова деревянные дома. Гордость старорусцев — Воскресенский собор — был превращен «носителями европейской культуры» в конюшню, а прекрасный курортный парк стал кладбищем немецких вояк. «Город,

которому никогда не возродиться!» — подписывали открытки с видами разрушенной Руссы фашистские варвары.

В городе и районе еще до прихода гитлеровцев были оставлены для подпольной работы несколько партийных и комсомольско-молодежных групп. Они начали действовать. Гитлеровцы еще не успели прочно обосноваться в Руссе, как взлетела на воздух переправа через Полисть. Оккупанты схватили 12 подростков, публично казнили их как участников диверсии. Переправа была восстановлена, значительно усилена ее охрана, но через несколько дней ее взорвали снова.

В один из последних солнечных дней сентября над городом прокатилось эхо нового взрыва. На этот раз мина сработала в помещении казармы авиагородка, в нижнем этаже которой находилась столовая немецких офицеров. Под обломками старинного здания нашли свой конец несколько десятков летчиков и аэродромных механиков. Затем вспыхнул пожар на складе боеприпасов и оружия, взорвались мины в здании тайной полевой полиции (ГФП).

Старорусское подполье не было одиноким. На связь с ним в город шли посланцы от партизан, из-за линии фронта. Не всем удавалось проникнуть в город и вернуться обратно. При разведке крупного гарнизона гитлеровцев в Юрьево, стоявшем на ближних подступах к городу, погибла Елизавета Базанова. Пробрался в город, но был схвачен на обратном пути и расстрелян связной, подросток Евгений Лазарев. Такая же участь постигла его сверстников Владимира Кузьмина и Владимира Силаева. Удачливее их оказался Павел Никитин. От своей родственницы, работавшей на старорусском аэродроме, он получил данные о численности дислоцировавшихся в Руссе авиационных частей и системе огневой обороны аэродрома и передал их командованию. Ценные сведения из вражеского тыла сообщили партизанские развед-

чики М. Левицкий, Ф. Екимов, В. Васильев, М. Сураев и А. Кириллов. Все это было тем более важно, что Северо-Западный фронт, не прекращая в течение всей осени первого года войны оборонительных боев, после контрудара наших войск под Москвой готовился к наступлению.

Оно началось в ночь с 7 на 8 января 1942 года. Ударная группировка 11-й армии обошла фланг 290-й немецкой пехотной дивизии и вышла на ближние подступы к Старой Руссе. Шоссе, связывающее город с Шимском, перерезали лыжные батальоны. В течение двух дней части 11-й армии В. И. Морозова продвинулись более чем на 50 километров. Однако в силу ряда причин этот успех не получил дальнейшего развития.

Героической страницей тех дней стал подвиг батальона 595-го полка 188-й стрелковой дивизии — единственной нашей части, пробившейся в Старую Руссу. По замерзшим болотам и рекам вывел его бойцов к городскому предместью 67-летний колхозник И. В. Липатов. Внезапное появление в метельной ночи красноармейцев ошеломило гитлеровцев, и батальон под командованием капитана А. Ф. Величко сумел прорваться к центру. Закрепившись в так называемых красных казармах и каменных зданиях на улицах Володарского, Минеральной и Энгельса, более суток вел он неравный бой. Основные силы 188-й дивизии в это время были скованы в трех километрах от города, безуспешно атакуя хорошо укрепленный гарнизон деревушки Медниково.

На помощь Величко был направлен 114-й отдельный лыжный батальон. Вышли в ночь. Неистовствовала пурга, завывал ветер, скрадывая звуки, издаваемые скользившими во тьме бойцами. Заснеженным мелколесьем, прячась в поймах ручьев, лыжники приблизились к железнодорожной насыпи, по которой патрулировали вражеские дрезины. Ее миновали, воспользовавшись сточ-

ной трубой. Однако внезапного налета не получилось. В ту ночь противник удвоил посты, значительно усилил караулы, и лыжники были обнаружены патрулями.

После жестокого боя на городской площади остатки батальона отошли к льнозаводу, в складских помещениях которого хранились боеприпасы и горючее врага. Охрану удалось оттеснить от караульных помещений и задержать у проволочного заграждения. Подрывники проникли на территорию склада, и вскоре один за другим прогремели взрывы. Содрогнулась земля, город озарился кровавым светом. Но выйти с территории льнозавода лыжникам не удалось. Били со всех сторон крупнокалиберные пулеметы. Заняв круговую оборону внутри завода, бойцы приняли последний бой. Над башней бензохранилища взвился красный флаг.

В городе уже занимался рассвет, когда иссякли патроны. В короткой рукопашной пошли в ход ножи, автоматные приклады...

12 декабря 1942 года. Этот день навсегда остался в памяти местных жителей. Тридцать уцелевших после рукопашного боя окровавленных, полураздетых, босых красноармейцев фашисты гнали к помещению гестапо. Среди них была девушка-санинструктор. Вскоре пленников провели обратно на разгромленный льнозавод. Здесь гитлеровцы затолкали истерзанных бойцов в бензохранилище и замуровали его... Жители ближайших бункеров и землянок слышали пение заживо погребенных героев. Слова «Интернационала» звучали до тех пор, пока последний кирпич не прекратил доступ воздуха в железную «могилу»...

Город по-прежнему продолжал борьбу: взлетело на воздух общежитие немецких офицеров, на улице Красных командиров во время вручения фашистам железных крестов было взорвано одно из штабных зданий.

Планам освобождения Старой Руссы зимой 1941/42 года было не суждено сбыться. Фронт стоял здесь еще

два долгих года, и на старорусской земле вермахт потерял около 180 тысяч своих солдат и офицеров.

18 февраля 1944 года Старая Русса вновь стала советской. Среди руин сиротливо торчали выщербленные осколками печные трубы. В городе, в котором три года назад жили 40 тысяч человек, ни живой души. Все мертво и пусто...

Наступила весна, и в осиротевший город стали возвращаться старорусцы. В один из первых после освобождения дней пришли они к бывшему бензохранилищу. Кто-то принес лом, и заброшенная башня открыла свою страшную тайну... Позже (при перезахоронении останков героев были обнаружены пенальчики) стали известны два имени — командира лыжников Федора Власовича Ивашко и комиссара Сергея Федоровича Малафеевского. Только два имени из тридцати...

В дни празднования 40-летия освобождения Старой Руссы от фашистской оккупации страна отметила город почетной и очень точной наградой — орденом Отечественной войны I степени.

Старая Русса. Древний и всегда молодой город новгородской земли. Сегодня его заселяют в большинстве своем люди, родившиеся после Великой Отечественной войны. Но и для них, как и для тех, кто завоевал Великую Победу, важно жизнью своей допеть до конца пролетарский гимн, недопетый красноармейцами-лыжниками и героями-подпольщиками.

Николай Масолов

ПО ЛОМКОМУ ЛЬДУ

«Будничная жизнь разведчика во вражеском тылу?» — спрашиваете вы. Отвечу так: это хождение по ломкому льду в непогоду. Лед трещит, ломается, вода проступает на его поверхность, вот-вот рухнет под тобой опора,

а ты идешь вперед навстречу злому ветру. Должен идти. И сегодня, и завтра...»

(Из беседы автора с разведчиком Гавриилом Яковлевичем Злочевским, он же Злобин, Дубровский...)

Наши рассказы о тех, кто шел по «ломкому льду», не предполагая до войны, что станет разведчиком в стане врага. Не имея даже небольшой профессиональной подготовки, эти люди проявили высочайшее мужество, стойкий характер советского человека.

«ПЕРЕПЕЛКА»

Поздним февральским вечером 1942 года, когда над затемненным Ленинградом металась злая вьюга, оперативный дежурный штаба Краснознаменного Балтийского Флота доложил командующему:

— Товарищ адмирал, нашими радистами перехвачена странная радиограмма из района Гатчины.

— Почему странная? — поднялся из-за стола Трибуц.

— Давалась открытым текстом. Дважды упомянуто, что передает какая-то «перепелка». А в конце три слова: «Прощайте. Надя с аэродрома».

— Николай Константинович, ты слышишь? — повернулся комфлотом к члену Военного совета Смирнову, просматривавшему московскую почту.— Не помнишь, есть ли сейчас наши люди в районе Гатчины?

— Нет, Владимир Филиппович. Вчера с начальником разведки уточнял разведточки на южном направлении. В Гатчине разведчиков-моряков нет. А что передала эта «перепелка»?

Оперативный дежурный протянул Смирнову радиограмму:

— Текст неполный, путаный, но точно приняты слова: «На товарной станции необычное скопление воинских эшелонов».

— Говоришь, «перепелка»? Видио, плохо пришлось тебе, полевая пичужка,— голос комфлотом утратнл обычную резковатость,— раз открытым текстом постучалась к своим.

— Быть может, провокацня? — предположил Смирнов.

— Исключеио. В штабе Кюхлера хорошо зиают, что иашн пушки за сорок кнлометров не бьют. Ну а воздушное прнкрытие Гатчнны у ннх вполне достаточное.— Трнбуц на некоторое время задумался, а затем твердо сказал: — Достать стаицню нужио. Поставим задачу перед Дмнтриевым, авось со своими комднвами что-лнбо прндумает.

Через мннуту в телефоиной трубке раздалось:

— Слушаю, товарнщ командующнй.

На проводе был генерал-майор Дмитриев — комаиднр самого мощиого артиллерийского соедниеиия флота...

Командование 18-й немецкой армни прекрасно поимало, что утопающая в зелеин парков Гатчина не просто красивый пригород Ленинграда, но прежде всего — крупнейшнй узел коммуннкаций. Через Гатчнну (до войны н в военные годы город назывался Красногвардейском) проходят Варшавская н Балтийская железные дороги, пролегает старннное шоссе на Псков н Киев. Вот почему фашисты с первых дней оккупацнн ввели в городе особо жесткнй режим жизни для местного иаселеиия.

Но ни драконовские меры военной комендатуры, ни высокая степень концентрацни войск вокруг Гатчины не обеспечивали оккупантам нужного порядка. У штурмбаннфюрера Зайделя, начальннка отделеиня СД, нз-за этого было немало непрнятиых разговоров не только с комендаитом, но и с самим бригаденфюрером СС н геиерал-майором полицин Шталлекером.

Кто-то поджег казарму артнллеристов, кто-то взорвал цнстерну с бензнном на аэродроме, кто-то уничтожнл ночиой патруль вблизи квартиры комеиданта... С каж-

дым новым месяцем счет таких происшествий рос. Росли и неприятиости у Зайделя. Можно представить, как обрадовался он, когда в один из последних весеиних диеи 1942 года в его руки попала ниточка, выведшая гестаповцев иа группу гатчииских подпольщиков. К одному из них в доверие вошла агент штурмбаинфюрера некая Воронцова, до войны не раз судимая за воровство.

30 июия 1942 года иа гатчииском рынке люди с глубокой душевиой болью читали извещеиие о том, что 15 подпольщиков и 19 воениоплениых расстреляиы «за антигерманскую деятельность».

История героев гатчинского подполья так и осталась бы почти неизвестной страиицей в летописи Великой Отечествеииой войны, если бы спустя много лет после освобождеиия Гатчины в руки ленинградских чекистов ие попало бы спецдоиесеиие Зайделя начальству о расправе над советскими патриотами. В нем есть и такие слова:

«...Надежда Федорова, работавшая в последиее время в комендатуре немецких летчиков, имела постояниую связь с Леиииградом... Несмотря на длительные допросы, очные ставки и перекрестные допросы, оиа настойчиво молчала».

Многого из хождения девятнадцатилетней разведчицы «по ломкому льду» мы и сейчас не знаем. А тогда, в феврале 1942 года, благодаря разведданиым из ее последией радиограммы удалось добиться блестящих результатов. 19-я отдельиая тяжелая железнодорожная батарея моряков обрушила огоиь своих мощных орудий на указаниую цель.

Комбат майор Меснянкин пошел на исключительный риск — подогрел полузаряды для увеличения дальности полета снарядов. И они накрыли фашистские эшелоиы. Бой велся (мне довелось участвовать в нем) под шквальным обстрелом из пушек и минометов наших позиций. Но моряки ие дрогнули и выполнили задачу, поставлеи-

ную комфлотом. Более недели гитлеровцы не могли наладить движение на железнодорожном узле...

После публикации первых материалов о гатчинском подполье стало ясно: Надя Федорова и есть та самая «перепелка», что «постучалась в окно к своим», зная о неминуемом аресте. Родилась Надя в простой крестьянской семье в Порховском районе. Детские годы ее прошли в деревне Большие Вязища. Там она переступила порог школы и впервые услышала слово «Родина». Среди простора голубеющих льняных полей научилась девочка трудиться, на берегах небыстрых псковских речек пела свои первые песни.

У миловидной и такой хрупкой на вид девушки было мужественное сердце. Оно зажгло много новых светлячков в глухую ночь фашистской оккупации.

Надя Федорова. Запомним это русское имя!

ГОРЕЦ

Я знал этого человека с детских лет. Илларион Петрович Горский был сельским учителем в одной из школ на берегах Великой, дружил с моим отцом — ветеринарным фельдшером. В праздники они обменивались визитами. Когда Горские приезжали к нам в Пустошку, в нашей квартире надолго поселялось веселье. Илларион Петрович заражал всех своей кипучей жизнерадостностью, был хорошим рассказчиком, первым начинал любимую песню матери «Вечерний звон».

Учительствовал Горский с 1912 года. В районе его хорошо знали и уважали за неутомимую деятельность на ниве просвещения и в социалистическом переустройстве крестьянской жизни. В двадцатые годы жители деревень школьной зоны Горского с его помощью первыми в районе ликвидировали неграмотность.

Прошли годы. Окончилась Великая Отечественная война. Осенью 1945 года, получив отпуск, я поехал в род-

ные края. Поезда тогда ходили не по расписанию, подолгу простаивали в пути. Во время одной из таких вынужденных остановок, на станции Насва, я разговорился с пожилым крестьянином. Собеседник мой провел все годы оккупации в районе Новосокольников. До войны там работал (как мне было известно) Илларион Петрович Горский. Поинтересовался его судьбой. В ответ услышал:

— Хорош гусь! У фашиста старшиной волости был.

Кому приятно слышать такие отзывы о своих знакомых? Подумалось тогда: «Как же так? Люди уважали, хорошим общественником слыл, и вдруг такое...»

Прошли еще годы. Однажды я беседовал с сотрудником органов госбезопасности Виктором Николаевичем Рябчуком. Речь шла о помощи в дни минувшей войны населения оккупированных районов нашим разведчикам.

— Помогали многие, а некоторые сами становились разведчиками,— говорил Виктор Николаевич.— Вот, к примеру, в 1944 году под именем Горец в одном из наших штабов значился учитель Горский.

— А его не Илларионом Петровичем звали? — перебил я Рябчука.

— Точно — Илларионом Петровичем...

А старшиной волости Горский тоже был. Но, как говорит русская пословица: «Федот, да не тот».

Находясь под чужой личиной, Илларион Петрович вместе с коммунистом Владимиром Кузьмичом Логашовым организовал подпольную группу и установил связь с партизанами и разведотделом штаба 257-й дивизии Красной Армии. С помощью группы Горского была сорвана отправка большой партии скота гитлеровским войскам под Ленинград, передано партизанам много чистых бланков немецких паспортов, разоблачено несколько фашистских лазутчиков. Удалось освободить из лагеря в деревне Ломыгино двадцать военнопленных. Всех их Горский переправил к партизанам.

Особую ценность представляла для советских войск разведывательная информация, которую собирали подпольщики на стратегически важной железнодорожной магистрали Невель — Новосокольники — Локня. Учитель-патриот и его товарищи по подполью с честью выполняли боевой призыв Коммунистической партии:

«...Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В 1944 году началось наступление советских войск в направлении на Прибалтику. В те дни старшина волости Горский как в воду канул. Зато в обозе отступавших гитлеровских частей появилась подвода, хозяин которой имел документ, свидетельствующий о его заслугах перед оккупационными властями. В возке «фашистского холуя» была спрятана... рация. Теперь Горец буквально шагал по острию ножа. На пути к крупному железнодорожному узлу Резекне ему удалось передать несколько радиограмм с исчерпывающей информацией о частях вермахта, двигавшихся по Рижскому шоссе...

— Когда показывалось на дороге новое подразделение гитлеровцев,— рассказывал мне при нашей первой встрече Илларион Петрович,— я сворачивал на обочину, снимал колесо и делал вид, что чиню телегу. Страшновато, конечно, было, когда к подводе подбегали солдаты, да выручал документ да сметка: кому пачку американских сигарет всучу, кому банку консервов. Ими меня чекисты снабдили в достатке.

Однажды у моего возка остановился тяжелый «майбах». Сидевший в нем генерал сказал что-то щеголеватому офицеру и показал на меня. Я поднялся с земли, подошел и низко поклонился. Офицер на ломаном русском спросил:

— Руссиш?

— Так точно, ваше благородие.

— Кто такой есть? Почему ехал армий?

— Так я есть ваш помощник, служащий. Властей ваших старшина волостной,— раболепно горохом сыпал я,— как же мне без вас? Вот и документик, ваше благородие.

Офицер перевел ответ генералу и брезгливо копнул сено на телеге.

— Что везешь?

— Крупицы немного, мучицы...

— А целый ящик консервов? Наворовал небось?

— Никак нет, ваше благородие. Паек от господина коменданта получил.

Генерал махнул рукой, и офицер вскочил в машину. Я заметил ее номер, большую связку карт на сиденьях. Свернув в болотце, сразу же передал в Центр о встрече со штабной машиной и о десяти грузовиках, следовавших за нею. В кузовах их было много ящиков с бумагами...

За разведку в районе Резекне начальник Управления контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта Железников представил Горца к награде. Приказом по войскам рядовой Илларион Петрович Горский был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Разыскал я Горца незадолго до его кончины. Илларион Петрович остался верен своей профессии — в послевоенные годы работал в одной из пригородных школ Ленинграда.

ТАМАРА

Сохранилось письмо разведчицы-партизанки Тамары Трофимовой. Последнее письмо в ее жизни...

«Милая Аля!

Выбрала свободную минутку. Пишу о самом существенном. На протяжении нескольких дней подряд мы подвергались бомбардировке немецких самолетов. Город превращен в груду развалин... Сейчас со дня на день ждем новое задание... Ужасно хочется знать, что будет

впереди. Бойцы ко мне относятся очень хорошо. Я одна девушка в отряде...

Алька! Я ужасно соскучилась по тебе. Каждую минуту я могу получить задание. Тогда...

Целую крепко, крепко.
Тамара».

А ждали впереди десятиклассницу оредежской средней школы Тамару Трофимову тяжелые испытания. Письмо своей старшей сестре Алевтине она писала, уходя в лес с одним из отрядов оредежских партизан. До этого часа Тамара была бойцом истребительного батальона.

Дочь паровозного машиниста, она мечтала о море, хотела научиться строить корабли и плавать на них по морским и океанским просторам. Учение ей давалось легко. Друзей было много, но главным другом детства и юности Тамары стал отец. Вдвоем они часами пропадали на рыбалке. Девочка сопровождала отца на охоте. А по вечерам, когда Василий Андреевич был свободен от поездок, отец и дочь отдавали досуг книгам. Оредежцы, знавшие Трофимова до войны, вспоминают, как проникновенно декламировал он на клубной сцене отрывки из «Русских женщин» Некрасова.

От отца Тамара унаследовала смелость и прямоту, собранность и непримиримость к нарушению долга. Командир партизанского отряда, секретарь подпольного райкома партии Иван Иванович Исаков в своих воспоминаниях приводит характерный в этом отношении пример. Он пишет:

«Мы отошли за лесную речушку. Гитлеровцы дальше нас не преследовали, но перестрелку вели. Я отходил в числе последних. Только взобрался на обрывистый берег — услышал резкие голоса. Оглянулся и увидел такую картину: из воды пытается вылезти один из наших пулеметчиков, а ему с берега, грозя винтовкой, кричит Трофимова:

— Иди назад. Уронил оружие — ищи.

— Да брось ты,— урезонивает девушку парень,— потом найду. Честно, найду.

— Назад! Стрелять буду! — подняла винтовку Трофимова.

И повернул назад растерявшийся партизан. Нырнул в воду, и раз, и другой. А кругом него плескались пули, но ему теперь было не до них.

На обратном марше я подошел к Трофимовой и молча пожал ей руку. Она удивленно вскинула на меня глаза, но потом неожиданно громко и радостно воскликнула:

— Служу Советскому Союзу!

А позже, когда мы обсыхали у костра, провинившийся пулеметчик сказал Тамаре:

— Молодчина ты. Спасибо».

Отряд Исакова действовал вблизи линии фронта. Почти в каждой деревне здесь стояли подразделения фашистских войск. В этих условиях успех партизанских диверсий зависел от постоянно ведущейся разведки. Исаков часто посылал Трофимову одну и в группе разведать объекты для нападения. И не было случая, чтобы Тамара вернулась с пустыми руками... В декабре 1941 года ее наградили медалью «За отвагу».

Эта весть не дошла до Тамары. Каратели напали на базу отряда. Партизаны с боем отошли. Самая лучшая разведгруппа отряда в это время находилась на задании. В нее входила и Тамара Трофимова. После долгих скитаний по разгромленным базам разведчики пришли на хутор Липовой. Видимо окончательно выбившись из сил, заснули в бане, не выставив охраны. Каратели взяли их спящими. Избив, связали и на санях повезли в оредежскую комендатуру.

Нет, еще не все было потеряно. Тамара перегрызла свои веревки и сумела незаметно распутать узлы веревок, которыми были связаны товарищи. Бросились бежать, но метко стреляли конвоиры: командир группы Турилин был

убит наповал. Тамару враги ранили и настигли. Скрылся лишь Леша Сахаров.

О дальнейшей судьбе Трофимовой удалось узнать лишь в послевоенные годы из рассказа Н. В. Григорьевой, муж сестры которой был партизаном. Ей довелось сидеть в одной камере с Тамарой. (Этот рассказ помещен в книге И. И. Исакова «Гроза над Оредежем».) Надежда Владимировна рассказала:

— Меня арестовали в конце декабря 1941 года. После допроса посадили в тюрьму, которая находилась тогда в бывшем Доме культуры. В камере было шесть человек. Я не спала и тихонько плакала.

Среди ночи открылась дверь камеры. Я подумала: кого-то поведут на допрос. Но в камеру бросили человека, и дверь захлопнулась. Через некоторое время послышались стоны. Я сползла с нар. Тихонько подошла и помогла новому мученику подняться на нары. Вскоре стоны затихли. Умер, наверное, подумалось мне. Приложила ухо к спине — дышит.

Когда в камере посветлело, мы увидели, что на нарах лежит девушка. На нее страшно было смотреть: лицо все в кровоподтеках, глаза совершенно заплыли, губы разбиты, волосы слиплись от крови.

Мне ее так стало жалко, и я вспомнила, что, когда была еще девочкой, к нам во двор залетела ласточка — на нее напал коршун. Ласточка, как и эта девушка, лежала истерзанная, вся в крови и, склонив головку набок, смотрела на меня одним глазом.

Мы стояли около девушки, но ничем помочь не могли. Я только сказала: «Ласточка ты моя» — и тихонько поцеловала. Потом мы узнали, что эта девушка была не робкой ласточкой, а гордой соколицей.

Днем в камеру пришел фашист. Принес бачок вонючей похлебки и по маленькому кусочку хлеба. Поставил на нары и ушел. Мы были голодные, но есть не стали. Сидели на нарах и тихо переговаривались. Смотрим, де-

вушка зашевелилась, встала, держась за нары, подошла к бачку и говорит твердым голосом: «Вы что, решили живыми ложиться в могилу на радость фашистам? Нет, меня так скоро не сломят. Я еще буду бороться. А для борьбы нужна сила. Садитесь есть».

Всем нам от этих слов стало легче. Когда поели, я подошла к девушке и спросила: «Родная, скажи, кто ты? Откуда? Не бойся меня».

«Мне вас бояться нечего,— ответила девушка.— Меня все равно расстреляют или повесят фашисты. Прежде всего, я советский человек. Зовут меня Тамара. Комсомолка. Партизанка. Дочь паровозного машиниста, коммуниста Василия Андреевича Трофимова. Живой положить себя в могилу не дам».

Трое суток нас не беспокоили. За это время мы Тамару очень полюбили. Она нас всячески утешала. Говорила, что, как бы ни зверствовали фашисты, советский народ все равно победит. На четвертый день вечером пришел солдат с автоматом и на ломаном русском языке говорит: «Молодой партизан, пойдем, господин комендант требует».

У меня сердце так и заныло. Все мы знали коменданта Брунса, этого изверга. Он начинает допрос ласково, предлагает сесть, угостит чем-нибудь, а у самого взгляд зеленый, змеиный. Если кто ничего не знает или не отвечает, тогда его лицо покраснеет, белесые ресницы заморгают, он вскакивает из-за стола, хватает плетку и начинает избивать свою жертву. Бьет, бьет, потом улыбнется: извините, мол, нервы не выдержали. И так повторяется несколько раз.

Ну, думаю, убьет изверг Тамарочку. Сидим на нарах, прижавшись друг к другу, ждем. Слышим шаги, открылась дверь. Кто-то вошел. Смотрим, Тамара. Мы бросились к ней. Спрашиваем: «Очень били?»

«Хуже,— отвечает она.— Эта рыжая падаль предложила мне работать на фашистов, выдавать своих товари-

щей, предавать советских людей и за предательство обещает веселую, обеспеченную жизнь. Нет, я этой падали еще покажу, что значит комсомолец, советский человек».

Сижу я на нарах, потихоньку плачу и думаю: «Сколько же сил, мужества, сколько добра в душе этой девушки, какое у нее гордое, горячее сердце. И все это погибнет вместе с ней».

На следующую ночь Тамару снова вызвали на допрос. А под утро принесли и бросили в камеру. Господи, на что она была похожа! Тело — сплошная рана. Одежда в крови. Почти две недели Тамару мучали каждую ночь.

Затем нас перевезли в Лугу, в тюрьму. В лужской тюрьме Тамара заболела, и ее куда-то отправили, а через полтора месяца опять привели в нашу камеру. Однажды вернулась она с очередного допроса, села на нары и говорит: «Утром меня расстреляют».

«Доченька, может, еще жива останешься»,— утешала я. «Нет. Это все»,— отвечает. Посидела немного, склонив голову, обняла меня и говорит: «Тетя Надя, мне-то ведь всего восемнадцать лет. Ох, как тяжело расставаться с жизнью. Да и сделала я мало для Родины».

Утром за ней пришли. В коридоре она громко крикнула: «Прощайте, товарищи! Мужайтесь! Победа будет за нашим народом!» Голос оборвался. Видимо, чем-то ударили ее сильно. На другой день для устрашения узников в общих камерах тюремщики вывесили список расстрелянных. Первой стояла фамилия Тамары — «Трофимова, партизанка».

Трагически сложилась и судьба Леши Сахарова. Его, обмороженного, с воспалением легких, укрыли у себя в деревне Коростыни муж и жена Гавриловы. Неделю в горячем бреду метался юноша, порываясь бежать — спасать Тамару, которую преданно любил со школьной скамьи. Несколько месяцев тайком от всех выхаживали разведчика Гавриловы. Поднялся он на ноги и сразу попросил отправить его в лес. А тут на беду в деревню

приехали под видом партизан матерые провокаторы из ГФП-520. Сахаров сделал неосторожный шаг — открылся им... Был схвачен и расстрелян за околицей деревни. Рассказывают, будто перед смертью крикнул отважный юноша одно слово:

— Тамара!

Георгий Кривич

«ДЕРЖИСЬ, ДОКТОР!»

Скупы данные архива об этом партизанском отряде. Об Александре Георгиевне Савельевой (ныне Зайцевой) всего лишь строчка: в списке против ее фамилии стоят два слова — «медицинская сестра».

Сквозь толщу времени трудно пробиться к дням скитаний и боев, восстановить в рассказе о себе все так, как было, и моя собеседница виновато говорит:

— Всякое пришлось пережить, подзабылось многое. Сердцем помню лишь людей хороших и светлое. А оно было и в самые тяжелые дни. Было...

А все началось с Бреста, с первого часа, а точнее, с первых минут войны. Саша Савельева проснулась тогда от страшного грохота. Вскочив с постели, она увидела, как рушится стена ее комнаты. Успела выскочить в пролом на улицу. По ней уже бежали люди...

Савельева приехала на границу из Псковской области в 1940 году. В городской больнице работала всего полгода, но прижилась в коллективе быстро. Помогли щедрое сердце да фронтовой опыт. В дни советско-финляндской войны псковитянка служила в полевом госпитале. Много раненых прошло через ее заботливые руки, а двум из них она спасла жизнь — отдала свою кровь. И в этот предрассветный час, когда фашистские снаряды и бомбы терзали Брест, девушка бросилась бежать к своим подопечным в больницу.

Эвакуировались на другой день. Память сохранила ухабистую дорогу, слепящее солнце, неумолчный рев пикирующих самолетов с черными крестами на брюхе, стоны раиеных, перевязки в кюветах, в кустах, прямо на дороге. Потом тишиина. Саша пришла в себя среди трупов и дымящихся остовов машин. В живых осталась она одна. Справа от дороги за небольшим болотом виднелись гребни елового урочища. Поползла туда.

Теперь мы знаем: летом и осенью сорок первого многие советские люди — и штатские и военнослужащие,— оставшись одни в тылу врага, любой ценой пытались пробраться к родным местам. Приняла такое решение и Савельева.

Долог и тернист был путь к берегам Ловати и Великой. В начале его Саша повстречала москвичку Нину Алексеевну Григорян. Общая беда, одна профессия (Григорян была врачом) сблизили беженок, и они пошли вместе. Днем укрывались в кустарниках, оврагах, по очереди спали, по ночам двигались на восток. Постоянными спутниками их были голод, холод и страх — только бы не попасть в руки врага.

— Дойдем, обязательно дойдем,— успокаивала Саша выбившуюся из сил Григорян,— не верю я, что Москву фашисты взяли. Брешет их Гитлер.

— Я тоже не верю, Сашенька.

Забывались на час-другой в сторожком сне и шагали дальше.

Не дошли бы, если бы не то светлое, что запомнилось больше всего Александре Георгиевне. Как-то под утро постучались они в крайнюю хату небольшой деревушки. Спросили у вышедшей на стук крестьянки: «Далеко ли до Москвы?» Та посмотрела на них удивленно и пригласила:

— Зайдите. Небось голодные.

В хате было чисто, тепло. Хозяйка посадила за стол. Накормила.

— А это возьмите с собой.— И протянула им завернутые в холст большую краюху хлеба, несколько лепешек, вареный картофель.— Вы, видать, городские, а таких фашист не щадит. Постойте-ка,— крестьянка открыла крышку большого сундука и вынула оттуда женскую одежду.— Возьмите, переоденьтесь. В этой одежде вам спокойнее будет, вроде наши деревенские бабы.

В другой раз их, совсем обессилевших от голода и стужи, приютил смоленский крестьянин. В избе Савельева и Григорян обратили внимание на фотографию трех ладных парней. Один из них был в форме Красной Армии. Саша спросила:

— Сидор Петрович, а вдруг гитлеровцы увидят?

— Все трое воюют против вражины,— не без гордости сказал хозяин и вдруг яростно закричал: — Да пусть видят! Не боюсь я фашистского племени! Пусть убивают, как убили старуху мою. Все равно не побоюсь им перед смертью в глаза плюнуть.— И уже тихо промолвил: — Не страшитесь и вы, дочки. Остерегайтесь, но не страшитесь. И не верьте в брехню ихнюю. Не взять им ни Москвы, ни Ленинграда. Ни в жисть!

Сидор Петрович указал дорогу к реке, к взорванному мосту, по сваям которого можно перебраться на другой берег, дал теплую одежду.

Однажды так вымотались, что заночевали в поле, вблизи лесной дороги. Присели передохнуть и тут же заснули. Разбудил на рассвете холод. Стуча зубами, Саша сказала:

— Хорошо спалось. У меня даже подушка была. Вот торчит из земли.

Григорян нагнулась посмотреть, голос ее вдруг дрогнул:

— Са-аша!

Тревога передалась и Савельевой:

— Что случилось, Нина Алексеевна?

— Здесь не одна такая подушка. Только ты стой на

месте и не волнуйся. Я тебе говорила, что мой муж военный. Он мне рассказывал... словом, дело в том, что это — мины.

До дороги, с которой они свернули, было не больше полусотни метров, но каждый шаг по полю был рядом с притаившейся смертью.

Стоял декабрь, лютый, снежный, когда они расстались. Григорян пошла в сторону Москвы, Савельева за Ловать, к Новосокольникам. Сил прибавилось у Саши, когда увидела места, знакомые с детских лет. Вот, наконец, показалась и деревня Ручейки. Но как здесь все изменилось. Одни развалины. Оставшиеся в живых крестьяне ютились в четырех землянках. В одной из них жила Пелагея Никифоровна — родная сестра Сашиной мамы.

Не узнала сначала Пелагея Никифоровна свою племянницу. Да и неудивительно. Куда девалась прежняя Саша, жизнерадостная, цветущая девушка. Но присмотрелась повнимательней тетка и ахнула:

— Шурочка, милая! Докторша ты наша, а мы тебя давно... а ты живехонькая.

Позже решили они, что Саше нужно сразу уйти из Ручейков. В деревню часто приезжали гитлеровцы.

— А партизаны в вашем краю имеются? — спросила Саша.

Старушка оглянулась на дверь, шепотом ответила:

— Есть, Сашенька. Но самой мне не приходилось их видеть. Немчура расспрашивает про них, ищет.

«Поищем и мы»,— про себя решила Саша. В деревню Дубково, где жили ее родители, помог добраться дядя, Василий Никифорович Бабаров. Дома Савельева застала отца, мать, брата Григория и сестру Антонину. Встреча была радостной. Мать и сестра всплакнули, слушая про мытарства Саши. А девятнадцатилетний брат рассказал все, что знал о местных партизанах. Позже признался Саше, что является их связным. В местах, где проходили бои с гитлеровцами, он собирал ору-

жие и прятал в тайниках, о которых знали только партизаны.

— Гриша, а почему у тебя глаз перевязан? — спросила Саша.

— А это я поранил маленько, когда бродил по лесу в поисках оружия. Наступил на автомат, а он возьми, гадюка, и выстрели.

Прошло несколько дней. Однажды метельным вечером послышался тихий стук в окно. Григорий вышел в сени. Возвратился с тремя парнями, сказал:

— Это за тобой, Саша.

— За мной? — с тревогой спросила сестра.

— За вами, Александра Георгиевна. Вы не волнуйтесь,— ответил один из пришедших парней.— Поедете с нами. Только одевайтесь потеплее, а то ночь студеная.

Саша взглянула на Григория. Тот подмигнул: «Свои, мол, сестренка».

Резвые кони быстро домчали партизан в лесной лагерь. Старший привел Савельеву в землянку, доложил.

— Товарищ командир, докторшу доставили, все в исправном виде.

— Я не доктор, а фельдшер,— поправила Саша.

Командир улыбнулся:

— Вы любите точность. Это хорошо! Но так как в отряде никого нет по медицинской части, то будете вы, товарищ Савельева, самой главной у нас в этом важном деле.

— Слушаюсь, товарищ командир,— по-военному ответила Савельева.

— Это тоже хорошо! Дисциплина у нас в почете.

— Разрешите спросить.

— Говорите!

— Есть лежачие больные, раненые?

— Раненые и больные, конечно, есть, но все на ногах.

— А оружие медицинским работникам полагается?

— Обязательно! Все, кто у нас в отряде,— бойцы.

Отряд, где началась партизанская служба Савельевой (позже он разделился на два отряда), действовал в 1942 году вблизи крупнейшего железнодорожного узла Новосокольники. Командовал отрядом Андрей Алексеевич Ромаков, бывший председатель сельского Совета, человек энергичный, смелый. Отряд провел несколько удачных диверсий на стальной магистрали Витебск—Дно и вскоре стал грозной силой. Тому свидетельство — победа в пятичасовом сражении у деревни Смольки против батальона полевых войск вермахта.

Савельева не расставалась теперь ни с медицинской сумкой, ни с винтовкой. Партизанам приходилось туго. Фашисты зорко стерегли подступы к железной дороге. Часто бросали против отряда подразделения карателей. Спасал маневр: поход за походом, и в метель, и по весенней талой воде, прорывались сквозь вражеские заслоны. Саша всегда с бойцами рядом: то перевязывала раны, то тащила тяжелораненого в укрытие, а нередко, забросив сумку с медикаментами за плечи, вела прицельный огонь из винтовки.

Партизаны берегли своего «доктора». Был случай — жизнь спасли. А дело было так. После разгрома фашистского гарнизона отряд поспешно отходил к заболоченному лесу. Гитлеровцы настигли партизан большими силами. Завязался бой. Савельева едва справлялась с обработкой раненых. Поползла к болоту, где послышался крик о помощи, и... угодила в топь. Никак не выбраться — по плечи ушла в трясину. Закричала. И где-то невдалеке услышала в ответ:

— Рус, сдавайся!

Заплакала Саша. А вонючая вода уже к горлу подбирается: «Конец»,— в ужасе подумала девушка. И вдруг чья-то сильная рука ухватила ее за волосы. Оглянулась: партизан-разведчик Миша Масляков.

— Держись, доктор!

Спасся тогда отряд, но потери понес чувствительные.

И потом были опять походы и бои. Один из них стал для Савельевой последним. Гитлеровцам в тот раз удалось окружить два отряда. Прорывались партизаны группами. Сашу тяжело ранило, и она потеряла сознание. Пришла в себя от холода. Стреляли где-то вдалеке. С трудом перевязав рану, девушка попыталась встать. От резкой боли вскрикнула. И сразу же раздался хриплый мужской голос:

— Если свой — подойди.

Савельева подползла. Из куста вышел разведчик соседнего отряда. Узнал:

— А, докторша ромаковская. Как же это тебя? Давай — помогу.

Нет, своих они тогда не нашли, но Иван (так звали разведчика) доставил раненую Савельеву к ее родителям. Пока те хлопотали вокруг дочери, партизан исчез.

Отец укрыл дочь на заброшенном хуторе. Более года родные лечили Сашу травами да самодельными мазями. Поднялась на ноги партизанская «докторша». В те дни оккупанты под натиском советских войск поспешно отступали с ленинградской земли.

* * *

Александра Георгиевна Зайцева (Савельева) пенсионерка, но каждое утро она спешит в одну из ленинградских поликлиник. Спешит, как когда-то в Бресте, а позже в партизанских лагерях к своим подопечным. А как же иначе — у Зайцевой самая гуманная профессия на земле, она — сестра милосердия.

Сергей Бирюлин

МУЖЕСТВО

Война быстро пришла в родные края Марии Синицыной. В середине июля 1941 года фашисты оккупировали районный центр Пустошку, заполонили все деревни вдоль Ленинградского шоссе, и в сторону Опочки и в сторону Невеля. Мария попыталась эвакуироваться вместе с матерью и пятнадцатилетней сестрой Ниной, но вражеские мотоциклисты преградили путь беженцам на проселочной дороге. Спрятав в лесу книги (главное богатство молодой учительницы), Синицыны вернулись в родную деревню Устье.

В одну из августовских ночей в дом Синицыных пришли пять человек в красноармейской форме. Спросили:

— Фашисты в деревне есть?

— Пока бог миловал,— ответила хозяйка дома.— Бывают лишь наездом.

Синицыны накормили ночных гостей. Поблагодарив, старший из них сказал:

— Из окружения мы. Две недели к своим идем. Знаем, что фронт у Великих Лук. Но уж очень густо фашисты у шоссе стоят.

Маша и Нина быстро переглянулись. Нина выпалила:

— А мы вас проведем.

— Вы?

— Да, мы,— улыбнулась Мария,— да такими тропками, что никто не встретится.

— Опасные эти тропки,— с тревогой вымолвила мать.

— Опасные, но верные,— отвечая каким-то своим мыслям, ответила Мария...

То ли чья-то неведомая рука указывала окруженцам окно Синицыных, то ли это само собой получалось, но раз пять в тот памятный август раздавался тихий стук по ночам. И пять раз сестры вели лесными дорогами и

болотными тропками, что вились среди зеленоватых трясин, красноармейцев, оставшихся верными присяге.

А по первому глубокому снегу раздался как-то вечером робкий стук в окно. Открыла Мария. На пороге две девушки:

— Впустите. Дело есть.

Вошли. Тихо поздоровались. Посетовали на холод. И неожиданно:

— А мы к вам по поручению товарища Ермоченкова.

— Семена Ивановича, секретаря райкома? — обрадовалась Мария.

— Да. Он прислал вам привет и просил выполнить два поручения. Во-первых, у кого-либо из ваших родственников прописать двух наших военных. Во-вторых, взять ночью в одном месте пакет и снести в другое. Сумеете?

— Безусловно сумеем,— ответила Мария.

— Сделаем все, как надо,— поддержала сестру Нина.

— Тогда слушайте. В березнянской церкви есть тайник. В нем оставляют важные сведения для наших войск. Нужно в ночь с понедельника на вторник и с четверга на пятницу ходить туда, забирать оттуда пакет и относить его в церковь в Неведро.

Девушки подробно рассказали, где и как расположены тайники, и, не назвав себя, ушли. Так сестры Синицыны стали звеном созданной разведывательной цепочки, хотя не знали ни ее начала, ни конца.

В воскресенье, в день службы в церкви Мария и Нина пошли одна в Березно, другая — в Неведро, чтобы осмотреть места тайников. А в понедельник, когда ночь накрыла землю черной поволокой, сестры, одевшись во все темное, отправились в Березно. Вынув из тайника пакет, девушки так обрадовались, что сразу были забыты метельный свист и леденящий душу волчий вой, сопровождавший их в лесу.

Летом 1942 года сестры стали выполнять еще одно

опасное задание — их дом превратился, по меткому выражению секретаря подпольного райкома партии, в «рукописную тнпографию». Мария и Нина переписывали огромное колнчество сводок Совинформбюро. Рискованное это было дело — почерк учительницы легко распознать. Отшучивалась Мария, когда мать напомннала об этом:

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

А осенью Мария стала разведчицей партнзанского отряда, действовавшего на стыке трех районов: Невельского, Идрицкого и Пустошкинского. Теперь смертельная опасность подстерегала ее на каждом шагу.

...Стоял ноябрь. Дул холодный, проннзывающий насквозь ветер. Мария возвращалась из разведкн. Долгие часы она наблюдала за движением воинских эшелонов, ндущих из Латвин, нзучала систему охраны на участке железной дороги Нащекино — разъезд Брыканово. Торопилась разведчнца — в отряд нужно было попасть дотемна. Вот и река. За нею лес. Неожиданно из-за прнгорка показалнсь два немецкнх танка.

На раздумье — секунды. Заметят — задержат. А поблизости ничего, где бы можно было спрятаться. Лишь голый, звенящий на ветру куст, склоннвшийся над рекой. Ухватившись рукой за толстую ветку, Мария погрузнлась в ледяную воду.

Танки остановились. Гитлеровцы вылезли. Один из них заглянул под мост. Второй с ведром направился к кусту. «Конец»,— мелькнуло в голове разведчнцы, но в это время солдата позвал офнцер... Воду солдат зачерпнул в другом месте. Когда танкисты уехали, Сннцына с трудом выбралась на берег — тело будто окаменело...

Часто командир отряда посылал в разведку вместе с Марией Синицыной Таню Васнльеву — родом из деревни Заречье Тимоновского сельсовета. До войны Таня работала и учнлась в Ленинграде. Летом сорок первого прнехала к родным и не сумела, как и Снницына, эвакуироваться.

В 1942 году Васильева попала в первую партию девушек, угоняемых в рабство. По пути в Германию на одной из польских станций их стали пересаживать в другой товарный состав. А тут воздушная тревога. Растерялись конвойные.

— За мной, девчонки! — крикнула Таня и нырнула под вагон пассажирского поезда.

Труден был путь на Родину: ни документов, ни денег. А приказы оккупантов строги: за предоставление ночлега беглецу — расстрел... Шли по ночам. Ночевали в заброшенных постройках. Питались подаяниями — находились добрые люди. Измученная, еле живая, добралась Таня до родных мест. И сразу же ушла в партизаны.

Васильева участвовала в разгроме крупного фашистского гарнизона в Тимонове, в операции по взрыву большого железнодорожного моста в Идрицком районе (в том бою смелая девушка спасла раненого командира), а сколько дорог исходила, бывая в разведке! И всегда приносила ценные данные о противнике.

Весной 1943 года партизанская бригада, в которую входил отряд «Народный мститель», с боями покидала Кудеверский район. Крупные силы карателей теснили партизан к озеру и непроходимому болоту. На четвертые сутки отряду удалось оторваться от врага. Выяснить обстановку впереди и достать немного продовольствия командир послал Васильеву и Синицыну.

Миновав перелесок, разведчицы вышли к деревне. Огородами пробрались к крайней избе. На лай собаки в дверях показалась пожилая крестьянка.

— Тетенька, что за деревня?

— Забеги Кудеверского района. Доченьки, убегайте. В деревне полно немцев.

Женщина по измученному виду девушек поняла, кто перед нею. Заскочив в дом, вынесла буханку хлеба. Прошептала:

— Скорее уходите.

Но уйти далеко не удалось. Разведчиц заметили. Восемь всадников с гиканьем ринулись в погоню.

Таня оглянулась... Нет, не спастись. Приказала:

— Маша, убегай. Предупреди командира. Я задержу гадов.

— Таня!

— Не рассуждай. Беги.

А всадники уже настигают.

Остановилась Таня. Повернулась лицом к врагам. В руках граната.

— Комсомольцы в плен не сдаются!

Грохнул взрыв. Полетели с лошадей гитлеровцы. А Мария тем временем достигла кустарника. Бежала до тех пор, пока не грохнулась, обессилев, на землю.

Благодаря подвигу Тани Васильевой был предотвращен разгром отряда... В партизанах Мария Филимоновна пробыла до начала 1944 года. Смело шагала опасной тропой до конца партизанской войны и ее юная сестра Нина.

* * *

Мужество. Верность. Стойкость. Лучшие качества воспитываются в характере человека с детских лет, как добротное здание складывается по кирпичику. Много сделали для формирования юных душ в послевоенные годы сестры Синицыны — заслуженные учителя школы Мария Филимоновна Панова и Нина Филимоновна Ермолаева.

Иван Гончаров

НИТИ ТЯНУЛИСЬ К НЕВЕЛЮ

Выписавшись из госпиталя, Евгений Францевич Янковский поспешил в обком ВКП(б). На дворе была осень 1943 года. Город Калинин, перенесший оккупацию, выг-

лядел мрачновато, неуютно. На прием к секретарю Янковский попал сразу, попросил направить его в тыл врага.

— В тыл врага? — переспросил секретарь.— Да вам, дорогой товарищ, отдохнуть бы в самый раз.

— И все же я бы снова хотел за линию фронта.

— М-да... За линию фронта... Ну что ж, направляйтесь в распоряжение Невельского райкома. Принимайте городской Совет.

— Невельский городской Совет? — удивился Янковский.— Да ведь город в руках врага. Там небось управа хозяйничает.

— Сегодня управа, а завтра... В общем, берите назначение и в путь, пока в Великие Луки,— сказал секретарь обкома.

— Есть! — по-фронтовому ответил Янковский.

Он шагал по осенним улицам областного центра, времени до отъезда в Великие Луки оставалось порядочно, и, как обычно бывает в таких случаях, мысли Янковского перенесли его в прошлое, в дорогие сердцу места.

...Невель. Древний город на старинном тракте Ленинград — Киев. Здесь прошло его детство. Здесь он, сын рабочего-путейца, сам стал в рабочий строй. А когда наступили дни тревоги, взял в руки оружие.

Из горящего Невеля Янковский уходил в числе последних. Небольшая группа коммунистов, выполнив спецзадание, вышла к Великолукскому шоссе, когда по нему уже мчались фашистские танки. Четверо суток группа двигалась лесными чащобами, по болотам и гатям в направлении на Торопец.

В это время в Торопце формировался партизанский отряд «За Родину». Евгений Францевич стал его бойцом. Первая попытка перейти линию фронта закончилась неудачей. Решили пробираться в фашистский тыл группами. Янковский был определен в группу второго секре-

таря райкома партии Михаила Мироновича Шатухо. Сеитябрьская ночь да умелый проводиик обеспечили успех.

Обосновалась группа в трехалевских лесах. Робкими были первые диверсии. Партизаны подпиливали опоры телефониых линий связи, рвали провода, жгли иебольшие мосты через безымяиные ручьи и речушки. После одиой из таких операций командир вызвал к себе Яиковского и сказал:

— Воюем мы далеко не в полиую силу. Нам дозарезу иужиа связь с товарищами, оставшимися в Невеле. Опасиое это дело думаю поручить тебе.

Долго продолжалась их беседа в тот дождливый вечер, а утром, когда свежий ветер разогиал хмарь и вышло из туч неяркое солнце, Янковский, удачно миновав заставу, стучался в дверь дома своего родствеииика на одиой из невельских улиц. Потом была встреча с Аииой Медведевой. Так к секретарю райкома протянулась первая цепочка связи с иадежными товарищами в городе...

В архиве храиится любопытиый документ — доиесеиие старшины Воробьевской волости иачальнику невельской полиции. Этот докумеит свидетельствует, что партизаиы ие давали покоя фашистам. В доиесении написано: «По Воробьевской волости в иастоящий момеит днем и иочью действуют банды (так фашисты именовали партизаи.— *Авт.*) во главе с Шатухой группами в 15—20 человек, иногда больше. Местное население поддерживает их. Бороться с ними мы не в силах. Охрана, которая имеется иа стаиции Изоча, малочисленная и трусливая. Самыми опасиыми местами, где иаходятся партизаиы, являются деревни Емельяииха, Боровички, Речки, Воробьево и Трощилово. Прошу Вас оказать мне помощь в ликвидации партизан и наведеиии порядка».

В те суровые первые дии зимы Яиковский жил в пустошкинской деревие Ольховка в семье Евдокии Кали-

стратовны Киселевой. И регулярно навещал явки невельских подпольщиков, отмеривая и в лютый мороз и в пургу километр за километром.

В один из январских дней нужно было срочно побывать в Невеле. Вышел Янковский засветло. Шагал по лесной дороге быстро — к вечеру надлежало передать сведения командиру, да и мороз подгонял. Вот и дома Таланкино показались. Но тут партизанский связной заметил несколько человек в кустах на опушке леса. «Засада»,— мелькнуло в голове. Решил обойти деревню стороной, знал там одну заветную тропинку.

Свернул. Пока вышел на нее — набрал снега в ботинки. Вот и лес кончается. Но что это? Впереди лыжники в маскхалатах. Что делать? Не растерялся Евгений. Нашел густую ель, поваленную осенней бурей, нырнул под разлапистые ветви, закопался в снег. И вовремя. Через несколько минут на тропинке появились гитлеровцы. Из их разговора кое-что понял: из лагеря сбежала группа военнопленных. Вот лес и оцепили.

Прошел час, другой. В лесу раздавались голоса, выстрелы. Мороз крепчал, а Янковский продолжал лежать в ледяном укрытии. И так — шесть часов подряд.

Когда гитлеровцы ушли, Евгений Францевич выбрался на тропку. Ноги одеревенели. О походе в Невель нечего было и думать. Выломав две палки понадежнее, двинулся связной назад, в Ольховку. Лишь к рассвету, проковыляв на отмороженных ногах около восемнадцати километров, ввалился в избу. Попробовал скинуть ботинки — куда там. Пришлось Евдокии Калистратовне разрезать обувь.

До весны она укрывала в подполе и лечила, как могла, своего лесного гостя. Янковский сам ампутировал свои омертвевшие пальцы. А тяжелее всего было отсутствие вестей от товарищей. Уже позже стало известно: налаженные связи распались, часть подпольщиков-невельчан попала в руки тайной полевой полиции, боль-

шинство бойцов группы погибло. Погиб, выполняя особое задание, и командир ее — Шатухо.

Осенью 1942 года на границе Невельского района Калининской области и Россонского Витебской развернула партизанские действия бригада чекиста Петра Рындина. В один из ее отрядов и прибрел Янковский на самодельных костылях. Подлечили его в партизанском госпитале. Спустя некоторое время комбриг сказал Янковскому:

— Решили мы с комиссаром тебя командиром отряда назначить. Но отряда этого еще нет. Давай собери его сам. Согласен?

— Согласен.

Создавать отряд в местах, где несколько месяцев подряд свирепствовали каратели, оказалось делом очень нелегким. Евгений Францевич решил сделать ставку на молодежь. Эту идею поддержала Татьяна Киселева — бывший секретарь Невельского райкома комсомола. Отважная партизанка, хороший организатор, страстный пропагандист, она была назначена комиссаром будущего молодежного отряда.

К формированию приступили немедленно. Первыми бойцами отряда стали местные комсомольцы Михаил Баранов, Александр Самохин, Николай Шишмарев, Александр Маркевич. Всего четверо. Но зато какие это были ребята! На свой страх и риск они уже совершали диверсии: портили машины гитлеровцев, уничтожали горючее.

Собирая отряд, Янковский и Киселева переходили из деревни в деревню. Отряд рос и за счет старших школьников — ленинградцев. Поехав летом сорок первого на отдых к родственникам, они остались в этом крае, отрезанные фронтом. Страшно переживали, что сидят без дела, когда страна истекает кровью. Впрочем, сказать «без дела» — будет не совсем правильно.

В одной из деревень Янковскому сказали:

— Есть тут двое подходящих...

Найти «подходящих» оказалось не так уж сложно. Бывшие ленинградские школьники Коля Амосенков и Леня Пантелеев сами пришли к Евгению Францевичу. Они привели его в хорошо укрытый тайник. Он был буквально набит неразорвавшимися снарядами, бомбами и минами.

— Вы с ума сошли, ребята! — Янковский утер вдруг вспотевший лоб.— Немедля уходим отсюда!

— Да вы не беспокойтесь, Евгений Францевич,— засмеялись подростки,— это все разряженные чушки. И тол из них выплавлен.

— Где же вы научились такому?

— Да уж научились...

Местом дислокации отряда стала лесная деревушка Кривицы Невельского района. Деревья тут подступали к самым домам. А с той стороны, откуда можно было скорее всего ожидать появления врага, начинались труднопроходимые болота. Только немногие знали тропы через эти топи. Ими отряд и пользовался для выхода из лагеря и возвращения в него.

Янковский и Киселева организовали обучение юных партизан: учили меткой стрельбе, подрывному делу, маскировке. В апреле 1943 года отряд получил первое крупное боевое задание: подорвать на Ленинградском шоссе несколько мостов.

Отделение подрывников, усиленное разведгруппой, возглавила Киселева. На шоссе вышли южнее деревни Руда. Удобное место: речка протекает, и берега ее так заболочены, что, если взорвать мост, то никакой объезд невозможно организовать. Решили самый большой мост подорвать, когда по нему пойдут машины. Николай Амосенков и Леонид Пантелеев быстро установили под опорами заряды, ввернули детонаторы. А к чеке головного капсюля привязали шнур и отползли в безопасное место.

Медленно текли минуты ожидания. Но вот послышал-

ся шум моторов. Из-за поворота показалась колонна машин.

— Пора, Колька! Давай! — сказал Пантелеев.

Амосенков резко дернул шнур, а взрыва... не последовало. Да и шнур до странности легко наматывался на руку.

— Беда, Ленька! Оборвался!

Лежавший неподалеку в укрытии Сергей Осипенко отчетливо слышал этот разговор. Хотел было подползти на помощь к товарищам, как вдруг увидел: они поднялись в полный рост и бросились к мосту. А потом округу потряс сильнейший взрыв. На воздух летели доски, брусья настила, обломки опор.

Так ценой жизни выполнили боевой приказ два юных ленинградца. В той же операции погибли Леонид Сургофт и Иван Слепенков, дравшиеся до последнего патрона у деревни Корсаковские Лешни, где после отхода группы их окружили фашисты.

Спустя несколько дней отряд вывел из строя второй крупный мост на шоссе Ленинград — Киев, уничтожив при этом его охрану. А в канун Первомая запылали шесть мостов на дорогах, ведущих к стратегически важной магистрали.

С каждым новым днем рос боевой счет отряда. Но здоровье Евгения Францевича неожиданно резко сдало. В конце мая ему стало совсем скверно. Снова партизанский госпиталь, снова операция. И тогда было решено переправить командира отряда Янковского на Большую землю.

* * *

Секретарь обкома оказался прав — вскоре Янковский приступил к исполнению многотрудных обязанностей председателя Невельского горсовета, когда из города выбили фашистские войска. Ценой невероятных усилий удалось восстановить в кратчайший срок электростанцию. Открылась первая столовая. Распахнулись двери школы.

Дни тревоги продолжались. Невель еще добрых полгода был прифронтовым городом. Его бомбили, в разрушенные кварталы засылал враг диверсантов и лазутчиков. Вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Янковский организовывал противовоздушную оборону города, мобилизовывал трудящихся на борьбу с диверсантами и разведчиками, с эпидемией.

Позже с такой же энергией и страстью он в течение многих лет занимался подготовкой кадров специалистов сельского хозяйства. В дни, когда я познакомился с ним, Янковский принял предложение возглавить ПТУ в городе Павловске.

Дмитрий Кормушкин

ПОДВИГ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Молодая учительница апросьевской семилетки Галя Фадеенкова рано повстречалась с военным лихом. Мужа, директора школы, весной 1941 года призвали в армию, и с начала войны от него не было вестей. Эвакуироваться с ребенком не успела — в районном центре Бежаницах уже хозяйничали гитлеровцы.

Бороться или потихоньку отсиживаться — этот вопрос Фадеенкова перед собой не ставила. Комсомолка, активистка, без которой не обходилось в деревне ни одно общественное дело, она искала лишь возможности вступить в борьбу. Вскоре такая возможность представилась.

Однажды вечером к отцовскому дому в деревне Лукино, куда перебралась Галина, подошли пятеро военных. Судя по всему, это были командиры Красной Армии. Один из них, с обмотанной бинтами головой (товарищи звали его Георгием), обратился к Галиному отцу:

— Помогите, пожалуйста, промыть рану.

— Галя! — позвал Иван Гаврилович.— Окажи помощь товарищу.

Пока дочь меняла повязку, Иван Гаврилович поинтересовался:

— Куда думаете подаваться, ведь фашист кругом?

— А никуда, папаша. Будем воевать в ваших краях. Вот только с силенками соберемся,— ответил военный, которого товарищи называли Петей, и, улыбнувшись, тоже задал вопрос.— А к вам наведываться иногда можно?

— Конечно,— ответил Фадеенков.

Прошло несколько дней. Ненастным вечером в дом к Фадеенковым пришел Георгий. Встретила его Галя.

— Петя просил передать вам просьбу,— с места в карьер начал гость доверительный разговор.

— А нельзя ли хоть немножко узнать, кто такой Петя? — тихо спросила Галя.

— Вам сказать можно. Это старший лейтенант Рейтер, Петр Петрович. Обрусевший немец. Мы с ним вместе воевали. Он сейчас командир нашего маленького отряда.

— Какая же ко мне просьба?

— Может быть, вы сходите в Локню, посмотрите, что там делается, а потом нам об этом расскажете?

— А что надо там посмотреть?

— Узнать, в каком месте поселка находится лагерь военнопленных. Откуда и как лучше всего к нему подойти. Как охраняется лагерь — где и какие посты, как производится их смена. Повторяю: это просьба, только просьба. Дело опасное. Подумайте.

Фадеенкова улыбнулась:

— Я уже подумала и поручение постараюсь выполнить.

На следующий день спозаранку Галя отправилась в Локню. Ушла без пропуска. Ушла с надеждой, что в городе ей поможет знакомая семья. Рискованная затея удалась. Галя трижды — утром, в обеденное время и вечером — побывала около лагеря, с тяжелым сердцем смотрела на людей за колючей проволокой, наблюдала за охраной, старалась запомнить все увиденное.

Благодаря сведениям, собранным Галей, партизаны помогли бежать группе военнопленных.

Немного позднее Фадеенкова ходила в Локню еще два раза. Задания давались посложнее: собрать сведения о численности и размещении локнянского гарнизона, о движении поездов и характере перевозимых грузов. Станция Локня — одна из двух главных на железной дороге Новосокольники — Дно.

Как-то, выслушав рассказ Галины об очередном походе в Локню, Рейтер сказал:

— Хорошо бы, Галя, вернуться в Апросьево. Там вас все знают, и вы всех знаете. Польза от этого будет большая.

Галя так и сделала. Теперь ее жилье стало явочной квартирой для партизан отряда Рейтера и местом, где деревенские жители могли услышать правдивое слово о ходе войны. Нередко среди ночи Фадеенкова просыпалась от легкого стука в форточку, подходила к окну, и до ее слуха доносился из темноты негромкий голос:

— Откройте, я от Рейтера.

Гость из леса обычно приносил номер «Правды» или «Красной звезды» и непременно — переписанную от руки сводку Советского информбюро. А днем и вечерней порой в школу заходили «проведать учительку» пожилые крестьянки. И «невзначай» заходил разговор о главном — как-то там на фронтах. Делились люди и местными новостями. Прошел слух, что в районе находятся секретари райкома партии Суетинов и Теплов, председатель райисполкома Михайлов, прокурор района Тарасов.

К исходу первого года войны группа Рейтера превратилась в большой, хорошо вооруженный и активно действующий партизанский отряд. На территории Бежаницкого, Локнянского, Кудеверского и Новоржевского районов он совершал нападения на конные обозы и автомобильные колонны гитлеровцев, взрывал железнодорожное полотно на участке между станциями Локня и Сущево.

Сам Рейтер, человек отчаянной смелости, порой облачался в форму гитлеровского офицера и в таком виде появлялся в Локне, Новоржеве, Пушкинских Горах.

В августе 1942 года отряд попал у деревни Загрязье в окружение и понес большие потери. Рейтер погиб.

Гитлеровцы нещадно преследовали тех, кто помогал партизанам. Добрались они и до семейства Фадеенковых. Галину арестовали и бросили в локнянскую тюрьму. На допросе Фадеенкова поняла, что о ее причастности к партизанским делам гитлеровцам почти ничего не известно. Твердо стояла на своем: Рейтера знать не знаю. Через месяц, изможденную, полуживую, ее освободили.

На свободе Галю ожидало новое испытание. В деревню Дворцы прибыла из Ленинграда ее сестра Александра Ивановна Богданова. Она перешла линию фронта с разведывательным заданием. Гитлеровцы засекли появление Богдановой. Не найдя сразу разведчицу, агенты тайной полевой полиции арестовали родственников Богдановой и ее сестер — Галю и Зину. Главарь локнянских полицаев Агамбеков, бывший деникинский офицер, зверски избил Фадеенкову.

— Повешу за ноги на дереве! — кричал он.— Рассказывай, с какой целью пришла Богданова, о чем ты с ней говорила?

Разведчицу вскоре схватили и расстреляли. Ее родственников освободили, кроме Галины Фадеенковой. Опять та же тюрьма. Затем так называемый трудовой лагерь.

Перед новым, 1943 годом Фадеенковой удалось бежать из лагеря. Пройдя Локню, Галина свернула в сторону леса и двинулась напрямик по снежной целине. Шла через сугробы и зыбкие болотные хляби. Падала от усталости, с трудом поднималась и снова шла. Когда Фадеенкова подходила к деревне Луг, ее внезапно остановил громкий и властный голос:

— Стой! Кто идет?

Подошли двое вооруженных мужчин в гражданской одежде, спросили:

— Кто такая? Откуда и куда?

— Ведите к командиру,— ответила Галя, смутно догадываясь, что повстречалась с партизанами.

Догадка подтвердилась. Действительно, Фадеенкову задержали дозорные из партизанской бригады имени Лизы Чайкиной. Они привели задержанную в деревню Шентилиху. Командир бригады капитан Максименко не успел начать допрос, как в штабную хату вошел партизан. Галя узнала в нем Василия Михайловича Михайлова. Кивнув в ее сторону, Максименко сказал Михайлову:

— Вот привели неизвестную, хочу допросить.

— Допросить, конечно, следует,— улыбнулся Михайлов.— Но за эту женщину могу поручиться. Словом, человек наш, можно не сомневаться.

— Значит, и не будем сомневаться, раз комиссар отряда такие слова говорит. Но для пользы дела я попрошу Галину Ивановну рассказать о своем житье-бытье.

Галя рассказала про отряд Рейтера.

Максименко спросил:

— А приходилось ли видеть в Локне или около нее какие-нибудь военные объекты?

— Да.

— Какие именно? Можете показать на карте, где они находятся?

— Могу.

Разговор закончился тем, что комбриг сказал:

— Домой, в Апросьево, вам возвращаться теперь нельзя. При удобном случае постараюсь отправить вас самолетом в советский тыл. А пока назначаю в отряд Большакова. Думаю, что там вам надо заняться уходом за ранеными.

Так началась жизнь Фадеенковой в партизанском отряде. Галя не подрывала мосты и рельсы, но в качестве проводника на «железку» ее посылали. В стремительных

дерзких ночных налетах она не участвовала, а вот бойцам, страдавшим от ранений и болезней, помощь оказывала, бессонные ночи около них проводила. В разведку с отчаянно храбрыми ребятами не ходила, но ценные разведывательные сведения через местных жителей добывала. Словом, делала все, что могла, и пользовалась среди бойцов и командиров заслуженным уважением. Всякий раз, когда среди партизан заходил о ней разговор, можно было услышать:

— А Галя-то наша молодчина.

— Да, женщина боевая, не робкого десятка.

Весной 1943 года крупные подразделения вермахта и части охранных войск окружили бригаду. В кровопролитном бою у озера Але под Кудеверью она была разбита. Уцелевшие бойцы пытались выходить из окружения мелкими группами. Группа, с которой шла Фадеенкова, больше недели укрывалась в районе станции Насва на болотном островке. Здесь Галя встретила брата Ваню. Он воевал в другой партизанской бригаде, которая под натиском карателей тоже была вынуждена отступать.

— Буду пробираться домой,— сказал подросток сестре.— Ноги у меня больные, обмороженные, еле-еле хожу и до линии фронта не доберусь.

— Гляди, чтоб фашисты не схватили.

— А я постараюсь с ними не встречаться.

И брат ушел. Он благополучно добрался до родной деревни, побыл некоторое время дома. Однако в Бежаницах, куда он вскоре наведался, его опознал и арестовал Агамбеков. Юного партизана расстреляли.

В начале мая Фадеенкову и еще нескольких партизан, изможденных, раненных, гитлеровцы взяли в плен. Мужчин расстреляли, женщин отправили в концлагерь. От фашистской неволи Галина Ивановна избавилась лишь в июле сорок четвертого, когда советские войска освободили старинный русский город Изборск.

* * *

В пятом классе 525-й ленинградской школы писали сочинение на тему «Человек, которого я считаю красивым». Ученица Лена Ануфриева написала: «Красивым человеком я считаю Галину Ивановну Фадеенкову. Она моя первая учительница. Галина Ивановна хотела, чтобы мы выросли настоящими людьми. Жизнь у Галины Ивановны была трудная. Во время войны она потеряла мужа, а сама была в партизанском отряде. Галина Ивановна очень добрая учительница, но в то же время строгая и справедливая...»

Правильно, Лена!

Виктор Агапитов

ДВА НОЧНЫХ БОЯ

Следопыты 335-й средней школы Невского района города Ленинграда и их шефы — комсомольцы фабрики «Рабочий», чуть ли не целый день хлюпавшие по болоту, неожиданно оказались на сухой, возвышенной полянке, к которой со всех сторон подступали ярко-желтые сосны.

— Вот здесь бы и заночевать! — раздался чей-то голос.

— А мы так и сделаем,— сказал Михаил Андреевич Поспелов, возглавлявший поход ребят по местам боев ленинградских партизан.— Тем более что поблизости протекает чистейшая лесная речушка.

— Неужели помните о ней еще со времен войны? — удивились ребята.

— Да, с тех самых пор. Наш отряд в сорок первом дважды проходил через эти места. Но воспоминания потом, а сейчас устраивайтесь на отдых.

Место для ночного отдыха было оборудовано в короткий срок.

После ужина участники похода окружили Поспелова, посыпались просьбы:

— Расскажите про первый бой.

— Как в разведку ходили.

— Нет, лучше про лихие налеты...

— Ну, уж так и лихие,— отшучивался Михаил Андреевич.

...Лихие налеты... Много их было с тех пор, как он — инструктор по комсомолу политотдела Ленинградско-Московского отделения Октябрьской железной дороги из народного ополчения — попал на партизанскую тропу. Ему повезло — отрядом, куда он был определен, командовал пограничник, старший лейтенант Валентин Савченко — один из первых вожаков ленинградских партизан. Под его началом младший политрук Поспелов и набирался партизанской мудрости, пока отряд рейдировал и в близком и в глубоком тылу врага.

Лихие налеты... Правильней было бы сказать — дерзкие. На всю жизнь запомнились два. Один был в 1941 году в лесах под Ленинградом. Поспелов командовал тогда группой. Второй — на латышской земле в 1944 году. Капитан Поспелов был в то время чекистом.

ДЕДНО

Приближалась 24-я годовщина Великого Октября. От действовавших в тылу противника разведчиков поступило донесение, в котором говорилось, что под Старой Руссой, в деревне Дедно, расположились интендантские службы 16-й немецкой армии и пехотное подразделение вермахта, а поблизости размещался склад боеприпасов. Здесь же неподалеку находился лагерь военнопленных. У нашего командования созрело решение нанести внезапный удар по фашистам в районе деревни Дедно. Выполнение этого важного задания поручили отряду Савченко.

В ночь на 4 ноября 1941 года партизаны скрытно перешли линию фронта и по болотам, в обход деревень двинулись к цели. Перед рассветом они уже были в нескольких километрах от Дедно. Савченко выставил охранение, организовал разведку, а остальным бойцам приказал отдыхать в лесном урочище.

Группа Поспелова должна была до начала общего удара по врагу, который намечался ровно на 24 часа, установить на всех пяти дорогах, выходивших из Дедно, мины замедленного действия. По имевшимся в отряде сведениям движение по ним было редким. Наблюдения же Поспелова показали, что по двум из них то и дело проезжали машины, и к тому же ходили и сновали на мотоциклах патрули.

Дело усложнялось. Пришлось подходить к дорогам и минировать каждую из них совершенно бесшумно, не пользоваться лопатами, все лунки отрывать и зарывать руками, в случае появления фашистов сползать в канавы и, не шевелясь, лежать в них, пока не минует опасность.

Минирование первой и второй дорог прошло в спокойной обстановке. Группа перешла на третью дорогу. Поначалу и здесь было тихо. Но вдруг со стороны Дедно донесся стрекот мотоциклов.

— С дороги! — приказал Поспелов.

Мотоциклов оказалось два, и в обоих сидело по два гитлеровца. Достигнув участка дороги, на котором шло минирование, они остановились. Из головного мотоцикла вышли оба седока и в двух шагах от Ивана Жабрева перепрыгнули через кювет. Там они простояли целую минуту, громко переговариваясь и размахивая руками. Жабрева так и подмывало скосить их из автомата. Но он, помня приказ, не поддался соблазну.

Не дав гитлеровцам обнаружить себя, группа Поспелова заминировала и остальные две дороги. Вслед за этим, оседлав шоссейку, проложенную от Дедно в южном направлении, она изготовилась к бою.

В полночь, ослепляя все вокруг взметнувшимся вверх огнем и оглушая мощным грохотом, взлетел на воздух склад боеприпасов. Это было дело рук группы комиссара отряда А. И. Голованова. Через несколько минут сработали и установленные на дорогах мины. Гитлеровцы стали выскакивать из домов.

— Пошли, ребята! — крикнул Михаил Поспелов и, открыв огонь, устремился к окраине деревни.

В тот же миг заговорили ручные пулеметы, автоматы, карабины. Партизаны время от времени бросали гранаты, перебегали с места на место и кричали «ура».

Это и требовалось сейчас от группы Поспелова — безостановочно вести огонь, непрерывно маневрировать по фронту, производить как можно больше шума, чтобы ввести в заблуждение фашистов о численности напавших на них партизан и создать ложное впечатление, будто главный удар по ним наносится с южной стороны. И группе удалось в этом полностью преуспеть. Гитлеровцы беспорядочно начали отход в северном направлении, где их и поджидал Савченко с основными силами отряда.

Участь располагавшихся в деревне немецких захватчиков была решена. Поспелов повел свою группу к лагерю военнопленных, куда сразу после взрыва склада и мин на дорогах направилась группа Олега Чернявского. Охрана лагеря была уже снята. Военнопленные, не скрывая слез радости, выходили из жалких землянок и собирались за территорией, огороженной колючей проволокой. Многие из них едва переставляли ноги.

Еще до рассвета группы Поспелова и Чернявского и освобожденные ими военнопленные соединились с основными силами отряда. Было решено немедленно перейти шоссе и углубиться в болота. Но у дороги партизан подстерегали фашисты. Они открыли ураганный огонь из автоматов и стали обходить отряд с флангов. Пришлось повернуть назад в густой лес.

Партизаны достигли широкой просеки. Но фашисты

успели взять ее под обстрел. Чтобы дать возможность отряду и военнопленным проскочить через открытый участок, Поспелов со своей группой отвлек внимание врага на себя. А потом, приказав бойцам следовать за отрядом, стал прикрывать их огнем из автомата.

Как ни расчетлив был младший политрук, но в горячке боя израсходовал все до единого патроны. Это поняли враги. Несколько солдат в полный рост направились в его сторону. Поспелов нащупал под телогрейкой запасную гранату. «Не выйдет, сволочи!» — скрипнул он зубами и бросил ее прямо под ноги фашистам. Взрыв, стоны, проклятия. Единым духом перемахнул Михаил через просеку и исчез в чаще леса.

За дерзкий налет и успешный ночной бой в Дедно особо отличившиеся его участники были награждены. Поспелов был удостоен ордена Красной Звезды.

РИГА

Осень 1944 года. Советские войска освобождают Латвию. У партизанского командира Поспелова, ставшего в ходе войны чекистом, репутация смелого и расчетливого контрразведчика.

Накануне наступления военные чекисты разоблачили резидента абвера — некоего Лангаса. От него были получены важные сведения, в частности, о находящемся в Риге подразделении гитлеровского разведоргана «Абверштелле-Остланд». Советские контрразведчики понимали: начнутся бои за Ригу — фашистский разведорган поминай как звали. А было заманчиво захватить его картотеку...

Начальник управления контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта генерал Н. И. Железников вызвал к себе капитана Поспелова. Посвятив его в замысел намеченной операции, спросил, готов ли он возглавить группу. Поспелов ответил:

— Так точно, готов!

Боевая оперативная группа отправилась в тыл врага в ночь на 13 октября. В нее кроме командира входили еще четыре человека — сержант Любимов и три бойца. Шестым был Лангас. Его включили в состав группы потому, что он хорошо знал расположение немецкого подразделения «Абверштелле-Остланд» и искренне обещал помочь в выполнении задания. Ночь стояла пасмурная, туманная. Это позволило группе перейти линию фронта, ничем не обнаружив себя.

Вот и Рига. Позади вдруг загудела земля от разрывов снарядов и мин. Чекисты поняли: началась артиллерийская подготовка перед нашим наступлением. Нужно было торопиться.

Поспелов спросил Лангаса:

— Так где же логово абверовцев? Мы должны быть там как можно скорее.

— А вон в том здании,— показал бывший резидент на черневший за небольшим пустырем дом, похожий на перевернутую букву «г».

Всмотревшись в него, командир группы убедился, что он в точности похож на тот, который был обрисован Лангасом на допросах. Значит, пришли туда, куда надо.

— Доберемся к входу в дом с торцевой стороны, осмотримся и начнем действовать в соответствии с обстановкой,— объявил капитан и скомандовал: — Вперед!

У запасного (черного) входа охраны не оказалось. Поспелов послал сержанта Любимова проверить, крепкие ли запоры у двери. Минуты через три сержант вернулся и доложил, что запоры с двери сняты.

— Любимов, за мной, остальным оставаться на месте и быть готовыми прикрыть нас огнем! — приказал Поспелов.

Капитан и сержант бесшумно проскользнули на лестничную площадку, а оттуда в коридор, который, делая поворот налево, тянулся во всю длину здания. Двери в

некоторые комнаты, в том числе и в ту, в которой, по словам Лангаса, находились особо важные документы, были распахнуты настежь. Поспелов заглянул в эту комнату. Никого нет, сейфы открыты, в них, а также на столах папки с различными документами.

«Что за чудо! — мелькнуло в голове Поспелова.— Уж не подстроена ли ловушка?» Но, мысленно сказав себе: «Однако не отступать же», он кивком головы позвал сержанта.

— О, да тут писанины — на машине не вывезешь,— перешагнув через порог и глянув по сторонам, пошутил Любимов и тут же спросил:

— Откуда брать?

— Берем из этих вот сейфов и часть со стола.

Когда чекисты нагрузились документами и собрались поворачивать назад, в коридоре послышались гулкие шаги кованых сапог. Капитан глянул в щель между открытой дверью и стеной. Шли три гитлеровца с автоматами на груди и веревками в руках. «Вот оно что: идут упаковывать свои секретные бумаги для отправки дальше на запад»,— подумал Поспелов и, обращаясь к Любимову, сказал:

— Незамеченными не выбраться. Вступаем в бой. Огонь!

Двое гитлеровцев со стоном упали на цементный пол, а третий успел укрыться за подпиравшим потолок столбом и открыл ответную стрельбу. Поспелова и Любимова спасла открытая железная дверь, за которой они прятались.

Из-за поворота коридора выскочили еще несколько фашистов. В их сторону полетела «лимонка». Одновременно со взрывом Поспелов и Любимов выбежали на улицу.

— Ложитесь! — крикнул им боец-чекист, располагавшийся за большим камнем слева от входа в дом.

Только они упали на землю, как над их головами за-

свистели пули. «С верхних этажей бьют,— определил Поспелов.— Кажется, их не так уж и много. Правда, позиция у них более выгодная, но — не беда».

Неожиданно фашисты прекратили стрельбу. Перестали вести огонь и чекисты. Но оказалось, что со стороны врага то была уловка. Они перебежали на другой этаж и, используя момент, пока их не обнаружили, высунулись из окон, чтобы точнее прицелиться, и вновь пустили в ход автоматы. Полетели и гранаты.

Поспелов вдруг ощутил, как ему впилось в шею и живот что-то горячее, острое, причиняющее сильную боль.

— Любимов! — позвал он сержанта.— В случае чего, остаешься за меня. Запомни: ни один листок из взятых документов не должен пропасть...

Сказал и потерял сознание...

Придя в себя, Поспелов, не открывая глаз, спросил:

— Любимов, как обстановка?

Но вместо четкого доклада сержанта услышал в ответ чьи-то незнакомые невнятные голоса. Усилием воли размежив веки, увидел перед собой мужчину и женщину в белых халатах. Позади них стоял Лангас.

— Вы находитесь в одной из рижских больниц,— сказал он капитану.— С приходом советских войск будете переведены в госпиталь. А там,— сделал он неопределенный жест головой,— все в порядке.

Целых шесть месяцев Поспелов лечился в госпитале. Все это время он оставался в томительном неведении, действительно ли сумела группа выстоять до конца. В письмах об этом спросить было нельзя, а встретиться с кем-нибудь из боевых друзей не удавалось — слишком большим оказалось расстояние, отделявшее его от них.

Словно гора с плеч свалилась, когда, вернувшись в боевой строй, Михаил Андреевич узнал, что операция против абверовцев завершилась удачно. После того как Поспелов потерял сознание, бой продолжался недолго. Гитлеровцы, не дожидаясь приближения советских войск,

пустились наутек. Сержант Любимов, тоже раненный, вместе с остальными воинами группы передал захваченные документы в управление военной контрразведки фронта. Документы помогли выявить и разоблачить немало фашистских шпионов и диверсантов.

За подвиг, совершенный осенней ночью 1944 года, Михаил Андреевич Поспелов был награжден орденом Красного Знамени...

* * *

Долго в ту ночь не могли уснуть участники похода. Погас костер. Стали блекнуть звезды, а в палатках все еще слышались приглушенные голоса. Не часто услышишь были, овеянные дымкой легенд.

Евгений Михайлов

ПОЕЗДКА В ЮНОСТЬ

Одно из писем дорогому близкому человеку Александр Фадеев закончил словами: «...как хорошо мне вместе с Вами идти по нашей юности!..» Будто в унисон этому светлому чистому чувству Петрусь Бровка писал:

Слышу сердца укоры:
Надо дружбу беречь,
Не затягивать сборы,
Не откладывать встреч.

И мы решили не откладывать встречу. Мы — это бывшие вышневолоцкие ребята, ставшие на партизанскую тропу в годы минувшей войны. В ту пору каждому из нас было по 16—17 лет. Ну а теперь, естественно, за пятьдесят.

Решили, побывав в местах, где партизанили, встретиться у истоков реки Синей, что в Псковской области.

Правда, там в вековом бору она еще не река, а ручеек — зато высится возле нее курган Дружбы. Насыпали его три десятка лет назад бывшие партизаны — русские, белорусы, латыши — в память о совместной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Не всякой реке такая честь!

И вот мы в пути. Выехали рано утром. За рулем машины Сергей Смирнов, пассажирами Сергей Алексеев, Аркадий Черноморцев, автор этих строк... Бегут версты. В полдень машина врезается в лесные массивы Псковщины.

Здравствуй, земля партизанская! Здравствуй, боевая юность! Невдалеке от переезда через дорогу Москва — Рига Черноморцев просит:

— Притормози, Серега, кажется, здесь.

Алексеев и Черноморцев долго исследуют холм, кусты, спускаются и раз и другой к железной дороге. Наконец твердо говорят:

— Да, здесь.

...То было третьим военным летом. Сергей, Аркадий и еще несколько бойцов долго таились тут, выжидая момента, чтобы бесшумно снять охрану, а потом торопливо заминировать полотно «железки». Спустя полчаса близ переезда взметнулся столб земли, огня и дыма, заскрежетали, сбивая друг друга, вагоны. Вражеский эшелон не прошел к фронту...

Поехали дальше. Теперь все чаще и чаще память воспроизводила дорогое, заветное, и мы прерывали друг друга восклицанием:

— А помнишь?..

А помнить было что. Наш славный городок, раскинувшийся живописно у истоков рек Тверца и Мста, в годы Великой Отечественной был прифронтовым. С весны 1942 года он направляет одну за другой группы юных патриотов за линию фронта. К тому времени в Вышнем Волочке не было уже молодежи призывных возрастов. В тыл

врага идут шестнадцати-семнадцатилетние школьники, оставив дома, как Женя Сперанский и Аркадий Черноморцев, короткие записки: «Не беспокойтесь. Я ушел в партизаны».

Из Вышнего Волочка за линию фронта ушли партизанские группы «Боевые», «Отважные», «Бесшумные», «Универсалы», «Новички» и другие. Было что-то романтическое в таких кодовых названиях, они нравились комсомольцам-партизанам. В 1943 году многие из бойцов этих групп составили костяк чекистской бригады имени Дениса Давыдова, славно воевавшей у старой латвийской границы, на важнейшей шоссейной магистрали Остров — Опочка — Пустошка. Но это уже, как говорится, «большая история», а мы «по дороге в юность» вспоминали эпизоды, которые, если и попали в отчеты и донесения о боевых действиях партизан, то обозначены одной или двумя скупыми строками.

В один из последних дней августа 1942 года диверсионная группа под командованием Игоря Венчагова дважды нарывалась на засаду. Фашисты и полицаи крупными силами преследовали молодых партизан и в полдень прижали к большому топкому болоту. Проваливаясь по пояс, ребята добрались до крохотного островка и, укрывшись в его кочках, замерли. Дальше двигаться не позволяла глубокая трясина.

Погоня приближалась. Послышалось повизгивание собак, терявших след в высокой болотной воде. За ветвями низких сосенок раздалось чавканье шагов. Прижав к щеке автомат, Саша Голубев щелкнул предохранителем, переводя ползунок на стрельбу очередями. Командир выразительно поднес к его лицу кулак, как бы говоря — только попробуй!

— Господин фельдфебель, нетути никого,— пробасил из-за сосен проводник.— Видать, утопли. Дальше места гиблые.

Гитлеровцы стали выбираться из болота, но собаки

истошно лаяли, и фашисты снова начали стрельбу. Вжавшись в кочки, партизаны не шевелились.

Серьезность создавшегося положения понимали все. Впереди была непроходимая топь, позади враги, блокировавшие выходы из болота. В подавленном настроении, продрогшие от долгого лежания в болотной воде, ребята молчали, думая каждый о чем-то своем. И тогда командир жестом руки показал, чтобы все придвинулись к нему.

— Вырваться будет трудно,— зашептал он,— может, не каждому это удастся, а может и никому. Но мы знаем, куда и зачем шли, во имя чего рискуем жизнью. Слушайте и повторяйте.

Примостив на коленях планшет, Игорь достал из него листочек бумаги и начал читать. Сначала опешив, а затем поняв, в чем дело, все также шепотом стали повторять за командиром слова партизанской присяги. Текст ее был вручен Венчагову перед выходом на задание.

Велика сила клятвы! Ободрились ребята. Стрелки часов показывали третий час дня, когда Венчагов приказал подняться. Шепотом сказал:

— Будем выходить немедля. Гитлеровцы думают, что мы попытаемся выйти, когда стемнеет. А мы сейчас. Бесшумно — за мной!

Спаслась группа. И не только никого не потеряла, но и блестяще выполнила боевое задание — совершила диверсию на железной дороге. В ночь на 8 сентября Иван Хабаров, Тихон Мазнев, Василий Беляков, Александр Голубев и Алексей Крюков заминировали «железку» справа и слева от здания разъезда Щетино. Утром под откос полетел вражеский эшелон в 23 вагона. Через час на глазах у прибывших к месту крушения солдат и ремонтных рабочих взрыв сбросил с рельсов еще два десятка вагонов воинского эшелона.

Вспомнился и такой случай. Однажды группа «Боевые» (командир Владимир Иванов) возвращалась в со-

ветский тыл. Боевое задание «Боевые» выполнили: вражеский эшелон с военной техникой и вооружением был подорван у разъезда Власье. Когда до «нейтралки» (так в обиходе мы называли зону между нашими передовыми частями и подразделениями гитлеровцев) оставалось совсем немного, ребята заметили огонек костра. Горел он в поле. Удивленные такой беспечностью, партизаны осторожно приблизились. У костра сидел мальчишка. Невдалеке пасся табун лошадей.

— Хлопчик, одолжи коня покататься,— крикнул шутливо Черноморцев.

Мальчик вздрогнул, но поняв, что перед ним партизаны, серьезным голосом сказал:

— Если возьмете коней, дайте расписку. Иначе меня фашисты забьют. Они приказали пасти.

— Спасибо, дорогой, за подсказ,— похвалил пастушонка командир,— мы и впрямь возьмем коней и махнем верхами через «нейтралку».

На каком-то клочке бумаги при свете костра командир написал расписку. Ребята перерезали путы стреноженных коней и, пустив их в галоп, неумело расставляя ноги и взмахивая локтями рук в такт скачущим лошадям, помчались. Нейтральная зона подходила к концу. Устав от скачки, остановились. И удивились: весь табун — около двух десятков лошадей — покорно следовал за ними. Кто-то догадался:

— Аркаха, да ведь ты на жеребце сидишь, за ним и табун весь тянется.

Так и въехали они в советский тыл верхом на ухоженных лошадях. Встретившие их красноармейцы не скрывали своего восхищения:

— Орлы, ребята!

Лошадей ребята сдали армейцам, а сами, широко расставляя ноги, потертые в пахах от неумелой лихой езды без седел, охая и смеясь друг над другом, отправились пешком к своему начальству...

Небольшой партизанский отряд под комаидованием Владимира Иваиовича Марго остаиовился в лесиой деревие. Ждали проводинка вместо погибшего в завязавшейся схватке.

На крыльце дома, где расположился штаб, сидел ордниарец командира Сережа Смириов — иизкого роста, одетый в гнмнастерку сииего цвета, широкие галифе, в брезентовых сапогах. Деревеиские мальчишки на противоположиой стороне улицы с нескрываемой завистью наблюдали, как прн появлении комаидира Сережа ловко вскакивал и лихо отдавал честь.

Видел в окио эту сцену и Марго. Вскоре он вышел иа крыльцо. Прн его появленин Сережа вытяиулся в струику. Комаидир, лукаво улыбнувшись, сказал:

— Молодец! Хорошо службу знаешь. Только внд у тебя ие совсем солдатский. Вот, возьми для солндиости,— Марго протянул руку, в которой блесиула кожа кобуры, обериутая полоской ремия.— Береги да чистн почаще. Оружие уход любит.

Шли дии нелегкой партизанской жизни. Товарищн привыклн, что подарок командира — нагаи в темиокожей кобуре, всегда иачищенный, с полным зарядом патроиов, внушительно поблескивал на поясе Сергея. Никто ие предполагал тогда, какой дорогой подарок сделал Марго своему ординарцу.

Вблизи станции Заворуйка несколько раз срывались операции по взрыву вонискнх эшелонов врага. Причниой тому была особая команда гнтлеровцев, которая регулярно каждое утро обходила участок железнодорожиого пути и, заметив малейшне следы, обезвреживала мины, устаиовлеииые партизаиами ночью. После осмотра она давала сигиал для прохода поездов через этот участок. Пропадали дефицитные мины, а фашнстские эшелоны шли безиаказаиио в стороиу фроита.

Комаидир приказал уиичтожить эту команду. Перед рассветом два десятка партизан вплотную подошли к же-

лезнодорожному пути и устроили засаду. Ждали недолго. Подпустив гитлеровцев поближе, Смирнов и его товарищи открыли огонь. Был он неожиданным и точным, сопротивления почти не последовало. И все же один из фашистов успел выпустить ракету. Почти сразу же на станции Заворуйка раздался рев автомашин.

— Отходим! — крикнул старший из партизан.

Бойцы стали быстро собирать трофеи — документы и оружие. Подбежав к убитому ефрейтору, Сережа схватил одну винтовку и бросился за следующей. Но оказалось, что гитлеровец, к которому он направился, был только легко ранен. Увидев бегущего к нему партизана, он схватился за гранату. Все решали секунды. Винтовки, висевшие за спиной, мешали Сергею, а снять их не оставалось времени. И тогда на ходу, выхватив из кобуры наган, он выстрелил.

Не подвел подарок командира. Прихватив еще одну трофейную винтовку, Смирнов едва успел перевалить через насыпь, как по партизанам открыли огонь подоспевшие на машине автоматчики. Но было уже поздно. Партизаны скрылись в лесной чащобе.

Разбирая эту операцию, командир объявил Сергею Смирнову благодарность. И вряд ли подумал, что, подарив ординарцу в свое время наган, подарил ему жизнь...

Крепка боевая партизанская дружба. Вспомнили мы, как помогала она нам в самые критические моменты весной 1943 года. Тогда каратели, усиленные полевыми войсками, теснили калининских партизан. Доставалось и отряду (второго формирования) Бухвостова. А тут еще одна беда — тиф. Свалился в тифозном бреду и Черноморцев. Оставить больных в деревнях нельзя — фашисты уничтожат и партизан и жителей. Отряд отходил заболоченными лесами к линии фронта, неся с собой раненых и больных. Молодой партизан Веня Чуркин не отходил от Аркадия, когда тот впадал в забытье, кормил его с ложечки, умудрялся доставать немножко меда в лесных де-

ревушках, чтобы поддержать больного. Часто на себе нес Черноморцева и Борис Годин — верный товарищ, отважный партизан.

Ночь с 23 на 24 апреля была ужасно тяжелой для отряда. До реки Смердель, за которой были позиции наших войск, оставалось 2 — 3 километра. Но каратели крепко зажали партизан, стараясь отрезать им выход в советский тыл. Бухвостов дал команду идти на прорыв. Шумно дыша, едва вытаскивая валенки из глубокой грязи, отстреливаясь по слуху и на вспышки выстрелов, партизаны бросились к берегам разлившейся весенним половодьем реки. Кто-то догадался протянуть через бурлящий поток связанные вожжи. Началась переправа.

Вот уже до берега каких-нибудь 50 — 70 метров. И тут силы окончательно покинули Черноморцева. Рядом был Женя Сперанский.

— Вставай, Аркаха, пойдем — фашисты совсем рядом!

Аркадий махнул рукой:

— Иди, Женя. Я отвоевался.

Сперанский разрезал ножом голенища и стащил с опухших ног Черноморцева валенки. Аркадий с помощью друга поднялся. Сзади уже слышались голоса карателей. В это время, разобравшись в том, что происходит за рекой, по фашистам ударили армейские минометы, и тут ноги Аркадия подкосились и он плюхнулся в грязь. Теряя сознание, выхватил из подсумки гранату, судорожными движениями пытался выдернуть чеку.

— Что ты надумал, дурень! — закричал Сперанский.

Подскочив к Аркадию, он вырвал из его рук гранату и отшвырнул в сторону. Дав несколько очередей по кустам, в которых мелькнули фигуры гитлеровцев, подхватил обессилевшее тело товарища и понес к переправе.

Бойцы нашего переднего края встретили партизан у самой реки. Кто-то сказал:

— Ну и досталось же вам лиха, ребята!..

* * *

Много бывших партизан съехалось по традиции в первое воскресенье июля в Себеж, а оттуда на праздник к истокам Синей. Среди них мы нашли и своих друзей — вышневолочан Вениамина Чуркина и Альберта Храмова. Оба полковники. Альберт Федорович Храмов — чекист. Вениамин Иванович — командир гвардейского полка. В рабочем строю и мы, приехавшие к кургану Дружбы с берегов Тверцы — Сергей Матвеевич Смирнов, Аркадий Константинович Черноморцев, Сергей Алексеевич Алексеев и автор этих строк.

Особое слово про Аркадия Черноморцева. В 1944 году с партизанских троп он пошел солдатской дорогой. Воевал храбро и умело, но при штурме Кенигсберга был тяжело ранен: 14 ран. Инвалид? Нет! Прекрасный фрезеровщик механического завода. Проработал на нем 27 лет.

Радостной была встреча. После участия в общих торжествах устроили мы «вышневолоцкий вечер». Вспоминали добрым словом своих командиров, товарищей, не доживших до светлого часа Победы,— Василия Белякова, Владимира Иванова, Бориса Зайцева...

Вспоминали и разные забавные случаи, смешные истории, которые случались с нами — ведь мы были чертовски молоды! По старой привычке называли Сергея Алексеева Душечкой. Это имя плотно прикипело к Сергею, как только он — добродушно улыбавшийся детина — появился в отряде. У Душечки кулаки — каждый с пудовую гирю и плечи — косая сажень. Смеялись тогда ребята: «Тебе, Душечка, не пулемет в руки — пушку противотанковую!»

Удалась наша поездка. Прав был Александр Фадеев: с верными друзьями хорошо идти по юности, хотя ее и отделяют от сегодняшнего дня десятилетия.

СОДЕРЖАНИЕ

40 к.

ПОЛИТИЗДАТ